

ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВ

Урал- БАТЮШКА

Каменный пояс

Наследники

Урал-батюшка

Евгений Федоров

**Каменный Пояс.
Книга 2. Наследники**

«ВЕЧЕ»

1951

Федоров Е. А.

Каменный Пояс. Книга 2. Наследники / Е. А. Федоров —
«ВЕЧЕ», 1951 — (Урал-батюшка)

ISBN 978-5-4484-7579-5

«Каменный Пояс» – эпическое полотно, охватывающее период русской действительности от конца XVII века до 70-х годов XIX века. И хотя стержнем повествования служит история рода уральских горнозаводчиков Демидовых – от сметливого кузнеца Никиты, зачинателя «дела», до немощного, развращенного роскошью Анатолия, князя Сан-Донато, завершившего родословную, – главным героем трилогии является талантливый, трудолюбивый русский народ, терпеливый и мятежный. Автор создал целую галерею запоминающихся образов мастеровых людей, зримо предстают и Демидовы, жестокие, властолюбивые, гордые своей силой и властью над человеком. «Наследники» – вторая книга трилогии. Подобно деду, тульскому оружейнику Никите Демидову, его внуки в стремлении расширить производство проявляют хозяйственную сметливость и напористость. Бесчеловечно эксплуатируя трудовой народ, они ради наживы совершают преступления, нравственно деградируют. Не в силах терпеть нужду и произвол, рабочие и крепостные демидовских заводов под предводительством Е. Пугачева выступают на борьбу с угнетателями.

ISBN 978-5-4484-7579-5

© Федоров Е. А., 1951

© ВЕЧЕ, 1951

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	33
Глава четвертая	49
Глава пятая	57
Глава шестая	64
Глава седьмая	76
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Евгений Александрович Федоров
Каменный пояс
Книга 2
Наследники

© Федоров Е.А., наследники, 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Часть первая

Глава первая

1

5 августа 1745 года на Каме, у села Яцкое Устье, в пути внезапно скончался основатель и грозный властелин многих уральских заводов Акинфий Никитич Демидов. Страх и волнение овладели его свитой. Первое, что пришло на ум: «Кто же теперь будет владеть столь огромными богатствами и править обширными заводами?» После Акинфия Демидова на самом деле осталось несметное наследство: десятки заводов и рудников, из которых Невьянский и Нижне-Тагильский не имели себе равных в России, множество деревень и сел с крепостными крестьянами – всего тридцать тысяч душ. Много золота, платиновых слитков, драгоценных камней и денег хранилось по кладовым и надежным тайникам хозяина. В больших и малых городах: Москве и Санкт-Петербурге, Ярославле и Нижнем Новгороде, Казани и Тобольске, Твери и Екатеринбурге – везде стояли белокаменные демидовские палаты и склады. По многоводным русским рекам плыли бесконечные демидовские караваны, а на берегах возвышались пристани уральского заводчика. Не перечесть всех богатств, оставленных покойным Акинфием Никитичем Демидовым! «Кому же все это достанется? Перед кем своевременно склонить голову?» – тревожно думала челядь.

Ходили смутные слухи о том, что крутой и неугомонный хозяин в 1743 году уничтожил старое завещание и написал новое. После себя покойный оставил трех сыновей: Прокофия, Григория и Никиту. Все трое были в разном возрасте, разных характеров и привычек. Акинфий Никитич был дважды женат; два старших его сына родились от первой жены, третий, Никита, был от второй супруги невянского властелина – Евфимии Ивановны, ярославской дворянки, женщины с желчным характером. Насколько дерзко и смело вел себя Акинфий Никитич в заводских делах и с людьми даже высоких государственных рангов, настолько он был робок и слабодушен в отношениях с остроносенькой и немощной женой. Сынок Никитка родился от нее 8 сентября 1724 года на берегу Чусовой, в пору путешествия жены заводчика на Урал. В память этого семейного события Акинфий Демидов воздвиг на высоком яру реки громоздкий каменный крест с пометой на нем о дне рождения сына. Теперь Никите шел двадцать первый год, а братья его были уже мужами в силе. Однако держались они при отце в тени: в заводские дела не вмешивались, жили неприметно, безмолвно. Сейчас они должны были воспрянуть духом и выплыть из небытия.

«Кто же из них станет хозяином?» – вот о чем думал главный демидовский приказчик Мосолов, сидя у тела почившего. Княжистый хитроглазый старик тревожился не напрасно. Знал он, что Акинфий порвал старое завещание, а на кого новое переписал – это было тайной даже для него, умного и доходчивого проныры. Хотелось Ивану Перфильевичу Мосолову не ошибиться. Уже сейчас надо повести себя так, чтобы своими действиями и поведением не затронуть самолюбия будущего властелина.

Хотя Мосолову было не до покойника, он велел спешно обладить дубовую домовину. Тело хозяина обрядили в саван и уложили в крепкий гроб. Когда-то могучий и широкоплечий, Акинфий Никитич выглядел теперь в своем последнем прибежище хилым и старым, словно подменили его. Нос заострился, лицо стало тонким и восковым. Разглядывая этот неузнавае-

мый лик еще не так давно грозного властелина, приказчик сокрушенно думал: «Экий человек – и погас разом! Словно свечу потушили».

Августовское солнце поднялось высоко, жгло немилосердно. Воды Камы неслись привольно и тихо, в их прозрачной глубине отражались вековые кедры, высокие скалы. Струги, уткнувшись в берег, стояли неподвижно. Собирая мед с цветущих трав, жужжали пчелы. Синело небо, озолоченное солнцем. И когда из-за ельника дохнул легкий речной ветерок, на склоненного Мосолова повеяло тленом. Приказчику стало не по себе, его замутило. Он с горечью снова подумал: «Скоро-то как! Был человек, тварь живая, – и не стало. Все суета и быстротечно».

Однако ж он не поддался тоске, встряхнулся и, оглянувшись, приказал:

– Накрыть домовину! На коня холопа – и в село: звать попов отпевать новопреставленного боярина Акинфия Никитича!

Он истово перекрестился и положил перед телом земной поклон.

– Прощай, хозяин! – В голосе приказчика прозвучала скорбь.

Не о покойном думал в эту минуту Мосолов, не его жалел, а горевал он о себе, о жизни: «Эх, как мимолетна она! И не размахнешься во всю ширь. Только разойдешься, думаешь – все впереди, а тут раз – и конец!»

Дубовую домовину закрыли крышкой.

Приказчик сошел со струга, ему подвели коня. Он взобрался на скакуна, махнул рукой:

– Пошел в Невьянск!

Все поняли: поскакал Мосолов к брату покойного, к пучеглазому Никите Никитичу Демидову. Он дядя сирот, ему и забота о наследстве.

В Невьянске в демидовских хоромаш в железном сундуке хранился ларец, а в нем лежало завешание Акинфия.

«Как там сказано, так тому и быть! – рассуждал Мосолов, погоняя и без того горячего коня. – В Невьянск! В Невьянск!»

В попутных заводских селах приказчик наказал священникам звонить в колокола и молиться об умершем хозяине.

Унылый редкий звон огласил горы и лесные трупобы, возвещая печальную весть. Но, узнав ее, крепостные демидовские мужики остались равнодушны. Знали они: ушел один хозяин, придет другой, а их судьба останется неизменной.

2

Тихим ранним утром Мосолов приближался к Невьянску. На востоке над горами пылал утренний пожар зари. Проснулись птицы, в лесах началась суетливая звериная жизнь. На кособоре приказчик задержал коня, вздохнул полной грудью: «Осподи боже, сколь богатства кругом, – и кому это достанется?»

С холма открывались волнистые гребни гор, деревни, притаившиеся среди густых лесов, синие дымки тянулись к небу. Прямо у ног Мосолова распахнулась широкая зеленая долина, по которой, отливая серебром, лениво несла свои прохладные воды река Нейва. Птицы хлопотливой стаей тянулись на юг: отошел спасов день – клонило к осени. Только в тихих заводях кое-где плавали белые лебеди – «божья птица». Где-то вдали, в речном просторе, раздался резкий и громкий, словно металлический, крик ее. Приказчик умилился: «Ишь, Богу замолилась лебедь!»

Из-за бугра вставала наклонная Невьянская башня, тянулись серые заплоты. Завод черным помелом дыма грязнил прозрачное небо. На сердце Ивана Перфильевича вновь с большой силой вспыхнула тревога. Ему представился парализованный брат покойного хозяина – Никита Никитич Демидов. Постнолицый, с закорюченным носом и зоркими глазами, он похо-

дил на старую хищную птицу. Старик быстро раздражался, был невероятно сердит и в гневе страшен. Приказчик прикидывал, как полегче сообщить ему печальную весть. «Брякнешь с маху, враз его кондрашка хватит!» – подумал Мосолов и беспокойно заерзал в седле.

Было время, когда Иван Перфильевич любил поозоровать. Теперь давно отошло оно. Приказчику пошел седьмой десяток, и хотя его тело еще не согнулось под тяжестью времени, еще сохранилась сила, но бывшее проворство уплыло. Сейчас Мосолов походил на старого седого волка, умудренного большой жизнью, и брал он теперь не нахрапом, а хитростью.

Еще раз всадник окинул взором невяньские просторы, свистнул и тронулся под угорье к заводу...

Был час, когда старый Никита Никитич под открытым небом, на крыльце, совершал свой ранний лечебный завтрак. Обряженный в добротный бухарский халат, с гладко причесанными реденькими волосами на высохших височках, он сидел в кресле-возиле. Рыжий зеленоглазый мужик-хожалый, широкий в плечах, с толстой шеей, поил хозяина из рожка кобыльим молоком. Острый кадычок паралитика ходил челноком, узкие глазки сошлись в щелочки от удовольствия.

Заслышав конский топот, Демидов открыл глаза, судорожно отстранил мужика с рожком.

– Ты что не ко времени примчал? – закричал он приказчику.

Мосолов молодо соскочил с коня; медленным шагом, как побитая собака, он трусливо побрел к хозяину. Никита Никитич пронзительным взглядом смотрел на приказчика. Костыль в руке хозяина нетерпеливо выстукивал дробь.

– Что стряслось? Беда? – тревожно спросил старик.

Мосолов смахнул шапку, поклонился Демидову.

– Господь Бог посетил нас, хозяин! – тихо сказал приказчик.

– Пожар? – от страха расширил глаза Никита. – Лес варнаки подожгли?

– Никак нет, хозяин. Свершилось положенное от Бога.

– Коломенки с железом потопли?

– Никак нет. Акинфий Никитич изволил отойти... – хрипло выдавил Мосолов.

Наступила минута тягостной тишины. Рожок выпал из рук хожалого и дребезжащим стуком покатился по ступеням крыльца. Старик сидел неподвижно с отвислой нижней челюстью.

«Никак и этот отходит?» – со страхом покосился на хозяина Мосолов. Но в эту минуту старик встрепенулся, губы его дрогнули, он поднял костлявую руку и перекрестился:

– Упокой, Господи, его душу суетную... Духовника зови, племянников кличь. В горницу вези! – прикрикнул он на мужика. Тот послушно стал за возилом и плавно покатыл его в хоромы...

К удивлению Мосолова, старик Никита Никитич Демидов проявил неожиданную расторопность. Он не отпустил от себя приказчика.

Мужик-хожалый привез хозяина в обширный мрачный кабинет с грузными каменными сводами.

– Теперь уйди! – приказал слуге Демидов. – А ты, Иван, останься.

Мосолов покорно склонил голову.

В узкое стрельчатое окно скользнул робкий луч солнца и словно золотым мечом рассек полумрак горницы. Против кресла, в котором сидел больной старик, на стене в черной дубовой раме висел портрет Никиты Демидова-отца. Голый большой череп поблескивал на темном полотне портрета, курчавая смоляная борода спускалась до пояса, ироническая улыбка блуждала в густой бороде Демидова, властно глядевшего из рамы.

Никита-сын поднял глаза на портрет.

– Видишь? – указал он Мосолову.

Приказчик смутился: в него пронзительно впились жгучие глаза Никиты Демидова. Казалось, старый хозяин ожил и вот-вот заговорит насмешливо, с хрипотцой.

– Что молчишь? – стукнул об пол костылем Никита-сын. – Подойди к тятеньке, отодвинь в сторону – там тайник.

Не спуская с портрета замороженных глаз, Мосолов неуверенно подошел и протянул дрожащие руки.

– Не бойся, не тяпнет! – подбодрил паралитик.

Приказчик взялся за дубовую раму, и она медленно, ровно отошла в сторону – будто посторонился хозяин, доверив секрет холопу. В стене устроен был тайник. Никита Никитич подал приказчику ключ, и тот открыл дверцу. В полутьме хранилища заиграли самоцветы. Одни отливали кровавым светом, другие сверкали голубизной, зелеными огоньками пылали изумруды... Теплыми огоньками мерцали и переливались топазы, рубины, сапфиры и бриллианты...

Казалось, в бархатном мраке качались фонарики, излучая ласковое тепло и радость. Самоцветы были сказочной стоимости. У Мосолова захватило дух, он не мог оторвать очарованного взгляда от сокровищ.

«Вот оно где богатство! Вот какому Богу поклоняются!» Жадность пронзила все тело приказчика, словно огнем его прожгла. Окрик хозяина привел Мосолова в себя.

– Ну ты, не заглядывайся на чужое добро! – пригрозил паралитик. – Не тобою оно тут положено. Бери пакет да закрывай тайник!

Мосолов весь трепетал. Слово обжигаясь, он протянул руку к пакету. За своей спиной он чувствовал пронизывающий взгляд Никиты. Хозяин зорко следил за руками приказчика.

Пакет добыт, тайник задвинут. Никита-отец в дубовой черной раме вернулся на место сторожить семейное добро. Глаза его по-прежнему иронически смотрели на Мосолова, насмехаясь над ним. «Что, видел наше могущество, да руки коротки. Сукин ты сын, пошто позарился на хозяйское добро?»

Чтобы укрыться от демидовских глаз, приказчик повернулся к портрету спиной и вручил паралитику пакет. Пять почерневших от времени сургучных печатей отягощали его. Никита Никитич повертел пакет в руках, злая улыбка змейкой скользнула на тонких губах.

– Вот тут судьба человека! – задумчиво сказал он и посмотрел на Мосолова.

Оба старика – один сухой, немощный, с угасающим взглядом, а другой корявый и могучий еще, как старый дуб, – пристально смотрели друг другу в глаза. Взор Мосолова был темен, недобрые помыслы затаились в нем. Куда девалась прежняя песья покорность и угодливость! Об этом сердцем догадался хозяин и прикрикнул на Мосолова:

– Ну, ты забудь, что видел тут! Руки отрублю да псам скормлю в случае чего. Клич племянников, пусть входят.

– Что ты? Что ты, хозяин! Побойся Бога. Много годов служил верой и правдой, а тут такое подумал обо мне.

– Всякое бывает. Напоследок и на старуху проруху. Подле человека всегда бес вертится, на пагубу подбивает... Ну, ну, зови...

В горницу вошли духовник и три сына Акинфия Демидова, за ними неслышно юркнул слуга и вновь стал за возилом. Мосолов степенно стоял по правую руку хозяина. Он пристально поглядывал то на пакет, то на молодых Демидовых.

Старшему – Прокофию Акинфиевичу – шел тридцать пятый год. Был он среднего роста, узколиц, остронос, с тонкими губами. Глаза насмешливые и беспокойные. Мосолов пуще всего боялся этих злых холодных глаз: читалось в них злорадство, безгласность к людям, нездоровое любованье чужим горем и страданием. Жил он на отшибе от отца, делами не занимался, чудородил, и чудородство его было злое, издевательское... Было что-то схожее у племянника с дядей: тот же садизм, жестокость, утонченные издевки, только второй – старик и прикован к креслу, а молодой безнадежен, зато подвижен. «Не дай бог, ежели завещание да в его пользу!» – со смутным страхом покосился Мосолов на Прокофия...

Рядом с братом стоял тихий, словно пришибленный, средний молодой Демидов – Григорий. «Все Григории у Демидовых недоумки, но работяги», – подумал Мосолов и вспомнил мать Григория – тулячку Дуньку, крепкую, здоровущую молодку, которую Никита Демидов выкупил из крепостной неволи и женил на ней Акинфия. «Не в матушку сынок, хоть и честен и трудога. Этому же и богатство дать в руки, будет лежать втуне!» – с сожалением решил приказчик, и взгляд его перебежал на третьего сына Акинфия – на Никиту. Этот был круглолиц, барствен в движениях, глаза большие, темные. Одет не по-купецки, а модно: в панталонах в обтяжку, в бархатном фраке с золотыми пуговицами, в кружевах. Сдвинув густые брови, Никита внимательно разглядывал тяжелый пакет, который вертел в руках дядя. «Этот – хозяин! – определил его Мосолов. – Барство-то у него напускное, хотя сам и дворянской крови поросль, хват! Деду, поди, под стать, только умом и размахом пожиже. Вот кому наследство в руки! Загремят заводы. Хоть на руку и лют, но хозяин!»

Между тем Никита Никитич Демидов поманил к себе духовника. Старенький священник в темной рясе смиренно подошел к заводчику и благословил его. Демидов вручил ему пакет.

– Отец Иоанн, и вы, мои возлюбленные племянники, – торжественным голосом объявил дядя, – в сем пакете лежит духовное завещание вашего отца и благодетеля. В нем он изложил свою последнюю волю. Сказано во Святом Писании: «Чти отца твоего и мать твою». Как повелел покойный, так тому и быть! Но одно разумеите, дети мои: плох тот сын, который не умножит богатств своего отца. Помолимся перед столь трудным и великим делом!

Священник стал читать молитву. Молодые Демидовы послушно вторили ему. Положив начал, они земно поклонились дяде и покорно отозвались:

– Как отцом поведено, так тому и быть!

– Аминь! – торжественно объявил дядя. Совершив крестное знамение, он сказал священнику: – Вскрой, отец, и огласи волю покойного.

В горнице наступила торжественная тишина. Волнуясь, священник неумело сломал печати и вскрыл пакет. Развернутый лист задрожал в его руках.

– «Во имя отца, и сына, и святого духа, – стал читать завещание духовник. – Находясь в полном здравии и в просветленном уме и пребывая перед лицом Всемогущего Бога, я, дворянин и кавалер многих орденов, Акинфий Никитич Демидов, владелец заводов...»

Священник раздельно по списку зачитал им названия многочисленных заводов, рудников, строений, пристаней. Покончив с этим, он взглянул на наследников и объявил им:

– «Завещаю все поименованное движимое и недвижимое имущество сыну моему Никите Акинфиевичу Демидову, а другим богоданным детям моим: Прокофию Акинфиевичу и Григорию Акинфиевичу – жалую по пяти тысяч рублей серебром. Тому быть, и по моей смерти привести во исполнение беспрекословно и без оттяжек...»

Голос священника дрогнул и погас. Лицо наследника Никиты Акинфиевича засияло, он подался к иерею, намереваясь взять завещание.

– Не трожь! – решительно сказал дядя. – Пусть хранится у меня. Вы хотя и великовозрастные, но опекуном при вас буду я, ибо старший из всех Демидовых.

Племянник Григорий стоял тихий и молчаливый. Он пожал плечами и застыл в скорбной позе обойденного.

Прокофий, как только отзвучали слова завещания, выскочил вперед. Красный, возбужденный – на его узком лбу заблестели капельки пота, – он выкрикнул в лицо дяде:

– Не быть сему! Не уступлю! Я старший сын, пошто обойден? Тут мачеха наворожила. Погоди, добуду правду!

Задышавшись, он выбежал из горницы.

Мосолов посмотрел ему вслед, покрутил головой.

«Эк, заело!» – подумал он. Однако Мосолова порадовало, что его ожидания сбылись. Жалковато было только Григория. «Да ништо, эта сиротинка не пропадет!» – облегченно вздохнул он и согнулся в три погибели перед счастливым наследником.

– Дозвольте поздравить вас, Никита Акинфиевич, со столь благополучным исходом дела...

Священник притих, потупил глаза в землю, стараясь избежать взгляда Григория.

Дядя, взглянув вслед растревоженному обидой Прокофию, вдруг тихо захихикал. Все его тощее, изношенное тело содрогалось в беззвучном дробном смехе: старому кашею понравилась горячность племянника. В темных глазах паралитика вспыхнуло и заиграло злое озорство...

3

Прокофий собрался в дальнюю дорогу, в Санкт-Петербург. Он неожиданно явился к Мосолову, который благодушествовал за ужином: сидел за накрытым столом, жадно пожирая жирные пельмени. Стряпуха возилась на кухне над таганком. Демидов прикрыл дверь за собой на крючок и шагнул к столу. Приказчик испуганно вздрогнул, вскочил.

– Ты что? Для чего закрылся? – подозрительно оглядел он гостя.

Прокофий без приглашения подсел к столу, вытянул ноги. Его злые глаза буравили Мосолова. Тот беспокойно заерзал на скамье.

– Ну, борода, раскошеливайся! – сказал властно Демидов.

– Да что ты, батюшка, господь с тобой! Откель у меня деньги? – залебезил приказчик и, взглянув на образ, перекрестился. – Вот истин бог, ни алтына за душой!

– Ты не юли! – пригрозил Прокофий. – Гляди, от меня ни крестом, ни молитвой не оградишься. Слушай, живодер, покойный тятя совершил беззаконие...

Лицо Мосолова стало багровым:

– Побойся Бога, Прокофий Акинфиевич: таким словом меня обзываешь и почившего батюшку не по-христиански помянул...

– Ты не перебивай, когда хозяин говорит, – сдвинул брови Демидов. – Я свое возьму! Закон на моей стороне, но к закону надо скакать до Санкт-Петербурга, к царице-матушке! А как туда в столичный град явиться без денег, сам знаешь. Давай в долг! – рассвирепел вдруг гость. – Перед кем плутуешь? Ссуду подавай!

Мосолов стал крестить тучное чрево мелкими крестиками.

– Свят, свят, какие слова говоришь!

– Молчи, лысый черт! Не призывай Бога, ворюга! – резким голосом выкрикнул Прокофий и цапнул Мосолова за бороду. – Кому сказки рассказываешь? Кого обманываешь? Кто у деда хапал? Кто у батюшки крал?

Он сердито дернул приказчика за густую бороду. Мосолов поморщился, вскрикнул.

– Молчи! – пригрозил Демидов. – Голову оторву! Плох тот приказчик, который не хапает. Давай, дьявол, на дорогу, не то пожалеешь!

– Батюшка! – взвыл приказчик и, выбравшись из-за стола, брякнулся на колени. – Пощади, батюшка, ни алтына у меня...

– Убью, скаред! – рванулся вперед Демидов, и глаза его недобро сверкнули. Мосолов взглянул на злобное лицо молодого хозяина и ужаснулся, понял: не шутит тот.

– Сколько, батюшка? – прохрипел он.

– Тыщу червонцев.

– О-ох! – простонал Мосолов. – А расписочка? Процентов сколь? – заглянул в глаза хозяина Мосолов.

– С этого и надо было начинать, – сразу отошел Прокофий и посулил твердо: – Как ранее давал, так и теперь получишь!

Озираясь на Демидова, приказчик с опаской подошел к божнице. В ту же минуту стряпуха забарабанила в дверь:

– Пельмени еще подоспели, Перфильич!

– Погодь чуток, – отозвался хозяин и, оборотясь к Прокофию, залебезил: – Ты уж, батюшка, обо всем никому ни словечка. Чего только люди могут подумать, а ведь это я из любви к тебе последнее... Истин бог, последнее. Пошли тебе, Господи, удачи...

Он полез в угол, отодвинул икону и добыл из тайника золото...

Спустя три дня Никита Никитич хватился племянника – его и след простыл.

– Проворен, чертушка! – похвалил он Прокофия. – Непременно помчал с жалобой в Санкт-Петербург. Теперь пойдет потеха! – нескрываясь радовался он предстоящим неприятностям главного наследника.

Мосолов мрачно глянул на хозяина и выдавил:

– Потеха потехой, а чернильной душе, ясной пуговице от сего прибыль. Пососут они демидовские денежки.

Никита сразу поугрюмел, радость его угасла, и он отозвался злым голосом:

– То верно, опять разор! И где только этот варнак раздобыл на дорогу?

– Ну, этот деньгу из-под земли выроет, а на своем поставит! – сказал Мосолов. – Вот узнает о братце Никита Акинфиевич, беда будет...

Однако в этом Мосолов ошибся. Узнав об отъезде брата, наследник улыбнулся и сказал:

– Видимо, надо и мне в Санкт-Петербург отбыть. Обновы нужны, да высмотреть, что там братец надумал.

Молодому хозяину заложили карету. Он барственно уселся в ней и, кивнув провожавшей дворне, крикнул, чтобы услышал Никита Никитич:

– Смотри у меня, слушать дядюшку! Пошел!

Кучер щелкнул бичом, серые кони рванули, и молодой владетель выехал из Невьянска.

Глава вторая

1

Поздней ночью Прокофий Акинфиевич приехал в Москву. Колеса грузного рыдвана гулко загрохотали по бревенчатой мостовой. Ямщик с заляпанным грязью лицом обернулся к заводчику:

– Вот и прибыли, сударь, в Белокаменную. Никак и рогатка!

Демидов высунулся в окно и присмотрелся. Кругом царствовали мрак и тишина.

«Хошь бы один фонарь на всю улицу, – с укоризной подумал Прокофий и усмехнулся: – Спит Москва-матушка праведным сном!»

Откуда-то из темноты неожиданно вынырнула длинная тень. В протянутой костлявой руке закачался тусклый слюдяной фонарь. Бледный трепетный свет озарил сухое старческое лицо и реденькую седую бороду. В правой руке старец держал ржавую алебарду.

– Кто ты? – властно окрикнул его Демидов.

– Будошник я, батюшка! Отколь изволишь ехать, ваша милость, куда путь держишь и как величаетесь, сударь?..

Алебардщик суетился, топтался. Белесые глаза его часто моргали. Демидов взгляделся в пергаментное сморщенное лицо старика и засмеялся.

– Какой же ты страж? Поди, семьдесят годов отбрыкал на земле?

– Ой, что ты, батюшка! Все девяносто.

Улыбка исчезла с лица Прокофия Акинфиевича. Он пристально разглядывал старика, напоминавшего собой выходца с того света. Сухой, костистый, одетый в кафтан, он еле держался на ногах, и фонарь в его руке заметно дрожал.

Пора тебе, кикимора, на покой! – насмешливо сказал Демидов. – Что ты среди ночи проезжих пугаешь?

– И то верно, батюшка! – незлобиво отозвался алебардщик. – Давно мне пора в домовину, все косточки гудят. Покою просят...

– Отворяй рогатку! – закричал Демидов. – Давай путь-дорогу!

– Изволь, батюшка! – Желтый глазок огонька качнулся и уплыл в тьму.

– Но-о! – заорал ямщик, и колымага вновь загрохотала по осклизлым бревнам, своим неприятным сотрясением переворачивая все внутренности путника...

Минули Маросейку и достигли Ильинских ворот. На Китайгородских стенах перекликались сторожа. Унылый переклик их навевал тоску.

Демидову захотелось тепла, послушать шумный людской говор.

– Куда прикажешь, барин? – оборотясь, спросил ямщик.

– Вези вправо, к Тверской! – приказал Демидов.

– Неужто не в отцовский дом изволите? – удивленно спросил ямщик.

Прокофию Акинфиевичу представились заспанные лица московской дворни, давно необитаемые горницы, затхлость и, главное, мертвящая тишина, которая их наполняла, а душе после утомительной дороги хотелось поразвлечься. Он крикнул ямщику:

– Вези к Ивану Дмитриевичу, в Большую Московскую...

«Загулял хозяин, вожжа под хвост попала!» – сообразил возница и взмахнул кнутом. Колымага загремела под угорье...

Несмотря на полуночный час, трактир гудел разноголосьем, редела музыка. В большом зале в бесшабашной песне надрывались цыгане. Дородный купчина приветливо встретил Демидова, отвел в верхнем этаже уютные покои. Разбитной слуга мигом разжег камин; весе-

лый огонек, лаская, согревал утомленное тело. Утолив голод, Прокофий Акинфиевич уселся в глубокое кресла перед камином и вытянул затекшие ноги. Снизу доносились веселые песни, взвизги цыганок, так и подмывало окунуться в бесшабашное удалство, но надо было беречь с таким трудом добытые на дорогу деньги. Впереди предстояло сутяжничество по разделу наследства. Впереди ждали крючкотворы...

Меж тем сон смыкал глаза.

Ловкий слуга уговорил Демидова разоблачиться. Устало добравшись до постели, он бросился в мягкие перины и, утонув в них, быстро уснул...

Как ни убеждал себя Прокофий Акинфиевич, что надо поскорее выбираться из Москвы, но соблазн встряхнуться после однообразной жизни на Каменном Поясе был силен. Несмотря на внутренний предостерегающий голос, он несколько раз спускался в залы шумного московского трактира, где третий день гуляли купцы. В одной из боковых комнат шла оживленная игра в карты. Большого труда стоило Демидову уйти от притягательного места. Он метался по обширному номеру, утешая себя будущим...

Неожиданно постучали в дверь.

– Войдите! – отозвался Прокофий и поднял глаза.

На пороге стоял высокий стройный ротмистр. Ласковые бараньи глаза уставились в Прокофия. Офицер, охорашиваясь, разглаживал пушистые темно-русые усы, приятная улыбка блуждала на его губах.

Подойдя к хозяину, ротмистр лихо звякнул шпорами и протянул руку:

– Разрешите представиться. Ротмистр Иван Антонович Медер! – отрекомендовался он. – Прошу извинить за беспокойство. Мы соседи. Который день я наблюдаю вашу скуку, и друзья мои просили вас к столу. Может, осчастливите?..

Учтивый тон офицера подкупал. Тихо звякая шпорами, ротмистр прошелся по комнате. Мягкий ковер заглушал его крадущиеся шаги. В номере не хватало света, толстые пыльные шторы не пропускали солнца. Лицо Прокофия выглядело бледным, глаза беспокойно бегали.

Офицер льстиво продолжал:

– Мы так много о вас наслышаны. Право, осчастливьте нашу милую компанию...

Он ласково взял Демидова под локоток и шутя потянул его:

– Ну идемте же, сударь...

Прокофий не устоял против соблазна и подумал: «И впрямь, отчего же не пойти и не повеселиться часок?»

Ротмистр провел Демидова в небольшую горницу, утопавшую в клубах дыма. За столом сидели изрядно подвыпившие офицеры, с ними двое статских. Один из них – согбенный старик с напудренной головой, в шитом разноцветными шелками атласном камзоле. Он сидел, опустив на грудь голову. Второй – высокий, костистый, с лошадиной челюстью и наглыми глазами – метал карты. Взгляд Прокофия Акинфиевича упал на длинные жадные руки банкмета. Они жили своей особой жизнью: необыкновенно подвижные пальцы напоминали липкие щупальца страшного морского животного. Они дрожали, сплетались, тянулись к золоту, лежавшему горкой на зеленом поле стола. Взор Демидова скользнул от этих червеобразных пальцев на запятнанный бархатный кафтан банкмета, рваные кружева и грязное жабо.

Банкмет выжидательно уставился в вошедшего Прокофия Акинфиевича.

– Прикажете карту? – бойко спросил он.

– Ах, сударь! – засуетился вдруг благообразный старичок, но тут же осекся под злым взглядом ротмистра.

– Садитесь, сударь! – пригласил ротмистр.

Не успел Демидов и глазом моргнуть, как перед ним мягко легли три карты. Он поставил десять червонцев...

– Ваша взяла! – слышался из клубов табачного дыма голос банкмета, и червонцы придвинулись к Прокофию. В сердце шевельнулась жадность. Демидов бережно сложил червонцы в столбик и вновь взял карту.

– Ваша взяла! – вновь раздался скрипучий голос банкмета, и опять золотые придвинулись к Прокофию.

– О, вам везет, сударь! – прохрипел густым басом ротмистр. – Счастливы в карты, несчастны в любви, – засмеялся он с хрипотцой; смех его походил на шипение старинных ржавых часов, собирающихся отбивать время.

– Ах, сударь!.. – снова вздохнул старичок и осекся.

– Замолчи! – прикрикнул на него ротмистр.

Демидов не замечал ни многозначительных взглядов, ни вздохов старичка: он весь ушел в созерцание длинных пальцев банкмета. На указательном – каплей крови дрожал рубин. Партнеры молча выкладывали золотые. У Демидова раздувались ноздри, дрожали руки. Весь он скрытно трепетал в страшном внутреннем напряжении. Глаза его сверкали. Необузданная страсть овладела им. Казалось, все тело, душа слились в одном ненасытном желании: золота! золота!..

Офицеры приумолкли, в комнате наступила тишина. Старичок поднял голову и потянулся к столу. Перед заводчиком лежала груда золота.

– Сударь, немедленно прекратите игру! – воскликнул старик, но сразу же притих.

– Молчать! Это нечестно! – заревел ротмистр.

– На все! – сказал Демидов и грудью навалился на край стола, готовясь принять новый поток золота. Банкмет, озабоченно наморщив лоб, крикнул:

– Дама!..

Это был лишь короткий миг. Казалось, кровь замерла в жилах, все напряглось в невероятном ожидании. Пальцы Демидова рванулись было вперед...

– Бита, сударь! – равнодушно закончил банкмет, и его зеленые глаза хищника сузились в щелочки.

Прокофий Акинфиевич утер капельки пота, выступившие на лбу. Словно ветер смахнул прочь золотой листопад...

Но жадность цепко держала Демидова. Он вынул туго набитый кошелек и звенящей струей высыпал все дорожные деньги.

– Не везет в любви, зато повезет в картах! – бодрясь, сказал он. – На все...

Офицеры многозначительно переглянулись. Ротмистр воскликнул:

– Что вы делаете, сударь? Счастье повернулось к вам спиной. Ставьте семпелями...

Банкмет закусил зубами чубук, зажег трубку, пустил волнистый клуб дыма.

– На все! – повторил глухо банкмет и метнул...

Прокофий Акинфиевич не мог уследить за движениями его рук. Сердце сжалось. Глубокая тишина снова повисла в комнате. Старичок, не шевелясь, тянулся глазами к столу.

Демидов открыл карты, и все завертелось в его глазах.

– Бита, сударь, – спокойно сказал банкмет; безжалостной рукой он придвинул к себе червонцы.

– Ставьте, сударь, будем отыгрываться! – предложил ротмистр.

– Я все поставил! – упавшим голосом признался Прокофий Акинфиевич. – Разрешите в долг!

– О нет! Мы в долг не играем, – строго сказал ротмистр. – Желаете, сударь, испить бокал пунша? Осушите и идите спать!..

Офицер повернулся спиной к Демидову; звеня шпорами, он вышел из горницы.

– Все-с, сударь, игра окончена! – резким голосом проскрипел банкмет и обволокся синим табачным туманом.

– Ах, сударь, я говорил вам! – вздохнул старичок. – И я так же оказался несчастен...
Прокофий не слышал его. Он встал и, пошатываясь, побрел в коридор.

Пройдя в свой жарко натопленный номер, он, не раздеваясь, бросился на кровать. Но как ни старался он забыться, ворочался, зарывался в подушки, – беспокоила тревожная мысль: «Как же я без денег доберусь до Санкт-Петербурга?..»

Утром к нему в номер постучался хозяин трактира, учтивый седобородый купчина. Он поклонился постояльцу и, обежав зорким взглядом горницу, озабоченно спросил:

– Как спалось, господин хороший?

Пожелтевший, осунувшийся Демидов сидел на кровати, поджав ноги. Молчал.

– Неужто плохо? – строго посмотрел на него трактирщик. Отвернувшись к окну, он соболезнующе вздохнул: – Эх, сударь, впусте обеспокоились. Это всегда бывает после неосторожности. Рассчитаемся как-нибудь.

– Кто же мне даст в долг? Уж не ты ли, борода? – желчно спросил Прокофий.

– Что вы, помилуй бог! – истово перекрестился купчина. – Николи процентщиком не был, господин хороший!

Он помолчал, помялся. Осенний рассвет лениво заползал в комнату. И без того серое лицо постояльца теперь казалось землистым. Красногрудый снегирь, как огонек, на мгновение вспыхнул на подоконнике и отлетел.

– Холодит стало. К зиме... – поживаясь, медленно сказал купец и прошептал вдруг: – Тут старушка одна обретается. Она под расписочку выдаст. Желаете, выручу, сударь, позову?..

Прокофий встрепенулся, ожил. На душе стало веселее.

– Хошь черта зови, но выручай, борода!

– Сей минут! – услужливо отозвался купчина и поспешно вышел...

Старенькая подслеповатая процентщица неслышно переступила порог и выжидательно разглядывала Демидова.

– Ты что, кикимора? Откуда взялась? Ростовщица? – накинулся на нее Прокофий.

– Помилуй бог, батюшка, николи ростовщицей не была. Прослышала от Ивана Дмитриевича о твоём горюшке. Помочь собралась, – смиренно прошептала она. Её хитрые глазки обшарили заводчика.

– Две тысячи червонцев надо, баушка! Дашь мне? – деловито спросил он.

– Ох, много! Ох, многоватенько, батюшка! – заохала старушонка.

– А может, найдешь, баушка? – не отступал Демидов.

– Милый ты мой, желанный, уж поищу... Может, и добуду...

Она низенько кланялась. В темном платье и платочке, старушонка походила на галку. От ветхого платья, от всей старушки пахло смолкой, еле уловимой затхлостью. Глядя на её немощную, сгорбленную, жалкую фигурку, Прокофий спросил:

– Сколь процента возьмешь?

Старушка построжала, подумала малость.

– Ох, и не знаю, сказать как! Не от меня ведется. Баш на баш, батюшка! – елеинно отозвалась она.

– Это что же – рубль на рубль! – ахнул Демидов.

– Это уж как водится, батюшка! Она, копеечка, ныне дорога. Коли бежит по рукам – подружку ведет!

Прокофий Акинфиевич заметался по номеру. Ярость овладела им. Тряхнуть бы старую! Но он сдержался, сказал ей зло:

– Ты что же, старая хрычовка, обираешь меня?

– Что ты, миленький! – удивленно уставилась в него ростовщица. – Чего тебя обирать? Гол, поди, как сокол. Расписочку только и возьму. А придет ли к тебе наследство, один Бог ведает...

«Ведьма! – мысленно выругался Демидов. – Все знает, все обдумала!»

Он кружил по комнате, закинув руки за спину, перебирая пальцами. Полы халата развевались. Старушонка тихонько уселась в креслице.

– Ну что ж, решай, сынок!

Прокофий Акинфиевич остановился перед ней, крикнул:

– Чего расселась, тащи деньги! Согласен!

– Вот и договорились, милый! – радостно отозвалась процентщица и заторопилась за обещанным...

На другой день, на заре, Демидов на тройке помчался к заставе. Задувал сиверко. Черная грязь обратилась в каменные глыбы, коляска подпрыгивала на мерзлых кочках.

– Гляди-кось, что за ночь сотворилось! Так за Тверью, чего доброго, зимушка настигнет, – обернулся к Прокофию ямщик и, блеснув крепкими зубами, выкрикнул: – Ой, гоже будет! Пошли, господа, санный путь! Эй вы, залетные! – Он взмахнул кнутом.

Золотые маковки московских церквей остались позади, когда у загородного тихого погоста тройка нагнала одинокие дроги с гробом. Над черной кущей голых берез с криком кружило воронье.

– Стой, стой! – закричал Демидов ямщику.

Бородатый возница на минуту сдержал разгоряченных коней.

– Эй, кого хоронят? – спросил Прокофий погребальщика.

– А кто его ведаёт! – скучаясь отозвался мужичонка. – Сказывают, барин, какой-то помещичек профукался в картишки и кокнул себя. – Он поглубже надвинул треух на уши и свистнул соловому коньку.

– Пошел! – заорал Демидов. – Быстрее погоняй!..

Он вспомнил старичка в атласном камзоле у зеленого карточного поля, вздохнул и перекрестился: «Вот как оно бывает...»

В лицо ударил студеный ветер. Редкие нежные снежинки запорхали над полем. Вместе с унылым тихим звоном они плыли, мягко, бесшумно ложились на бурые пригорки, темные леса и убегающую вдаль дорогу. На полосатый верстовой столб взлетела ворона, стала назойливо каркать...

А Демидов, погружаясь в бесконечную дорожную дрему, обеспокоенно подумал про печальную встречу: «К добру или к худу это!...»

2

Прокофий Акинфиевич после тяжких дорожных мытарств наконец добрался до Санкт-Петербурга. Зимняя подмерзшая дорога была оживленна: тянулись обозы с продовольствием, скакали курьеры на тройках, шли артели бородатых мужиков с котомками за плечами, брели монахи. На почтовых дворах было тесно и шумно. Под невской столицей пошли нескончаемые болота, чахлый ельник, который оборвался вдруг на берегу реки Фонтанной. За ней в мокром сизом тумане простирался Санкт-Петербург. Берега реки были очищены, одеты деревом, ограждены перилами.

Кругом под топором поредели леса; вдоль дороги тянулись широкие вырубki.

– Для чего так сделано? – полюбопытствовал Демидов у будочников, оберегавших пестрый шлагбаум.

Седоусый страж, с алебардой на плече и медной бляхой на груди, хмуро поглядев на проезжего барина, ответил:

– Разбойники, сударь, одолели. Дабы вора́м не было пристанища в тутошних лесах, наказано государыней валить ельник.

За Аничковым мостом высился кол, а на нем торчала полуистлевшая человеческая голова. Воронье с криком носилось над поживой. Заметив взгляд Демидова, будочник пояснил:

– То разбойник! На Невской перспективе чинил смертоубийства и грабежи. Ныне малость поубавились, сударь. Приказано расставить солдатские дозоры! – Он просмотрел подорожную Демидова и крикнул ямщику: – Ступай! Не задерживайся!

Колеса загремели по Аничкову мосту, ставленному на дубовых сваях. Впереди, за мостом, распахнулась Невская перспектива. С той поры, когда был заложен Санкт-Петербург, прошло почти полвека, однако город все еще поражал своими контрастами: то перед Прокофием Акинфиевичем вставали огромные каменные палаты с роскошными садами, богатыми въездами, оберегавшимися мраморными львами, то вдруг усадьбы сменялись диким и сырым лесом, пустырями, беспорядочно разбросанными хибарами. Однако Демидов по очертаниям площадей, улиц истроек убеждался в том, что среди топей и лесов вырастал прекрасный, величественный город.

По улицам под звуки флейт проходили гвардейские полки. Они возвращались с парада; шаг их был чеканен, строг; солдаты были на подбор – рослые, сильные молодцы, обряженные в зеленые мундиры и треуголки.

– Добры воины! – похвалил гвардейцев Демидов и с улыбкой подумал: «Вот кто ныне цариц нам ставит!...»

Кони домчали Прокофия Акинфиевича к старому дедовскому дому, возвышавшемуся над Мойкой-рекой. Никто не выбежал встретить Демидова, никто не распахнул перед ним двери. Слуги, толпившиеся в передней, встретили молодого хозяина холодно. В их принужденных поклонах сквозило равнодушие к нему.

«Видать, прослышаны о завещании! – недовольно подумал он. – Вот носы и воротят!»

Не обращая внимания на холодность слуг, он по-хозяйски крикнул:

– Ну, что глядите? Живо у меня! Обогреть палаты да взбить постель. Устал с пути!..

Несколько дней Прокофий сидел, запершись в кабинете, писал письма и принимал разных людишек, интересовался вельможами, сенатом, порядками при дворе.

В один из пасмурных петербургских дней он велел заложить карету и отправился к государственному вице-канцлеру Михаилу Илларионовичу Воронцову. Решил Демидов самолично вручить ему челобитную на покойного батюшку:

«Учинил мой родитель между братьями разделение, которого от света не слыхано и во всех государствах того не имеется и что натуре противно. А именно пожаловал мне только из движимого и недвижимого 5000 рублей и более ничего, не только чем пожаловать, но и посуду всю обобрал и в одних рубашках пустил...»

Михаил Илларионович Воронцов принял Демидова просто и участливо.

Камердинер провел Прокофия Акинфиевича в домашний кабинет вице-канцлера. В светлой угловой комнате с семи окнами, в большом глубоком кресле у столика с книгами сидел бодрый, моложавый вельможа – сухощавый, среднего роста, в светло-сером шелковом кафтане. На его спокойном лице блуждала лукавая улыбочка.

При входе Демидова вице-канцлер поднял голову и быстрыми глазами оглядел его.

– Рад, весьма раз случаю видеть у себя потомка столь славных родителей! – любезно встретил он гостя. – Много наслышан о заводах ваших...

Вице-канцлер говорил сочно, плавно, с чистым, красивым произношением.

Прокофий Акинфиевич низко поклонился Воронцову, волнуясь, почти закричал, резко и пронзительно:

– Обида заставила потревожить вашу светлость. Простите! Обойден я, сильно ущемлен братом. Судите сами, смогу ли я жить после сих несправедливостей, как того требует дворянская честь...

Он положил на столик челобитную. И пока вельможа пробежал ее глазами, настороженно следил за его лицом. Оно то темнело, и тогда на высоком чистом лбу собирались частые тонкие морщинки, то светлело, и складочки убегали с крутого взлобья...

Но тут Демидова охватила тревога.

«Сухая ложка рот дерет. А вдруг, не видя для себя выгоды, он откажет в своем заступничестве! Что тогда? – опасливо подумал он. – Эх, была не была», – решил он.

Только еще канцлер окончил читать просьбу, как Прокофий Акинфиевич пал на колени и протянул к нему руки.

– Погибаю! – возопил он. – Спасите, ваша светлость!.. Видит бог, по спасении моем не токмо молитвами возблагодарю...

Он не договорил – граф положил холеную руку на плечо просителя и сказал:

– Что ты, Демидов! Душой сочувствую тебе, обижен весьма ты! Сколь смогу и в моей власти будет, выручу! О сем деле доложу преславной государыне нашей Елизавете Петровне.

Вельможа вздохнул, с минуту глубокомысленно помолчал.

– Ах, Демидыч, жаль мне тебя! – задушевно, казалось, с большим сочувствием вымолвил он. – Надо, надо помочь...

– Ваша светлость! – от радости прослезился Демидов. – Век не забуду вашего внимания!

Вельможа ласково улыбнулся.

– Не бойся, Демидыч, – успокоил он гостя. – Вот увидишь, все переменится к лучшему. – Вице-канцлер устало прикрыл ладонью глаза и затих...

Граф Михаил Илларионович сдержал свое слово: через несколько дней Демидова позвали во дворец. Получив радостную весть, он галопом бегал по горницам, кукарекал, хватал за носы холопов и кричал на все хоромы:

– Годи, ленивцы, скоро я вас заставлю пятки лизать! К государыне-матушке звдн: я вам всем и Никитушке-братцу покажу, кто такой Прокофий Демидов!..

Слуги заложили лучшую карету, впрягли добрых рысистых коней. На запятки взобрались гайдуки в синих ливреях. Впереди побежали скороходы. Стояло солнечное утро; над Невой, над городом нежно голубело небо. В прозрачном морозном воздухе звонко разносились окрики скороходов, бежавших впереди кареты:

– Пади! Пади!

Сидя в карете, Прокофий с наслаждением оглядывал город, прохожих. Ему льстило, что все с любопытством оглядываются на его барский выезд. После Каменного Пояса, где скуповатый отец так долго держал его в нужде, приятно было сознавать свою значительность.

Кони свернули влево, и перед Демидовым предстал Зимний дворец. Он был деревянный, но весьма обширен, украшен многими лепными украшениями, пышным подъездом, однако мало чем отличался от палат вельмож.

В приемном зале навстречу Демидову вышел вице-канцлер. На сей раз он был одет в мундир, с большой бриллиантовой звездой на груди. Тонкие ножки в черных шелковых чулках делали его похожим на журавля.

– Обождите, сударь, – тихо предупредил он. – Ее Величество весьма занята государственными делами.

Скользя по паркету, вельможа неслышно исчез за высокой дверью. Демидов остался один в пустынном зале со множеством дверей. Справа в большие окна лучило холодное солнце, а вдали, в нежной сиреновой дымке, сверкал тонкий золотой шпиль Петропавловского собора. Стены покоя были покрыты светлым штофом.

Прокофий прислушался: где-то за чуть прикрытой дверью, как ласковое журчание ручейка, слышались негромкие голоса и заглушенный смех. У высокой двери в неподвижности застыл дежурный офицер. Минуты ожидания тянулись очень медленно. Демидов уже отча-

ялся в ожидании приема, но вот наконец массивная, отделанная бронзой дверь распахнулась, и вице-канцлер поманил Прокофия.

– Идем, сударь, – тихо позвал он. – Ее Величество пресветлая государыня ждет тебя.

В уютной, обтянутой голубым шелком гостиной, у круглого золоченого стола сидело многочисленное общество придворных. Прямо против двери на хрупком стуле, откинувшись на спинку, от души смеялась круглолицая веселая красавица.

При входе Демидова смех сбежал с ее лица. Только большие выпуклые глаза все еще искрились радостью. У пухлого приятного рта темнела крохотная мушка, делавшая нежное, молочной белизны, лицо прекрасным и ласковым. Волнистые волосы крутыми локонами спадали на розовые плечи.

Демидов спохватился, сообразил: «Батюшки, да это сама государыня, защитница наша!»

В припадке верноподданнических чувств он упал перед царицей на колени и потянулся к маленькой руке, лежавшей на атласном платье:

– Дозволь, матушка-государыня, голубушка наша!

Императрица приветливо улыбнулась ему и протянула руку. Демидов подобострастно поцеловал ее. То, что она не горда и проста с ним, обрадовало Прокофия.

«Милостивая», – с одобрением и надеждой подумал он, еще раз поцеловал теплую мягкую руку царицы и поднял на нее увлажнившиеся глаза.

– Здравствуй, Демидов! – обратилась она к нему певучим голосом. Ее выразительные глаза остановились на заводчике. – Вот ты какой? – слегка разочарованно сказала она. – Я и батюшку и деда твоего знавала...

– Государыня! – промолвил Демидов. – Оба они были верными слугами великого государя Петра Алексеевича...

– Знаю, – сказала она и слегка наклонила голову. – Знаю... Встань, Демидов...

Придворные с нескрываемым любопытством разглядывали хилого потомка Никиты Демидова. Елизавета улыбнулась и, оборотясь к вице-канцлеру, сказала:

– Благодарю графа, осведомлена я, что при разделе наследства обойден ты. Неприлично дворянину и внуку Демидова пребывать в бедности. Михайло Ларионович! – Тут государыня взглянула на вельможу: – Угодно нам, чтоб сенат дело рассмотрел по справедливости, не обижая никого из сыновей покойного заводчика.

Прокофий готов был снова пасть к ногам царицы, но она капризно повела тонкими черными бровями:

– Не заискивай, не люблю сего. Верю, что будешь преданно служить мне, как служили твой батюшка и дед. А ныне оставайся, зову на маскарад...

Она улыбнулась и заговорила с придворными. Стоявший за ее креслом вице-канцлер указал глазами Демидову на дверь. «Аудиенция окончена. Скоро-то как!» – разочарованно подумал Прокофий и, откланявшись государыне, нехотя последовал за Воронцовым...

В приемной по-прежнему царила тишина. За большими окнами дворца ярко светило солнце; за широким простором Невы темнели приземистые бастионы, а среди них высоко вздымался сверкающий на солнце золотой шпиль Петропавловского собора.

3

Спустя месяц в Санкт-Петербург прибыл и Никита Акинфиевич Демидов. Не успела его коляска подкатить к отцовскому дому, как к ней подбежали слуги, бережно свели господина на землю и широко распахнули перед ним дверь.

Надутый, с гордо поднятой головой, молодой владелец прошел в переднюю, где в глубоком поклоне перед ним склонились холопы. Он и глазом не повел в ответ, проследовал через светлые залы, гостиные, зорко оглядывая убранство.

– Ох, и радость ныне у нас! Как светлого дня ждали вас, барин! – залебезил перед ним седенький сухонький дворецкий в белых нитяных перчатках. Он торопливо бежал впереди хозяина и угодливо распахивал одну дверь за другой.

– А где братец? – вдруг спросил Демидов.

Дворецкий виновато опустил глаза. «Ну, быть грозе! – испугался он. – Небось разнесет, что допустили супротивника в дом. Опять же, как сказать, домик-то общий, отцовский...»

Склонясь перед хозяином, он смущенно ответил:

– Прокофий Акинфиевич изволил тут остановиться...

Никита насупился, но никак не отозвался.

С этого дня он жил с братом в одном доме, но оба тщательно избегали друг друга. При встречах они делали вид, что не замечают друг друга.

«Погоди, на своем поставлю!» – грозил Никита и по совету друзей отправился к наследнику престола, великому князю Петру Федоровичу.

«Через него-то и отведу все козни родимого брата!» – с ехидством думал он.

Наследник престола со своей супругой Екатериной Алексеевной жил в Петергофе. Гвардейский офицер Салтыков – красавец, кутила, был близок к наследнику, вместе с ним делил досуги – повез Никиту в загородный дворец.

На берегу Финского залива, в дворцовом парке, царило тревожное безмолвие. Свита наследника чинно бродила по аллеям. Салтыков выскочил из коляски и, нарушая тишину, закричал:

– Что за траур? Что вы все онемели?

– Тсс! – прижала палец к губам молоденькая фрейлина и, жеманно ответив на поклон Демидова, зашептала: – Великий князь весьма расстроен! Он сейчас не в духе, берегись попасть ему на глаза.

– Пустое! Мы его живо развеселим! – загремел гвардеец.

В ту же минуту в розовом павильоне распахнулась дверь, и на пороге появился бледный от гнева Петр Федорович. Никита со страхом взглянул на будущего императора.

Долговязый, с нескладным узким туловищем, он слегка покачивался, размахивая длинными руками.

– Кто здесь шумель? – резким голосом прокричал великий князь. Со сжатыми кулаками он готов был броситься на виновника беспокойства, но, узнав Салтыкова, сразу же отошел, повеселел: – А, это ты приехал? Очень кстати... А это кто?

– Демидов, – представил гостя гвардеец.

Толстые губы Петра Федоровича сложились в неприятную улыбку.

– Кто есть Демидов? – спросил он.

– Заводчик. С Урала, приехал приложиться к ручке вашего высочества...

– Очень карошо. – Глаза наследника сощурились. – Весьма карошо...

Никита растерялся, услышав ломаную русскую речь из уст наследника. Ах, как хотелось ему попасть в знать, все время он об этом мечтал! Шутка ли встретиться с наследником российского престола! Какая будущность раскрывалась перед ним, уральским заводчиком! Но что-то в душе Демидова протестовало против неприятного немецкого говора Петра Федоровича. Длинное узкое тело наследника было затянато в зеленый прусский мундир. «Значит, верно то, что он почитал для себя за большую честь числиться лейтенантом на службе у прусского короля Фридриха Второго, нежели состоять великим князем и наследником российского трона?» – с чувством горечи подумал Демидов.

Но желание выйти в свет подавило в нем неприязненное чувство. И когда Петр Федорович взял его под руку и повел в павильон, он сразу же почувствовал себя счастливым и веселым.

Петр Федорович большими шагами подошел к столу и прикурил трубку, набитую крепким кнастером. Комната быстро наполнилась густым табачным дымом.

Наследник поднес трубку и Демидову. Хотя Никита Акинфиевич и не курил, однако послушно принял ее и, поперхнувшись, стал пускать синие кольца.

Павильон постепенно наполнился приближенными. Гремя стульями, все уселись за стол и занялись карточной игрой.

Великий князь ставил один золотой за другим и проигрывал. Он хмурился.

Дым все гуще и гуще заволакивал комнату. Слуги приготовили пунш, и кругом заходила чаша. Петр Федорович, не брезгая, пил со всеми из одной чаши.

Гомон и шум становились сильнее – хмель окончательно овладел собутыльниками цесаревича. Великий князь сидел, широко раскинув огромные ноги в ботфортах, его осоловелые глаза смыкались, голова клонилась на грудь.

За окнами погасал серенький день. Никита тихохонько выбрался из павильона и побрел по аллее. Под ногами похрустывал мягкий снежок, со взморья задувала моряна, шумела в обнаженных липах; темными призраками они сторожили тропку. От проклятого вонючего кнастера было горько во рту, кружилась голова. Демидов полной грудью вдыхал свежий воздух. Вдали, в конце аллеи, серой колеблющейся пеленой мелькнуло незамерзшее море. В лиловые тучи медленно погружалось солнце...

Когда Демидов вернулся в павильон, в густом дыму тускло горели свечи в канделябрах. Петр Федорович был совершенно пьян, неуклюже размахивал длинными руками и кричал:

– Король Фридрих велики зольдат!..

Завидя Никиту, он поманил его к себе:

– Демидов, мой друг, я люблю тебя! Ты богатый купец...

Никита Акинфиевич почтительно поклонился:

– Премного благодарен, ваше высочество.

Он подошел к нему, но великий князь, опираясь о стол, поднялся и, шатаясь, пошел к дивану. Никита подсел рядом.

– Демидов! – выкрикнул Петр Федорович, икнув.

Никита угодливо склонился к наследнику.

– Ты богат? Дашь денег? – настойчиво сказал Петр Федорович и дохнул винным перегаром в лицо Демидова.

– Будут деньги, ваше высочество. Завтра же доставлю сюда! – твердо посулил Никита.

– Тсс... Только никому... Молшок! – прошептал пьяно великий князь.

– Убей бог, никому! – искренне пообещал заводчик.

Бережно обнимая наследника за талию, Демидов уложил его на диван.

Погасли последние лиловые отблески заката. В аллеях сгустилась тьма. Сквозь чащу доносился отдаленный рокот моря. Петр Федорович ворочался и что-то бормотал во сне...

Демидов сидел подле и думал:

«Как же насолить братцу Прокопке? Ужо погоди, через великого князя подкопаюсь до тебя!»

Но подкопаться все-таки не довелось. Спустя несколько дней Никита добыл из кладовых отцовское золото, драгоценные камни и отвез их великому князю. Петр Федорович был в восторге. Он назвал Демидова в кабинет и возложил на него красную анненскую ленту.

Тяжело сопя, он прищурился, любуясь сановитым видом Никиты Акинфиевича с лентой через плечо.

– О, чудесна кавалер из тебя получился! – воскликнул наследник.

Демидов с жаром облобызал его руки.

– Век не забуду, ваше высочество, столь высокой награды! – благодарно сказал он.

– Но ты, Демидов, возложишь ее, когда тетушка-цариц не будет... Я, Петр Федорович, буду император! – Он выпятил грудь и важно надулся; бессмысленные глаза его подернулись серой пеленой.

И опять в Никите стали бороться два чувства: хотелось – ох, как хотелось, – пролезть в знать, и в то же время долговязый принц-немец внушал отвращение. «Неужто в такие руки попадет наше обширное и славное царство?» – сокрушенно подумал он и еще больше приуныл от мысли: «Хороша награда, коли носить ее нельзя!..»

Поздно ночью возвратился Никита Демидов из Петергофа и очень удивился, когда в одной из дальних комнат увидел яркий свет. Он вопросительно посмотрел на дворецкого.

– Ваш братец Григорий Акинфиевич изволили прибыть в столицу и теперь поджидают вас!

Тяжелыми шагами Никита прошел вперед и распахнул дверь. Под окном в кресле в глубоком раздумье сидел средний брат.

– Ты что тут? – недовольно спросил его Никита.

Григорий поднялся и пошел навстречу брату. Они облобызались.

– Прибыл по делу о наследстве! – сказал он. – Вызван сенатом для опроса!

– Ты что ж, заодно с Прокофием? – сердито спросил брат.

– Что ты, Никитушка! – обиделся Григорий. – Сам по себе. Боюсь, оба вы горячие и неприятностей наговорите друг другу!..

Он выглядел простовато. Лицо было добродушно, бесхитростно; Никита успокоился.

– Послушай, братец! – тихо заговорил Григорий. – Нельзя ли по-хорошему разобраться? Судьи да сутяги разорят нас! И мне ведь пить-есть надо. Ты не обижайся. Не хочу я свар, давай мириться!

– С тобой готов! – повеселев, сказал младший брат. – А с Прокофием ни за что! Бесноват! Хитер! Лукав! Небось уж по Санкт-Петербургу наследил!

– А ты смирись, не разжигай себя! – посоветовал Григорий.

– Ты вот что мне лучше скажи, когда в сенат идешь?

– Это, братец, когда вызовут! – спокойно отозвался прибывший.

– Ох, милый ты мой, тогда жди с моря погоды! – насмешливо сказал Никита. – Действовать надо. Давай напишем просьбу на старшего!

Григорий отрицательно покачал головой.

– Ни на тебя, ни на него писать не стану! – твердо сказал он. – По чести, без свары будем делить имущество батюшки!

Никита прищурил глаза, подозрительно взглянул на брата и подумал: «Что он, дурачок, недоумок или лукавит?»

Григорий уселся в кресло и, показывая брату на обстановку, сказал с восхищением:

– Николи я в столицах не был и удивлен роскошеством батюшкина дома!

«Нет, не лукавит он! – решил Никита. – Простоват, вот и все!»

Совсем повеселев, он сказал брату:

– Раз нравится тут, ну и живи! Все братья здесь хозяева! Прости, мне надо отдохнуть. Устал весьма. У великого князя был!

– У великого князя! – в изумлении повторил Григорий. – Ишь, куда забрался!..

Все дни Григорий проводил в осмотре Петербурга или сидел с дворовыми в вестибюле и слушал их побаски. Вел он себя просто, доступно, и это дворецкому не нравилось. Однажды он заметил молодому хозяину:

– Вы, батюшка, помене тары-бары-растабары с дворней разводите, уважение потеряете!

Григорий сердито засопел и вдруг властно сказал:

– Я не попугай и не петух в павлиньих перьях! А живу, как мне хочется, и тебя, старик, не спрошу!

Он несколько раз ходил к брату Прокофию, уговаривал его примириться с Никитой, но тот хмуро гнал его прочь.

4

Прокофий Демидов, узнав, что государыня передала дело о наследстве сенату, каждый день стал досаждать сенатским чиновникам. Они отмахивались от досужего просителя – не до того было! Суeta в сенатской канцелярии поднималась очень рано. В девять часов утра Прокофий являлся в приемную, избирал удобное место и плотно усаживался, наблюдая своеобразную жизнь сената. Мимо него, как тени, шмыгали чиновники в потертых мундирах с папками под мышкой.

– погоди ж, крапивное семя, добыюсь своего! – ворчал он и терпеливо высиживал в приемной весь день.

В один из дней Прокофия особенно одолевала скука. В длинных коридорах было пустынно, полутемно, пронизывала прохлада. Демидов, взглянув на служителя, встал с кресла и осторожненько заглянул в одну из дверей. В обширной палате с каменным сводом за длинными столами сидели писчики и, не переводя дыхания, строчили, издавая гусиными перьями сухой однообразный треск.

– Господи боже, до чего же скучно! – вздохнул Прокофий, тихонько прикрыл дверь и вернулся на прежнее место.

– Ты, батюшка, я вижу, который день высиживаешь тут, как наседка. – В белесых глазах отставного солдата мелькнуло сочувствие.

– Да, все поджидаю, когда решится мое дело! – простодушно сознался Демидов.

– Эх, сударь, да в уме ли ты! – воскликнул служитель. – Да когда ты этого дождешься? Не так легко тут добыть истину!

– А я их измором возьму, служивый! – решительно сказал Прокофий.

Служитель хлопнул по фалдам старенького мундирчика:

– Эх, батюшка, не по силе и терпению задумали дело! Да разве тут высидишь решение? У нас, сударь, дела лежат полста годов, а то и поболее! Оно и лучше, вылеживаются. Сказано: поспешишь – людей насмешишь! А тут, глядишь, полежит-полежит, тем временем спорщики помирятся, а то и помрут.

Демидов помрачнел. Он уже слышал про сенатские порядки, про невероятную волокиту и лихоимство, царившие среди сенаторов. В Санкт-Петербурге много рассказывали о Лисичкинском деле. В ту пору в сенате открыли целое отделение, состоявшее из обер-секретарей, секретарей, столоначальников и писцов; все они три года занимались составлением записки из Лисичкинского дела, в котором имелось 365 000 листов. Краткая записка, учиненная борзописцами, заключала в себе только 10 000 листов.

Сутяжничество началось по доносу фискала Лисичкина о злоупотреблениях, имевших место в питейных откупах. Для разбора дела судьи вместе с обозом, груженным столь громоздким произведением канцеляристов, отправились на место происшествия.

После долгого пути обоз остановился в корчме, и ночью – случайно ли, а может, и по злему умыслу – вспыхнул пожар, и все дело, столь мудро и казуистично построенное, сгорело. Тем все и окончилось....

Вспомнив это, Прокофий Акинфиевич забеспокоился, но с горделивым видом сказал:

– Дело мое должно решиться по указу самой государыни!

Служитель построжал.

– Ее Императорское Величество матушка-царица наша о всех подданных заботится! – торжественным тоном изрек он. – Но то надо, милый, учесть: она, матушка, одна, а нас, холопов, много!

– Это верно! – согласился Прокофий. – Но как же тогда быть?

– А быть так: ждать свой черед! В сенате делов много, и каждый указ свое исполнение имеет. Подождешь, сударь, с годик-два, тогда, может быть, и подоспеет твоя пора!

Служитель отвернулся к окну, за которым над адмиралтейским садом кружилось воронье. Прокофий тихонько подошел к старику, тронул его за плечо:

– Скажи-ка, служивый, где та тропочка, по которой можно скорее прийти к развязке нашего узелка?

Служитель помедлил ответом, вынул табакерку, заправил в нос понюшку табаку, чихнул.

– С этого, сударь, и начинать надо было! – после раздумья сказал старик. – Перво-наперво эта тропочка начинается от сего места, а дальше она побежит к начальнику канцелярии...

Он замолчал и скромно опустил глаза.

– Ох, грехи наши тяжкие! – вздохнул старик. – Беда мне, сударь, с вами. Но что делать, такой добрый у меня характер...

– В долгу не останусь, ей-ей! – тихо посулил Демидов. – Научи только!

– А ты приходи завтра да захвати лепту на воспитание сирот. Их превосходительство попечитель сиротского дома. Ах, господи, сколько хлопот у него! Ну, иди, иди с богом! Завтра приходи, там видно будет!

Прокофий потихоньку выбрался из приемной и заторопился домой...

На другой день Демидов явился в сенат и вручил седенькому служителю серебряный отцовский рубль.

– Допусти без доклада! – указал он на дверь кабинета.

Старичок попробовал рубль на зубок.

– Добр целковый! – восхищенно покрутил он головой. – Иди, что ж поделаешь...

Прокофий тихонько приоткрыл дверь и юркнул в кабинет. Учтиво склонился перед начальником. Высокий, с лицом, обрамленным седыми баками, тот сердито набросился на Демидова:

– Кто вы такой, сударь? Как сюда попали?

– Виноват, ваше превосходительство! – почтительно изогнулся Демидов. – Казните, но выслушайте! – Он быстро подошел к столу и выложил тугой мешочек. – Наслышан я, что вы изволите состоять попечителем сиротского дома. Как не порадеть о бедных малютках!

– Позвольте, кто вы? – удивленно посмотрел на посетителя чиновник.

– Ваше превосходительство, умилен, весьма умилен вашей опекой над несчастными. Во Святом Писании сказано... Ах, ваше превосходительство, льщу себя надеждой быть полезным государству российскому!

Прокофий осторожно придвинул мешочек к начальству. В нем брякнул металл.

– Что сие? – смягчаясь, пристальным взглядом взглянул на приношение начальник канцелярии.

– Пожертвование, ваше превосходительство, на сиротский дом. Примите, сделайте вашего слугу счастливейшим на земле!

Чиновник поправил очки, вскинул голову, подумал. Вдруг его потухшие глаза приняли иной, веселый оттенок. Он бережно взял тугой мешочек, взвесил его на ладошке.

– Неужто? – пронзительно посмотрел он на Демидова.

– Истин бог, золотые! – подтвердил Прокофий и улыбнулся.

– Голубчик вы мой! – вдруг протянул руки сенатский вершитель. – Выручили вы меня. В опасении был, испостились сироты... Благодарствую... Из каких краев, сударь? – совсем уже дружелюбно спросил Прокофия чиновник.

– Ваше высокопревосходительство, издалика я, с Каменного Пояса прибыл. Может, наслышаны о Демидовых? Обласкан Ее Императорским Величеством и обнадежен! – вкрадчиво начал проситель.

– Знаю, знаю, вспомнил! – вдруг перебил чиновник. – О наследстве ищешь, сударь?

– Точно так! – поклонился Демидов.

– А коли так, доложить придется, сударь! – совершенно невозмутимо сказал сенатский и ловким движением руки столкнул тугой мешочек в ящик стола.

– Ваше превосходительство, – со слезами на глазах взмолился Прокофий, – истин бог, все сделаю, коли счастье повернется ко мне. Будет доложено! А сейчас я наг и нищ... Сжальтесь, ваше превосходительство! – Он не отводил глаз от горделивого лица сенатского чиновника. А в голову лезли злые мыслишки: «Хапуга! Мздоимец!»

И тут же, склонив голову, шепнул со всей страстью:

– Будет доложено. Попомните! Демидовы слов на ветер не роняют...

Через две недели трех братьев неожиданно вызвали в сенат. В ярко освещенном зале за длинным столом, крытым зеленым сукном, сидели важные сенаторы. Григорий при взгляде на них сильно оробел.

«Вельможи, истые вельможи!» – со страхом подумал он, оглянувшись на братьев.

Никита, нарядно одетый, в пышном парике, щедро осыпанном пудрой, чинно держался перед заседающими. Прокофий не мог устоять на месте: то дрыгал ногой, то прищуривался на сенаторов, а в глазах брызгал шальной смех.

Председательствовал сенатор Александр Бутурлин. Он медленно обвел братьев пристальным взглядом и протянул руку, указывая на креола:

– Прошу садиться!

Сенаторы сидели строгие; холодные холеные лица их выглядели торжественно. Председательствующий развернул папку и стал медленно листать синеватые листы описи.

Он величаво поднял голову и объявил братьям:

– По соизволению Ее Императорского Величества сенат рассмотрел жалобы на раздел имений покойного заводчика Акинфия Никитьевича Демидова. Отмечая ябеды братьев друг на друга, найдено, что самым справедливым будет удовлетворение нужд всей семьи.

Сенатор сделал передышку, посмотрел на Прокофия. Тот по-шаловому подмигнул ему. Лицо Бутурлина построжало. Хмурясь, он сказал:

– Итак, мы порешили объявить вам волю монархини нашей, ибо сие разделение имущества утверждено ею!

«Скоро-то как!» – весело подумал Прокофий и толкнул в бок Григория: «Слушай!»

Между тем председательствующий провозгласил текст решения:

– «Первая часть наследства, в кою входят пять уральских заводов, Невьянская горная округа, пристань на Урале, вотчины и приписные в количестве 9575 душ мужского пола, а также 79 приказчиков и служителей, отходит к старшему из братьев Прокофию Акинфиевичу. Ему же передаются шесть домов со службами в Москве, Казани, Чебоксарах, Ярославле, Кунгуре и Тюмени...»

Прокофий Демидов вдруг вскочил и закричал в лицо младшему брату Никите:

– Ага, моя взяла! Моя взяла!

– Помолчите, сударь! – пристрожил его Бутурлин. – Вы в сенате, а не в ином месте!

– Угу! – гукнул, как филин, Прокофий и замолчал.

– «Вторая часть наследства, Ревдинская, отдается среднему брату Григорию Акинфиевичу. Она состоит из трех заводов на Урале, соляных промыслов, кожевенного и медного заводов и пристани...»

Председательствующий подробно вычитал о передаваемых дворах, домах, пристанях, крепостных и приписных людях и пытливо посмотрел на Григория. Тот встал и поясисто поклонился сенаторам.

– Благодарю за справедливость государыню нашу!

Никита откашлялся и впери свой властный взор в Бутурлина. Председательствующий кивнул ему:

– Теперь о вашей части! К вам отходят: «Заводы – Нижне-Тагильский, Черноисточинский, Выйский, Висимо-Шайтанский, Лайские заводы, Сулемская приставь. Приписных и крепостных 9600 душ мужского пола. Дома и строения...»

Сенатор медленно, четко стал вычитывать перечень их. Никита стоял, высоко подняв голову, внимательно слушал. Ни один мускул не дрогнул на его породистом лице.

Когда закончили читать решение, он сдержанно поклонился и выговорил:

– Благодарствую за то, что прекратили тяжбу нашу. Пора приступить к работе на заводах, а свары мешали этому. Теперь только по-настоящему и хозяйствовать можно!

Прокофий дальше не слушал наставлений сената, вскочил и заторопился к выходу. Он бежал по прихожей, а сзади него семенил слуга.

– Сударь! Сударь, на одну минутку! – зывал он.

– Какой я сударь? Я ныне заводчик Демидов. Миллионер! Чего тебе надо, шишига?

– Ваша милость, – тихо прошептал слуга, – их превосходительство начальник канцелярии просит вас...

– Зачем понадобился? – строго спросил заводчик.

– Знать не знаю, ведать не ведаю! – искренним тоном сказал отставной солдат, – Вы уж, ваша милость, сами доложите.

– Ну, нет! – не согласился Демидов. – С меня хватит! Хорош сей куманек будет и без «доклада»!

Он бойко затопал по каменным ступеням лестницы книзу, где у подъезда его поджидала карета...

5

Указом правительствующего сената все наследство Акинфия Никитича Демидова делилось поровну между тремя наследниками покойного. Но еще приятнее Прокофию Акинфичу было то обстоятельство, что старинный дедовский Невьянский завод отходил к нему. Заняв огромную ссуду под наследство, заводчик решил удивить Санкт-Петербург, задать такой пир, чтобы слава о нем докатилась до государыни Елизаветы Петровны. По всему городу были разосланы афиши, а в них Демидов оповещал население:

«В честь высочайшего дня тезоименитства Ее Императорского Величества представляется от усердия благодарности от здешнего гражданина народный пир и увеселение в разных забавах с музыкой на Царицыном лугу и в Летнем саду сего месяца 25 дня, пополудни во втором часу, где представлены будут столы с яствами, угощение вином, пивом, медом и прочим, которое будет происходить для порядка по данным сигналам и ракетам:

1-е – к чарке вина,

2-е – к столам,

3-е – к рейнским винам, полпиву и прочему.

Потом угощены будут пуншем, разными народными фруктами и закусками; представлены будут разные забавы для увеселения, горы, качели, места, где на коньках кататься, места для плясок; все же сие будет происходить по порядку от определенных хозяином для потчевания особых людей, кои должны довольствоваться всем, напоминая только тишину и благопристойность; ссоры и заботы от приставленных военных людей допущены быть не могут, ибо оное торжество происходит от усердия к народу и от благодарности к правительству; следовательно, и желается только то, чтоб были довольны и веселы, чего ради со стороны хозяина просьбою наказывается хранить тишину и благочиние; в заключение всего представлена будет великолепная иллюминация».

В полдень Прокофий Демидов проследовал в золоченой карете, запряженной шестеркой гнедых, вдоль Невской перспективы и свернул к Царицыну лугу. Разодетый в бархат,

шитый золотом и самоцветами, в пышной собольей шапке, он важно восседал на шелковых подушках. Впереди кареты, расчищая дорогу, бежали рослые скороходы в малиновых куртках. Форейторы – на убранных серебряной упряжью конях – и гайдуки на запятках красовались в новых пышных ливреях темно-синего сукна, обшитых галунами. На шапках – радужные павлиньи перья. Весь роскошный выезд ослепительным блеском напоминал собою торжественное шествие восточного властелина. За экипажем бежала толпа, размахивая шапками, крича «ура». Все бездельники, дармоеды и любители всяких приключений устремились на Царицын луг, где каждого поджидало обильное возлияние и угощение.

Среди необозримого луга простирался чудовищных размеров полукруглый стол, уставленный самыми разнообразными яствами. Тут высились большие пирамиды, сложенные из ломтей свежего пахучего хлеба с икрой, вяленой осетриной и другими приятными закусками. Между пирамидами алели горы только что сваренных раков; от них в холодном воздухе вился легкий парок, привлекавший своим тонким дразнящим запахом всех изголодавшихся. Здесь же были расставлены в новеньких ведрах просоленные огурцы с запахом тмина, укропа; лежали целые гирлянды крупно-репчатого лука. Тут все было на потребу здоровому чреву! А чтоб елось всласть, в разных местах рядами стояли бочки с водкой, пивом, брагой, разными шипучими квасами.

Над всем высилось чудо-юдо – необъятных размеров кит, сделанный из картона. Кит этот был начинен мелкой сушеной рыбой и другими закусками. А покрыт он был золотой парчой и ярко сверкал на солнце.

Молодым весельчакам к старикам-бодрячкам предлагались разные игры и увеселения: ледяные горы, и качели, и карусели, и высокие-превысокие шесты, гладко оструганные и намыленные, а на верхушке каждого шеста лежал золотой и поджидал ловкача. Кто доберется – тому и награда!..

Весь огромный Царицын луг и прилегающие к нему улицы уже волновались шумным, людским морем. Едва карета Демидова свернула на поле, как с треском взвилась ракета... И тут долго сдерживаемый людской поток, словно бурные вешние воды, сокрушив плотину, ринулся к столам и бочонкам. Хоть и кричали, звали людей к порядку демидовские хлебодаеры в белых передниках и виночерпии в кожаных – все было напрасно. Народ все сметал на своем пути; великий шум, как морской прибой, стоял над лугом и Летним садом. Мужики толкались, стремились к бочкам, выли бабы, затираемые в толпе...

Вокруг началось обжорство и пьянство. Виновник небывалого пира Прокофий Демидов размахивал собольей шапкой кричавшим питухам. Они с бою брали бочонки... Вино хлестало через край, растекалось по бородам, по сермягам.

– Ой, любо! Ой, пригоже! – подзадоривал питухов замороженный зрелищем необычного повального пьянства Демидов и, войдя в раж, не утерпел, выскочил из кареты и побежал к бочкам. Взобравшись верхом на сорокаведерную, он скинул шапку и закричал:

– Подходи, веселые, пей из хозяйских рук!..

Его разом окружили сотни пьянчуг и стали пить хмельное из собольей шапки хозяина.

Не прошло и часа, как на площади шатались пьяные, повеселевшие, а вскоре начались и драки...

Только ранние зимние сумерки прекратили необычный пир. Понемногу опустел Царицын луг. С Невы задувал резкий морозный ветер, и становилось студено. Белая пурга волнисто устремилась на обширное поле, стала заметать и заносить тела упившихся до потери сознания людей...

Всю ночь и все утро в полицейские участки подвозили замерзших и опившихся; приходили побитые, со свороченными скулами жалобщики. На пустынных улицах, на городских окраинах находили убитых и ограбленных обывателей, возвращавшихся с демидовского пира...

Санкт-петербургский генерал-полицмейстер не смог умолчать о злосчастном событии, погубившем многие сотни людей, и доложил о сем государыне.

Елизавета Петровна молча выслушала доклад.

– А Демидов где? – спросила она.

– Ваше Величество, – поклонился генерал-полицмейстер царице. – Дознано, еще ночью промчал градскую заставу и отбыл из столицы...

Черная мушка чуть-чуть задрожала над губой Елизаветы Петровны; глаза ее улыбались: по всему видно было, озорство Прокофия ее забавляло.

– Что же, – сказала она генералу, – коли съехал вовремя, так тому и быть! Удал и прово-рен, выходит, колесом ему путь-дорога!..

6

Возвращаясь из Санкт-Петербурга, Прокофий Акинфиевич на этот раз остановился в Москве в старом дедовском доме, на Басманной. Он шумно подкатил к ветхому покосившемуся подъезду и выскочил из коляски. Прознавшая об удаче наследника дворян встретила его низкими поклонами и льстивыми восклицаниями. Демидов прошел в большой полупустынный зал. Печи были жарко натоплены; потрескивало, рассыхаясь, старинное дерево. Блестели полы, натертые воском. Хозяин вышел на середину покоя и захлопал в ладоши.

– Слушай, холопы, отныне я тут владыка! – провозгласил Демидов. Странной вихляющей походкой он обошел дом, везде замечая непорядок. Но дворян терпеливо переносила все причуды нового хозяина.

Весь вечер Демидов привередничал; холопы сбились с ног, убажывая своего владыку.

Прознав о приезде и удаче Прокофия Демидова, наутро к нему спозаранку приплелась старушонка-процентщица. Заводчик сидел за столом, насыщаясь и благодумствуя. Старушка робко переступила порог.

– Батюшка ты мой, кормилец, премного обрадовалась весточке! Уж как рада, как рада!..

– Чему же ты рада, матушка? Небось дрожала за денежки? – с ехидцей прищурил глаза Демидов.

– Что ты, батюшка, вашему корню крепко верю. Я еще с дедом твоим была знакома. Разве позарятся Демидовы на мои гроши? – угодливо прошамкала старуха.

Завидя на столе поблескивающую в графинчике наливку, процентщица засияла.

– Может, пригубишь? – лукаво предложил Прокофий Акинфиевич.

Старушка подняла сморщенное лицо, вздохнула:

– Грешна, батюшка, ох, грешна, пригублю...

Демидов налил чарку полыновки, поднес бабке. Она, не моргнув, выпила и облизалась.

– Ох, и до чего хорошо! Спаси ты осподь, сынок! Ох, благодарствую, голубь...

Не давая передохнуть, хозяин налил вторую чару. Бабка и эту опорожнила залпом и повеселела.

– Ну вот, теперь и о деле можно говорить! – улыбнулся Демидов.

– И верно. Теперь оно куда как веселее. Милый ты мой, знаю, не обидишь старую. – Ростовщица по-собачьи заглядывала в глаза хозяину.

– Уж как условились! Получай должок с процентами.

– Слава тебе, господи! – перекрестилась старуха. – Я так и знала. Пошли тебе Всевышний счастья и доли.

В глазах Прокофия заиграли озорные огоньки:

– Только вот какая неудача вышла, матушка. Дело-то я выиграл и деньги-то все сполна получил. Но вот грех – деньги-то все медные. Все – все до копеечки! Вот хочешь, бери, хочешь, оставь на другой раз.

Гостья тревожно насторожилась:

– То есть как на другой раз? Нет, ты, милочка, ноне мне выдай! Все едино – медные так медные!..

Она беспокойно заерзала в кресле. Тревожные мысли овладели ее скупым сердцем. «Сбежит, пооди, молодец! Эх, сколько привалило, да в нехозяйские руки. Профукает по столицам!»

Потирая руки, веселый Прокофий встал и позвал старуху за собой:

– Коли так, идем в кладовушку. Отсчитывай и бери с собой! Да торопись, а то раздумаю...

Бабка засуетилась, поспешила за Демидовым. Он привел ее в кладовушку. Прямо на полу тускло поблескивали горы мелкой монеты.

– Считай сама! Мне недосуг. Считай по-честному...

У ростовщицы разбежались глаза. Перед ней были добротные тяжелые семишники старинной чеканки. Прокофий, улыбаясь, прикинул: «На две тысячи червонцев, пооди, пять ломовиков надо...»

Старуха хлопотливо принялась за счет должка. Она старательно выгребала семишники и, отсчитывая их, складывала в аккуратные столбики. Делала она это с охотой, любуясь добротной чеканкой. Прошел час-другой, перед бабкой выросла горка монет. Но пока она всего-навсего насчитала сотни две рублей, а дело шло к полудню. Прокофий, ухмыляясь, расхаживал по чулану. И когда старушонка изрядно вспотела, он ненароком споткнулся и задел ногой выстроенные столбики монет. Семишники со звоном рассыпались...

– Ах ты, господи! – заохала старуха и дрожащими руками принялась снова отсчитывать...

В окошко чулана глядело веселое солнце, сильно пригревало; утомительный счет морил старуху. Хотелось есть. В глазах рябили семишники, семишники без конца... Руки дрожали. А тут в мысли лезли разные домашние дела, счет путался... Все мешалось...

– Ах, господи, какое несчастье! – вздыхала бабка; на глазах ее засверкали слезы. Она со страхом оглянулась на Демидова.

– Считай, считай, старая! – торопил он. – Мне некогда, коли не сочтешь до вечера – пиши пропало!..

– Кормилец ты мой, чую, со счету собоюсь...

Маленькая, согбенная, она жадными руками пересыпала с места на место медные семишники. Старухой овладело отчаяние. Натешившись вволю ее беспомощностью, Прокофий Акинфиевич сжалился над своей жертвой:

– А что, не дать ли тебе, матушка, золотом, а то, чай, медь-то неудобно нести?

– И то, родимый, золотом-то сподручнее! – согласилась обрадованная старуха.

Демидов подошел к ларцу и вынул тугой мешочек.

– Так и быть, бери последнее!

Он развязал мешочек и высыпал на стол золотой поток. Глаза старухи заискрились. Она вновь ожила. Протянув сухие скрюченные пальцы, процентщица заторопила его:

– Давай! Давай!..

Старуха не могла оторвать глаз от золота. Оно звенело, сверкало, притягивало к себе таинственной необоримой силой. Как жаркие, горячие угольки, сияющие золотые монетки жгли морщинистые руки. Она пересыпала их из ладошки в ладошку, наслаждалась блеском и звоном.

«Эх, и жади́на же, в могилу скоро, прости господи, а все не угомонится!» – сморщился заводчик.

Блеснув на золотом листопаде, луч солнца погас. Было далеко за полдень.

– Ну пора, старуха. Покончили, рассчитались. Уходи! – натешившись, заторопил ее Демидов.

Она еще раз бережно пересчитала золото, крепко увязала его в платочек, но не уходила, чего-то выжидала...

– Ты чего же? – удивленно посмотрел на нее Прокофий. – Аль забыла что, иль недовольна?

– Что ты, батюшка, уж как и довольна, как и довольна. Спасибо, кормилец!

– Тогда что же?

Цепким взором старуха окинула горки медных семишников и вдруг робко попросила:

– Дозволь, батюшка, их заодно... Все равно тебе-то ими некогда заниматься. Отдай, касатик!

– Да ты что ж, сдурела, старая? Ведь это денежки, а денежки счет любят!

Бабка кинулась хозяину в ноги.

– Милый ты мой, осчастливь старую! – Она залилась горькими слезами, словно потеряла дорогое...

Прокофий неожиданно для себя снова зажегся озорством.

– Слушай, матушка, так и быть, пусть по-твоему! – сказал он вдруг. – Только уговор такой: унесешь сама до вечера все семишники – твои, не унесешь – пиши пропало. Все заберу, и золото! Идет, что ли?

На своем веку ростовщица не мало повидала денег: и золотых, и серебряных, и медных. Понимала она, какой непосильный груз предстоит ей перетаскать на своих костлявых плечах, но жадность старухи оказалась сильнее благоразумия. Она торопливо извлекла из угла пыльный мешок и стала сгребать семишники. Демидов с любопытством наблюдал за старой. «Откуда только взялось такое проворство?» – думал он.

А старуха торопилась. Насыпав мешок, дрожа от натуги, она вскинула его на плечи и поплелась к воротам... Шла шатаясь, тяжелый мешок из стороны в сторону бросал ее шуплое, сухое тело. Из окон, из дверей выглядывали любопытные холопы: «Что только еще надумал наш чудак?»

Несмотря на тяжесть, старуха осилила двор и вышла за ворота.

– Куда ж ты? – крикнул вслед Демидов. Но бабка и не отозвалась.

Она сволокла мешок с медяками домой, вернулась снова. Жадно загребая, насыпала побольше звенящих монет. Изнывая под тяжестью и хрипя, уволокла и второй мешок; прибежала за третьим.

– Бросай, старая: не успеешь, вишь – солнце совсем на березе повисло! – закричал Прокофий.

– Э, нет, батюшка, ты уж не жадничай! Уговор дороже денег! – отозвалась старуха.

Из жалости он помог ей вскинуть на плечи третий мешок с семишниками.

Старуха вошла в азарт: шустро и быстро заторопилась по двору. Досеменив до калитки, она неожиданно зацепилась за порожек и упала носом в землю.

– Эй, вставай, матушка! – сжалился над ней Демидов. – Бог с тобой, бери все. Сейчас мои холопы перетаскают...

Он смолк и в удивлении подошел к старухе.

– Холопы! – закричал он. – Помогите бабке...

Но помогать не пришлось. Старуха лежала недвижимо. Сбежавшиеся слуги повернули ее лицом кверху. В нем не было ни кровинки, ростовщица была бездыханна.

– Успокойсь, хозяин. – Слуги сняли шапки и набожно перекрестились.

Они осторожно приподняли ее, отнесли в сторону и положили на землю, скрестив ей на груди руки.

Неподвижная, умиротворенная старушонка потухшими глазами удивленно смотрела в голубое небо. Глаза мертвой производили неприятное впечатление.

– Прикройте их! – приказал хозяин.

Холопы наскоро добыли из мешка два медных семишника и положили на глаза покойницы.

Демидов посмотрел на маленькое сухое тело старухи и с сокрушением подумал:

«Эк, жадность-то какая! Всю жизнь гналась за богатством, а, глядишь, двумя медными семишниками прикрыли глаза. Как мало понадобилось – всего две денежки!..

Глава третья

1

Надвигалась ранняя уральская осень. Над синими горами, над густыми кедровниками пролетали стаи крикливых перелетных птиц. Густым багрянцем пламенела трепетная осина; с задумчивой березки упал золотой лист. Вода в заводских прудах остыла и стала прозрачной-прозрачной. В такую пору в Невьянск прискакал гонец с вестью и приказанием от нового владельца Прокофия Акинфиевича приготовиться к достойной встрече.

Одрахлевший дядя-паралитик Никита Никитич весь затрясся в веселом смехе.

– Молодчага! Демидовская кровь! Отбил-таки свое добро – отцовщину! – похвалил он племянника и закричал холопам: – Чару да поуместей гонцу!

Прибывшему поднесли большой ковш хмельного. Он принял его из рук старого Демидова.

– За доброе здоровье старых и молодых хозяев! – льстиво провозгласил вестник и, не моргнув глазом, одним духом осушил ковш.

– Славный питух! – одобрил Никита.

Оживленный, веселый, он вызвал приказчика Мосолова и велел готовиться к пышной встрече молодого невянского владельца.

Великие тревоги и хлопоты, как пожар, охватили дворню. Много дней в барских хоромах мыли окна, полы, крыльца, чистили люстры, выколачивали ковры. На кухне неугомонно стучали ножи, шипели на раскаленных плитах огромные противни с жареными гусями, дичью, поросятиной. Над дворами летал пух, кричала под ножом птица. На заводскую площадь выкатили медные пушки и уставили их дулом на запад. Дорогу на многие версты усыпали изрубленным ельником; на пригорках расставили махальщиков, чтобы вовремя узнать о приближении молодого хозяина.

В яркий солнечный день хожалый мужик Охломон вывез своего больного господина на крыльцо. С высоты его Никита Никитич в напряженном ожидании вглядывался в убегающую вдаль дорогу. Обряжен был старик в вишневый бархатный халат с кружевами и мурмолку, расшитую золотом.

– Чуешь, ныне к нам прибудет новый хозяин? – оживляясь, обратился Демидов к хожалому.

– Чую, батюшка Никита Никитич! – покорно отозвался тот, склоняясь над креслом-возилом.

– А то чуешь, что новый хозяин – продувной и шельмец? – допытывался паралитик. – Чего доброго, он сгонит нас со двора!

– Что вы, батюшка! – подобострастно отозвался Охломон. – Не допустит этого любезный Прокофий Акинфиевич. Притом, слава тебе господи, и вы в силе – телесной и денежной. У вас и своих заводешек хватит на полцарства!

– То верно! – стукнул посохом о половицу крыльца Никита и ястребом поглядел на мужика. – Хвала богу, понастроил батюшка заводов и на мою долю. Но знай, холоп, – нет для меня краше завода Невьянского!

– Сударь-батюшка, а кому не красен наш Невьянск... Ой, никак машут? Едет! Едет! – заорал вдруг Охломон.

Демидов прищурился; солнце ударяло ему в лицо. Он взмахнул платочком, и в ту же секунду рывкнули медные пушки. На колокольне зазвонили колокола. Из хором выбежали слуги.

– Едет! Едет! – закричали на дозорной башне.

– Едет! Едет! – закричали на дороге, у ворот и во всех закоулках завода.

И на зов, как бурлящие ручейки, на площадь стали сбегаться работные, женки, холопы. Все с напряжением глядели на пригорок, ждали появления экипажа.

Никита Никитич нетерпеливо постукивал посохом. Позади жарко дышал хожалый. С каждой минутой росло томительное напряжение. Вот на гребешке холма вырос всадник, задымилась пыль.

– Казак! Передовой казак! – закричали на площади.

В ответ на звоннице еще яростней забушевали колокола.

Еще раз ударили пушки, и эхо выстрелов раскатилось продолжительным ревом.

И, как бы по зову их, на холме возникло видение: высокая колымага, оранжево засверкавшая на полуденном солнце. Странные кони, запряженные цугом, повлекли ее вниз по скату. Впереди запряжки бежали скороходы, потные, в пестрых одеждах, и кричали:

– Пади, пади! Прочь с дороги!

Никита Никитич вытянул гусиную шею и зорко глядел на приближавшийся кортеж.

Палили из пушек, великий грохот катился по горам. Неистово звонили колокола.

– Но что это за кони? Что это за слуги? Уж не наваждение ли? – смущенно озирался старик Демидов на дворовых.

Работные, женки и ребятенки таращили глаза на невиданное зрелище. Спустившись с холма, вслед за скороходами на заводский двор вкатилась огромная тяжелая колымага, окрашенная в ярко-оранжевый цвет. Цуг состоял из диковинных коней: в корню были впряжены два крохотных конька, а два огромных битюга горой двигались в середине, с карликом-форейтором на спине. Впереди бежали две кобылицы-карлицы, а форейторы восседали на них столь высокого роста, что длинные ноги их тащились по земле.

На запятках рыдвана неподвижно стояли два лакея в ливреях.

– Ох-хо-хо! – закричал Никита Никитич. – Что за оказия?

Ливреи лакеев были под стать упряжи: одна половина – бархатная, сияла золотыми галунами, другая – убогая, из самой грубой дерюги. Одна нога лакея в шелковом чулке и в лакированном башмаке, другая – в заскорузлой онуче и в стоптанном лапте.

Из-под колес рыдвана клубилась пыль. Кони, резвясь, мчались к дому.

Пыльные скороходы добежали до крыльца и, склонившись перед Никитой Никитичем в почтительном поклоне, сообщили:

– Их милость хозяин Прокофий Акинфиевич на завод прибыл...

И только успели они оповестить, как рыдван с шумом и грохотом, описав кривую, подкатил к хоромам. В последний раз рывкнули пушки и огласили громом окрестности. Наступила тишина. И тут по наказу Мосолов заводские мужики и женки истошно закричали «ура»...

Ливрейные лакеи соскочили с запяток и, проворно распахнув дверцу рыдвана, подставили ступеньки, крытые бархатом. Под звон колоколов и крики дворовых из рыдвана медленно, величественно сошел Прокофий Акинфиевич Демидов. В кафтане из зеленого бархата, расшитом золотыми павлинами, в красных сафьяновых сапожках, он выглядел сказочным восточным принцем...

– Ах ты, шельмец! Ах ты, умора! – засиял Никита Никитич и залился тонким веселым смехом. – До чего додумался! Распотешил старика...

Он весь дрожал от возбуждения, лицо побагровело от смеха, глаза слезились. Схватившись за поручни кресла, Никита Демидов наклонился вперед, пожирая завистливым взглядом чудаковатого племянника.

Между тем новый невянский владелец торжественно приблизился к дядюшке и бережно обнял его. Старик дружески похлопал племянника по спине.

– Ах, молодец! Ай, удалец! Но что сие значит? – показал он на странные одежды холопов.

– Дядюшка, – торжественно провозгласил Прокофий Акинфиевич, – прост я родом: вам известно, что мать моя и отец из простых почтенных людей. Разумом и трудолюбием отца и деда нашего возвеличены мы до дворянства. Я не братец Никитушка и о том хочу всем напомнить: что с одного боку мы, Демидовы, – бархатники, а с другого – пахотники!

– Ох, любо! – возрадовался Никита Никитич. – Любо, что не возгордился! Добро и то, что высудил-таки наследство!

– Отныне и до века завод мой и пребудет в моем потомстве! – решительным голосом объявил владелец и взглянул на дядю. Веселый, возбужденный старик на мгновение заглянул в темные беспокойные глаза Прокофия. Остренький холодок прошел по спине паралитика: на него смотрели пустые шальные глаза маньяка...

Вихляясь и приплясывая на ходу, прибывший невянский владелец удалился в разубранные покои...

Смолк колокольный звон; все еще разглядывая диковинную упряжь и наряды челяди, на площади топтались заводские. Никита Никитич, помрачневший, потухший, прикрикнул на толпу:

– Ну, чего глаза лупите? Марш на работу!..

Он растерянно оглянулся на дверь и укоризненно покачал головой. Мелькнула и всего встревожила мысль о племяннике:

«Кто же он – умница или сумасшедший?»

2

Прокофий Акинфиевич решил обосноваться в Невьянске. Теперь он стал неузнаваем: из молчаливой неприметной тени вдруг превратился в необузданного самодура. Исчезла прежняя приниженность; все низменное и болезненно-странное, что до поры до времени таилось в нем, разом ожило и охватило все существо демидовского наследника. Прокофий зажил беззаботно, в довольстве, все желания его исполнялись быстро и безотказно. В обширных, отменно обставленных покоях он жил как неограниченный властелин и предавался своим чудачествам.

Жена его Матрена Антиповна, больная, иссохшая женщина, лежала на огромной деревянной кровати, поставленной среди пустого и холодного покоя, из углов которого рано наползали сумерки. Постепенно и незаметно угасала ее жизнь. Страдальческими глазами она вглядывалась в прибывшего из столицы мужа и умоляюще прошептала:

– Прокопушка, подойди сюда... дай руку...

Под одеялом зашевелилось костлявое, изглоданное болезнью тело. Прокофий, приплясывая, подошел к постели. Наклонившись над больной, он холодным, бесстрастным голосом окликнул ее:

– Ку-ку! Ты еще жива?

– Прокопушка, побойся Бога! Что ты мелешь? – жалобно промолвила она. Из-под густых длинных ресниц выкатились слезинки. Большие прекрасные глаза с укором смотрели на Демидова.

Ухмыляясь и кривя тонкие губы, он отпрянул от ложа жены и сказал весело:

– Живи! Живи!.. Я пошутковал малость...

Все дни несчастная женщина лежала забытой, в одиночестве. Кухонные стряпухи приносили еду и убирали постель. Брезгливо морщась, бабы отворачивались и торопились поскорее убраться из горницы.

Единственной радостью больной были голуби, которых приносил младшенький сынок Амоска. Он пускал их в комнату матери и бросал им горсть зерен.

Голуби кружились по комнате, жадно пожирали корм и ворковали. На подоконниках, постели, стульях они оставляли свой помет, но женщина не замечала грязи, целыми днями молчаливо созерцая сытых сизокрылых птиц...

Сынки заводчика – Акакий, Лев и Амос – великовозрастные верзилы, без дела слонялись по усадьбе, жили своей обособленной жизнью, избегая батюшку. Но он таки добрался до них! В один из зимних дней Прокофий вызвал сыновей в мрачный дедовский кабинет. Они робко переступили порог и застыли в изумлении и страхе. Отец сидел на столе под портретом деда, по-портновски скрестив ноги. В белом колпаке, в замызганном халате, он горделиво поднял голову и, указывая глазами на портрет, спросил сыновей:

– Каков, похож на деда?

– Как прикажешь, батюшка...

Прокофий, презрительно взглянув на их бесцветные лица, вдруг вскочил и закричал истошным голосом:

– Марш, марш отсель подале, бездельники! В Гамбург, в неметчину марш!..

Невзирая на уговоры и слезы жены, он приказал Мосолову обрядить сыновей в дорогу, и, погрузив в обоз припасы, их повезли через всю необъятную Россию в далекую иноземщину...

В демидовском доме стало еще пустынное и тише.

На ранней заре в хоромах первым пробуждался хозяин. Хилый, остроносый, он накидывал халат, шлепая ночными туфлями, пробирался в людскую и поднимал всех петушиным криком. Из кузни Прокофий спешил к жене и каждый раз терзал ее тем же вопросом:

– Ку-ку!.. Ты все еще жива, Матреша?

Отвернувшись к стене, притворившись спящей, она не отзывалась на обидный оклик...

Неожиданно в Невьянск приехал Григорий Акинфиевич. Откланявшись дяде Никите Никитичу и старшему брату, он побеседовал с ним, осмотрел завод. Всюду он проходил тихой тенью, ни во что не вмешиваясь, внимательно присматриваясь к плавке руды и литью чугуна. Был он небольшого роста, тщедушен, говорил медленно, не задираясь. После полудня попросил слугу втащить в комнату хозяйки корзину, неторопливо извлек из нее пахучие яблоки и выложил перед больной.

Матрена Антиповна обрадовалась, засияла вся. Она ласково следила за ним. Гость подошел к окну и распахнул створки. Свежий воздух ворвался в неуютную большую комнату.

– Ну, здравствуй, Антиповна! – поклонился Григорий жене брата. – Ты что ж, милая, залежалась? Надо на солнышко да в садик пройти. Скушай яблочко! – Он протянул ей румяный плод.

– Милый ты мой, дорогой! – благодарно прошептала она. – Спасибо, не забыл! Ни садик, ни ветерок не помогут мне. Да и кому я нужна больная? Вот бы скорее смерть пришла!

– Ну, ну, не грехи перед Господом! Успеем, все уберемся на погост. Ты вот что, борись с хворью, не поддавайся ей.

Приятно и успокаивающе звучала его речь. Большими радостными глазами смотрела она на гостя и расспрашивала про семью.

– Небось не до радостей, все заводы ставишь? – внимательно посмотрела больная на Григория.

– Все не захапает, – спокойно отозвался он. – Строю на Бисерти один, да и то измаялся. Вот на Волгу плавал, хорошо на реке. Дышится-то как, просторы!

Он с воодушевлением рассказывал ей о рыбалках, о волжских городах, о пристанях, заваленных плодами.

В комнате потеплело от нагретого за окном воздуха. Больной стало лучше от ласковых слов. Она благодарно пожала ему руку.

Григорий пробыл с ней до вечера и распрощался. Уезжая, он отозвал старшего брата в сторонку и укоризненно сказал:

– Послушай, Прокопушка, моего совета: переведи Антиповну в другую, светлую комнату. Захачнет она у тебя, как слабое деревце!

Прокофий отмахнулся от просьбы.

– У меня и без нее хлопот много! – строго сказал он.

Григорий опечаленно опустил голову. Да, трудно было ладить с братцем!

Он не остался ночевать и с первыми звездами выехал из Невьянска.

Только дядя-паралитик быстро сошелся с племянником Прокофием Акинфиевичем. Занимал Никита Никитич по-прежнему полутемный кабинет отца. Здесь он отсиживался в зимние томительные вечера.

Глубокий снег укрыл хмурые уральские леса и каменистые горы. С востока, из сибирских степей, пришли лихие метели. В глухую ночь ветер завывал в трубе; по слуховым прозорам, скрытым в стенах, шел таинственный гул. Потрескивали сальные свечи, озаряя тусклым светом изношенные лица дяди и племянника. Они сидели друг против друга, состязаясь в выдумках.

С глухой зимней поры они пристрастились к петушиным боям. Неуклюжий, но сильный Охломон приносил отобранных петушиных бойцов. И начиналось кровавое состязание.

В круге, опоясанном холщовым барьерчиком, насмерть бились разозленные птицы. По горнице летал выщипанный пух, на чистые дубовые половицы стекали капли крови.

Склонившись над барьерчиком, сидели дядя и племянник и наслаждались зрелищем. Прокофий, сняв колпак, утирал им пот с узкого лица. Мягкие жидкие волосики прилипали к мокрым вискам. Змеиными глазами, не отрываясь, он смотрел на истерзанных птиц. Его тонкие злые губы вздрагивали, извивались в сладострастной улыбке, когда удар был особенно меток и силен. Старый паралитик, восседаая напротив, весь трепетал от напряжения при виде крови, яркой рубиновой росой сверкавшей на полу. С губ Никиты Никитича стекала тонкая липкая струйка слюны. Глаза его то вспыхивали, то угасали. Он дробно и возбужденно стучал посохом о половицы...

– Дядюшка! – не утерпел и вскрикнул однажды Прокофий. – Все сие весьма занятно. Но куда увлекательнее будет, ежели эту игру вести не впусте, на петушиную кровь. Сыграем, дядюшка, на заводишки!

Никита Никитич нахмурился.

– Э, нет, боюсь, милый! – отозвался он.

– Пошто, дядюшка? – лукаво прищурил глаза Прокофий.

– А вдруг я выиграю, мои петушки бойчее твоих, настервятники. Тогда, поди, ведь удавишь меня? – невозмутимо сказал паралитик.

Племянник залился смехом безумца.

– Это верно, дядюшка! – цинично сознался он. – Хошь я и не жаден, а непременно удавлю!..

– Варнак! Замолчи, варнак! – стукнул костью старик. – Такие мысли нежеже вслух молвить!..

Молодой хозяин отстранился от всех дел. Заводом правил неугомонный Иван Перфильевич Мосолов. Все у него шло раз навсегда установленным порядком. По зимнему скрипучему пути с завода уходили нескончаемые обозы, груженные добрым полосовым железом, помеченным верным знаком – «Старый соболев». На речных пристанях склады были полны добра, ждавшего вешней сплавной поры. На рудниках изо дня в день неотрывно робыли рудокопщики, добывая руду. Над прудом непрерывно дымили домны. Все шло хорошо, ладно, но Мосолова одолевали мрачные мысли. Глядя на паралитика-дядю и племянника, он сокрушенно думал:

«Гляди, что с доброй тульской кровью получилось! От такого крепкого корневища, от могучего дуба, а какая гнилая поросль народилась!..»

Здоровый, жилистый, он брезгливо относился к новым хозяевам. Ворюга-приказчик хапал сейчас без зазрения совести. Но воровство казалось безрадостным: не было соблазнительного риска.

Однажды Прокофий увлек Мосолова на башню. Вдвоем они упивались простором, разглядывали простершееся внизу демидовское хозяйство: дымили домны, из кузницы доносился звон металла, скрипели водяные колеса, а в черных приземистых корпусах шла полная трудового напряжения жизнь.

Над башней плыли курчавые облака; сиял весенний денек. В горах шумели дремучие боры, ближние рощи тронулись легкой свежей зеленью. В прудовой заросли, у теплого берега, урчали лягушки. Зацветала черемуха.

– Экая благодать! – не утерпел Мосолов и украдкой посмотрел на хозяина.

Уставившись в зеркальную гладь пруда, Прокофий ехидно спросил приказчика:

– Поведай, много ли ты с дядей в этом пруду людишек загубил?

Мосолов побледнел, испуганно закрестился:

– Свят! Свят!.. Побойся Бога, хозяин, разве такое могло случиться?

– У вас, милый, все могло быть тут! Сильные вы духом люди! А я что? Слабодушный горемыка! – Он испытующе посмотрел на приказчика.

Ивану Перфильевичу стало не по себе. Он подумал: «Что он – притворяется, чтобы выпытать грех, или впрямь безумец?..»

Однако сколько ни воровал Мосолов, жадность его не насыщалась. Однажды, набравшись смелости, он напомнил Прокофию Акинфиевичу о должке.

Хозяин вскипел, взъерошился.

– Ты что, очумел? – затопал он на приказчика. – Какой должок? Я чаю, давно расквитались мы!

По узкому лицу его побежали тени. Повысив голос, он закричал:

– Ты у деда воровал, злодей! У отца воровал! А ныне у меня хапаешь да еще должок спрашиваешь!

Он схватил Мосолова за плечи и вытолкнул его за дверь.

Неделю ходил Иван Перфильевич унылый и потерянный. Все ночи напролет он ворочался без сна, кряхтел от досады и сокрушался о невозвращенных червонцах. В конце концов он решил пойти на хитрость.

С опечаленным видом приказчик вошел в горницу хозяина:

– Батюшка, Прокофий Акинфиевич, горе-то какое! Спасите меня. Одолжите деньжонок! Ежели откажете, в петлю полезай!..

– Милый ты мой, хороший, распотешить меня пришел! – засиял Прокофий, потирая от удовольствия сухие ручки. – Сделай милость, уважь хозяина! Потешь мою душу... Изволь веревочку, она крепенькая, вешайся, дружок, а я порадуюсь. Должок после этого непременно отдам твоим наследникам!

Перехитрил молодой Демидов старого волка. Помрачнел Мосолов, глаза налились злобой. Ушел, понуро глядя в землю. Прокофию вдруг стало страшно. «Убьет, поди!» – обеспокоился он.

На другой день хозяин вызвал приказчика и вручил деньги:

– На, возьми! Только, гляди, помене хапай хозяйское!

Старик упал на колени и до земли поклонился Прокофию Акинфиевичу.

– Батюшка ты мой! – прослезился он. – Вот как благодарствую! Спас ты мою душу от греха!..

Он торопливо упрятал узелок с золотом за пазуху, а у самого руки дрожали.

– Видишь, какая у тебя подлая душонка, – укорил Мосолова хозяин. – Раз в жизни задумал сделать неслыханное дело – повеситься, да и то от трусости не посмел.

3

Не много времени прошло с тех пор, как Прокофий Акинфиевич стал владельцем Невьянского завода и поселился в нем. Хотя сытно и привольно тут ему жилось, однако он сильно заскучал. Смертельная тоска сжимала сердце. Кругом простирались леса, дебри, горы, и жили тут угрюмые работные люди, которые крепко ненавидели хозяев. Изо дня в день все совершалось однообразно, извечно установленным порядком.

Старый паралитик втянулся в эту жизнь и довольствовался малым. Плотно набив чрево, он часами неподвижно дремал в кресле в тихом кабинете. Мужские радости и тревоги давно оставили Никиту Никитича, одряхлевшее тело его жаждало покоя.

Иного искал Прокофий Акинфиевич. Каждый день он придумывал новые грубые развлечения, но тоска все глубже и глубже заглядывала в его пустые глаза.

– До чего ж скучно, господи!.. Где же счастье человеческое? – однажды спросил он у дядюшки.

Паралитик усмехнулся и сказал жарко:

– Кабы мне ходячие ноги, эх, и делов бы я наделал!

Прокофий покосился на старика и понимающе подумал:

«Верно, нарбил бы делов, полил бы крови, причинил бы мук и страданий! Да болезнь, как на цепи, держит зверя!..»

Хожалый Охломон отличался крепким здоровьем, силой, и мысль о счастье у него сводилась к богатству.

– Мне бы денег поболее, вот зажил бы! – со страстью высказал он свое тайное и тут же поугрюмел, сжал скулы. – А где их взять? Вон люди и на больших дорогах находят счастье, а я тут в белокаменных хоромашках заскорбел!

Хотя мрачноватые глаза мужика беспокойно бегали, уходили от взора собеседника, но Демидов понял его скрытое вожелание: «Этот рвется в разбойники! Гляди, чего доброго, ночи не спит, все думает, как бы дядюшку угомонить и пощупать его ладанки...»

Попик из заводской церкви просто присоветовал заводчику:

– Счастье, сыне, в добре! Не делай зла работным и возлюби ближнего своего!

Прокофий Акинфиевич поморщился:

– О ком заботишься, поп? О мужиках, да они созданы быть холопами господину. Работного человека Бог опекает, а я о другом думаю. Моя душа жаждет счастья веселого!..

На кухне хозяин приметил широкобедрую волоокую стряпуху.

Баба день-деньской топталась у печи, гремела ухватами, котлами. Ее круглое налитое лицо зарей пылало перед челом раскаленной печки. Полные тугие руки молодки, с ямочками на круглых локтях, проворно мелькали. С засученными рукавами, она то месила крутое тесто, то бросалась к бурлящему варевому котлу, то быстро и ловко стучала большим кухонным ножом. И всякую работу она делала с песней.

Демидов подивился:

– Ишь, как распевает от зари до зари! Должно быть, ты, каурая, до краев счастлива?

Молодка оглянулась, блеснули ее огромные синие глаза. Из-под ресниц выкатились слезы. Она брякнулась хозяину в ноги и жарко пожаловалась ему:

– Ох, батюшка, горька, разнесчастлива я! Третий годок вдовею! – Она зашмыгала носом.

Прокофий, хлопнув стряпуху по широкой спине, закричал:

– Погоди, милая, я тебе сосватаю доброго мужика!..

– Батюшка ты мой, радостный! – в последний раз всхлипнула баба и, схватив руку хозяина, стала ее благодарно лобызать.

– Мало тебе для счастья требуется! – удивился Демидов. – Погоди, обретешь мужика, отведает кулака!

– А то как же! – спокойно отозвалась стряпуха. – После кулака и любовь-то слаще!..

Задумчивый ходил заводчик по закопченным низким цехам, где в полумраке двигались и работали измученные, вымотанные работой мастерки. Настораживаясь, хозяин втихомолку прислушивался к речам работных.

Между трудными делами работный мечтательно сказал:

– Вот поспать бы, поспать!..

Работный был сутул, сед, многие годы тяжелого труда измотали его. Не раз видел Демидов, как этого работягу качало ветром.

«Отработался и хлеб хозяйский, видно, зря жрет!» – прикидывал заводчик, полагая прогнать старика.

Но тут стоявший рядом с ним коренастый ладный молодец расправил плечи и, зевнув, пожелал со сладостью:

– Верно, поспать бы всласть. Век лежал бы на спине и ни о чем не думал!

– И не пошевелился бы? – неожиданно раздался насмешливый голос за его спиной.

Молодец вздрогнул, оглянулся. Перед ним стоял сам хозяин Прокофий Акинфиевич Демидов. По его тонким губам блуждала язвительная улыбочка.

«Вот напасть приспела! Что только будет?» – встревоженно подумал работный и опустил глаза перед заводчиком.

Но беды не случилось.

– Что ж молчишь? – стараясь казаться добродушным, спросил Демидов. – В самом деле, отлежал бы год и не пошевелился бы, а?

– Не пошевелился бы, – робко отозвался молодец.

– Слыхал, дедко? – подмигнул старику заводчик.

– Слыхал, – охрипшим голосом повторил старик, а сердце у самого замерло. Он угрюмо подумал: «Еще какую пакость удумал, нечистик?»

Хозяин совсем повеселел и крикнул добрым голосом:

– Ладно! Коли так – уговор ладим. Вылежишь год недвижим на спине – тысячу рублей жалую. Шелохнешься – двести плетей и опять к молоту! Согласен?

– Господи Иисусе! – перекрестился старик. – Вот счастье-то!..

Молодец не дал ему досказать, бросил наземь молот, расправил грудь и выдохнул:

– Согласен, хозяин!

С гор пришел синий вечер; затих пруд, над поникшими ветлами засеребрился ущербленный месяц. В заводском поселке приветливо замелькали огоньки. Ладного заводского богатыря в эту пору увели в демидовские хоромы. Там, посреди светлого зала, поставили великолепное ложе. И, накормив, молодца уложили в перины.

Усталой спиной парень прижался к мягким пуховикам и потонул, как в теплой пене; сытость сладостно разлилась по всему большому натруженному телу, дремучий сон смежил очи: богатырь отошел в блаженное забытие...

День и ночь беспробудно проспал молодец. Проснулся, за окном сияет солнечный свет, веточка березки, как шаловливая девушка, робко постучала в окно. Воробей, трепыхая крыльшками, вспорхнул на подоконницу и озорно зачирикал: «Чир-вик! Чир-вик! Вставай, лежебока!»

– О-ох! – полной грудью вздохнул удалец и хотел изо всей мочи потянуться, размять притихшее здоровое тело, но вдруг вспомнил зарок...

Золотые стрелы солнца падали в окно, звенел голубой день, а в душу заползали сумерки. Неприятное томление коварно подкрадывалось к телу.

В просторной тишине заневоленный богатырь медленно, внимательно оглядел обширную палату. Окрашенная в синий цвет, она казалась морем, по которому под косыми лучами солнца, как на золотых парусах, неслышно и плавно несло его суденышко – ложе.

В первый день это казалось забавным. Веселили атлас одеяла, белизна простынь и наволочек. Брызги света, дробясь в хрустальных подвесках люстры, искрились всеми цветами радуги и казались звонкими внешними каплями, нависшими с подтаявшей кровли. Вот упадут, сверкнут и нежно прозвучат...

В полдень веселая разбитная молодка принесла лежебоке поесть. Пышным, горячим станом она склонилась над ним и стала кормить. В глазах ее плескался задорный, вызывающий смех.

– Что же ты будешь делать со своими деньжищами, ежели подобру-поздорову убредишь отсюда? – сгорая от любопытства, спросила она.

Заглядывая в синие глаза женщины, он ласково шепнул ей:

– Женюсь! Ой, и до чего ты спела и хороша! Пойдешь за меня? – Он воровски протянул руку, намереваясь уцепиться за тугое тело.

– Брысь! – ударила она по руке и вся засияла счастьем. – Отчего ж не пойти! Пойду!

Красивая, разудалая, она сверкнула чистыми ровными зубами и, быстро собрав посуду, убежала в людскую...

«Сейчас бы только чуток пошевелиться, и все в порядке», – подумал он и опасливо оглядел стены и потолок.

Тревожная, неприятная мысль всколыхнула его: «А что, ежели в незримый глазок следят-подглядывают – не ворохнусь ли? Тогда...»

Дальнейшее ясно представилось ему: Демидовы не любят шутить, а если шутят, то игра их больнее и мучительнее простой издевки.

А между тем лукавый комариный голосок нашептывал на ухо: «Ну, шевельнись чуток! Ну, шевельнись!...»

Преодолевая соблазн, он постарался уснуть и опять без тревог и сновидений проспал ночь. Ему послышалось, как где-то за дверью скрипучий голос хозяина Прокофия Акинфиевича спросил кого-то:

– Лежит? И не шевельнулся?

– И не шелохнулся! – прозвучал грубый ответный голос.

«Эх-хе-хе! Выходит, незримо сторожат. Ух ты!» – тяжело вздохнул парень и упал духом. Противное томление охватило молодое и сильное тело, жаждавшее движений и работы. За окном в этот день хмурилось небо, собиралось ненастье. На ветке березки застыл в неподвижности нахохлившийся воробей. Радужные звонкие капельки на подвесках люстры погасли. Хрусталь был мутен и холоден...

Тоска подбиралась к самому сердцу, хотелось провыть волком. К счастью, в горницу вошла стряпуха в опрятном синем сарафане. Еще издали она улыбнулась ему. Любуясь ее крепким, здоровым телом, парень спросил:

– А как звать тебя?

– Настасей! – певуче ответила она, и на его душе заиграла музыка. – Ныне кормежка сытнее... Хозяйского подбросила! – косясь на дверь, таинственно прошептала она.

– Настя!.. Настасья! – прошептал, в свою очередь, парень и опять потянул руку к ней.

– Не трожь! – перестала она улыбаться и сдвинула брови. – Не трожь! Терпи, потом порадую...

Голос ее, ласковый, материнский, бодрил его. Широко раскрыв глаза, он неподвижно лежал на спине, любовался румяным теплым лицом и горько жаловался:

– Такая ягодинка тут, а ты лежи, словно мощи!

Она зарделась, проворно собрала посуду и убежала из горницы...

Небо за окном нахмурилось. Заморосил дождь. По стеклу сбегали капли; нахохлившийся воробей исчез – улетел под крышу. А лукавый снова с большей силой стал шептать на ухо: «Ну, шевельнись чуток! Ну, шевельнись...»

«Да как же? – спросил он самого себя. – Обмишурюсь, поди! Ведь из незримой щелочки сторожат!»

Но бес соблазна не отставал, упрямо нашептывал: «Это почудилось. И никто не сторожит. И никого Прокофий Акинфиевич о сем не спрашивал!..»

Могучее тело без движений каменело, и омерзительней становилось на душе. Хорошо, что полил дождь. Под ненастью можно было вздремнуть...

На пятые сутки соблазн стал невыносим.

Теперь ни еда, ни покой, ни жаркая молодка не радовали.

Заневоленное, скованное страшным запретом тело каждой кровиночкой кричало:

«Вставай! Вставай!.. Разомнись!»

Он измученно закрывал глаза, думал о счастье быть богатым, о Насте, но каким блеклым теперь казалось это счастье!

Счастье было – двигаться, ходить под солнцем. Сколько радости раньше давало утреннее пробуждение! Как приятно крепко, до хруста в костях, потянуться и зевнуть до слез, захватив полной грудью свежий, пьянящий воздух!

Ночь ушла, пришло утро! В окно врывался золотой поток солнца; с поникших ветвей березки, сверкая, падали последние дождевые капли. И снова прилетел знакомый серко-воробей, закричал, зашумел, как драчливый мальчишка.

Еще не отошел сон, сознание еще витало в дреме, но тело нетерпеливо требовало пробуждения. Под напором могучего неустрашимого инстинкта затрепетал каждый мускул. Молодец орлиным взмахом закинул руки, потянулся так, что заскрипело ложе. Протяжный, невыразимо сладостный зевоч захватил все существо.

Ликуя и торжествуя, он перевернулся на бок и вдруг вспомнил об уговоре.

Словно совершив великий непростительный грех, парень спохватился, застыл в скорбной неподвижности, но было поздно... В этот миг распахнулись двери, через порог перешагнули Демидов и два дюжих холопа. Одетый в халат зеленого бархата, в мягких сафьяновых сапожках, хозяин, вихляясь, подошел к ложу. Его глаза горели злорадством.

– Ага! Не сдержался! Вот оно, счастьеце! – ликовал он. – Хватай его, лежебоку! Хватай! В плети!..

Не успел молодец и глазом моргнуть, как его сволокли с постели и в одних портах и рубахе потащили на заводский двор. Там уже наготове стояли козлы, подле них поджидал кат с сыromятной плетью.

Никита Никитович восседал в кресле-возиле, упиваясь зрелищем.

Прокофий, с полубезумными глазами, топтался вокруг козел. Он кривлялся, потирал руки, хихикал:

– Вот оно, счастьеце! Вот оно, родимое!..

Молодца опрокинули чревом на козлы, привязали и с широких бугристых плеч сорвали рубаху.

– Берегись, ожгу! – заорал кат и размашисто стегнул плетью.

Из-под ремня брызнула кровь.

– Раз! – стукнул посохом о землю паралитик и облизнулся.

– С проводкой! С проводкой! – закричал Прокофий и, приплясывая подле терзаемого тела, сладостным шепотком зачастил: – Вот оно, счастьеце! Вот оно, золотое!..

Старик Демидов сбросил колпак, ветер обдувал его желтую плешь; глаза его расширились; чуть-чуть дрожали и раздувались чувственные ноздри. Вслед за палачом он взмахом посоха отсчитывал удары:

– Двадцать пять! Двадцать шесть!..

Склонив лохматые головы, чумазные, поникшие, стояли работные, женки и дворня. Румяная Настасья, закрыв передником лицо, беззвучно плакала...

Заводский парень выдержал двести ударов. Его отвязали, стащили с козел и бросили под ноги старому Демидову. Паралитик заегозил в кресле.

– Ой, добро! Ой, хорошо отходили! – хвалил он ката, разглядывая иссеченную в лоскутья спину несчастного.

Слуга схватил ведро и окатил избитого студеной водой. Молодец очухался, вскочил на ноги. Шатаясь, неуверенно переставляя ноги, он протянул руки и пошел навстречу сияющему солнцу, жадно глотая чистый, живительный воздух.

– Ох! – радостно вздохнул парень. – Вырвался-таки! Вот оно, мое счастье!..

Прокофий стих вдруг; изумленно глядел он на работного.

– Гляди, каков человек! – крикнул племянник дяде. – Стой! Стой!..

Хозяин сам нагнал удальца, схватил его за руку.

– Молодец! – похвалил он парня. – Хоть тысячу прозевал, но похвал достоин... Настька, Настька, подь сюда! – позвал он.

Стряпуха, утерев слезы, боязливо подошла к хозяину.

– Люб парень? – в упор спросил молодку Демидов.

– Люб! – покорно отозвалась она.

– Ну, вот тебе и мужик! – весело отрезал Прокофий. – Пойдешь за него замуж?

У молодки вспыхнули глаза:

– Не шутишь, барин?

Демидов насмешливо улынулся:

– Кому он нужен поротый! Где он себе женку отыщет?

– А за битого двух небитых дают! – смело отозвалась молодка и обратилась к избитому парню: – Ваня, возьмешь меня в женки?

Работный подошел к ней, взял за руку:

– Идем, Настенька! Идем, моя радость!

Глядя им вслед, старик работный, переживая неудачу своего молодого друга, разочарованно покачал головой:

– Эхма, было б счастья два! Одно загреб, а первое упустил. Я бы глазом не моргнул, а свое взял!

– Неужто не моргнул бы? – удивленно спросил Прокофий.

«Господи Иисусе! – суеверно оглядел его работный. – Никак опять подстерег на слове!»

Однако отступать было поздно; старик смело поглядел в лицо Демидову и сказал:

– Истин бог, и глазом не сморгну!

– Молодец, дедка! – похвалил хозяин. – Уговор сразу: я пальцем пугаю, а ты не сморгни. Выдержишь, жалую сто рублей. Сморгнешь – полета плетей. Становись!

Старик потуже перетянул ремень, разгладил жидкую бородашку и стал перед Демидовым столбом.

– Держись! – закричал хозяин. – Держись, глаза выколю!

Растопылив длинные костлявые пальцы, которые страшили своей необыкновенной подвижностью, он угрожал. Казалось, вот-вот пронзит глаза. Но старик неподвижно и бесстрашно стоял, не моргая.

– Гляди, гляди, вот пес! – непонятной радостью трепетал Прокофий.

Никита Никитич взглянул на седого деда, замахнулся посохом и прохрипел зловеще:

– Пронжу!

Острие посоха задержалось у самого глаза. Старик не дрогнул.

– Сатана! – обругался паралитик и недовольно отвернулся.

Долго бесновался Демидов, но никакие страхи не покорили деда.

– Ух, сломил, черт! – устало выругался заводчик. – Откуда у такого старого да сила взялась?

– Эх, милый, укрепится духом человек, крепче камня станет. Ослабнет – слабее былинки!

– Бери сто рублей и уходи!

По приказу хозяина отсчитали сто рублей серебром и положили перед мастерком.

– Все твое! Загребай и иди, куда хочешь, в белый свет! За старостью ненадобен!

Старик хмуро поглядел на рублевики и сердито вымолвил:

– Не хочу твоих денег! Много слез из-за них пролито!

– Подумай, о чем говоришь! – сердито прикрикнул заводчик и поднял налитые злобой глаза.

Старый мастерко не испугался, не опустил глаз. Никите Никитичу стало не по себе от этого взгляда, он дернулся и замахал костлявой рукой:

– Уйди, уйди прочь!

Старик надел шапку, взял посошок и поклонился барину:

– Прощай, хозяин! Не мила тебе правда. Но ты запомни, что правда на огне не горит и в воде не тонет! И Мамай правды не съел, а барам подавно ее не укрыть!

Он поднял голову и побрел по дороге. И таким гордым и неподатливым показался этот старый человек, что Демидов не утерпел и сердито обронил:

– И откуда ныне такой народ строптивый пошел?..

4

Шумные забавы сменялись странными выходками, но скука, как верный пес, неотступно следовала за Прокофием. Хмурый ходил он по хоромам, не видя выхода своей тоске.

– Никак ты опять приуныл? – обеспокоился Никита Никитич. – погоди, я тебя так распотешу, так встряхну, что на карачках от радости поползешь! – пообещал он.

По всем дорогам, деревенькам и монастырям Демидов распустил молву:

«Жалует хозяин всех калек, нищевродов, юродивых. Ладят бочари дубовую бочку под серебро. В духов день из той бочки будет заводчик одарять нищую братию. Кто первый поспешит и дойдет к радетелю на поклон, тому больше будет отпущено!»

Всколыхнула эта весть нищих, калек, горемычных попрошайек. Из дальних сел, из лесных монастырей – отовсюду устремились люди в Невьянск на зов грозного Демидова.

Толпы людей, обездоленных господским произволом, покалеченных в огненной работе, голодных, сырых и бездомных, потянулись через каменистые шиханы, лесные дебри и реки. С каждым шагом росла и окрылялась сказка. Рассказывали странники:

– На высокой горе, на маковке, под синими небесами, под белехонькими облаками сидит в парче, в золотой шапке, усыпанный самоцветами, грозный Демидов – владыка. Сидит и горько плачет, кается перед Господом за погубленные души, винится в неправоте своей, в блуде, в непотребстве, в алчности. И сказал Господь ему: «Смирись, ненасытный человек, раздай свои богатства, останься наг, нищ и удались в мать-пустыньку!»

Послушал грозный Демидов Господа, собрал он золото и серебро, лалы и яхонты, янтарь и жемчуг. В больших бочках устали эти богатства на горе и поджидает божьих странников, скитальцев и горюнов, чтобы раздать им нечестно нажитое и уйти от мирского соблазна. Не знает он, сколько народу явится и кто дойдет до высокой горы, до маковки, только кто первым поклонится, тому ковшом отмерит он золото и самоцветы. Спешите, братия!..

Не все сбылось так, как донесла молва. В духов день в распахнутые ворота на заводскую площадь хлынула толпа нищевродов и увидела: на высоком крыльце, крытом ордынскими коврами, в золоченом кресле и впрямь сидит старый Демидов в дорожных одеждах и бархатной мур-

молке. Рядом с ним – узколицый черноглазый племянник. Стоит подле них дубовый бочонок и полон-полнехонек серебра...

Прокофий Акинфиевич с омерзением и страхом глядел на скопище, затопившее площадь. Как черви в прахе, ползли безногие, бряцали веригами юродивые с безумными глазами, калеки напоказ выставляли свои страшные уродства и кровоточивые язвы, старушки-божedomки пререкались и назойливо лезли вперед.

Дядя Никита Никитич с любопытством разглядывал толпу.

Он протянул руку, унизанную перстнями, взял ковш. Как ветер прошумел – неясный гул покотился по площади. Все, что копошилось внизу у крыльца, потянулось вперед. Куда ни взглядывал заводчик – всюду светились надеждой впалые, измученные глаза, настороженно следили за каждым движением. Еще не зазвучало серебро, а сотни костлявых, изъеденных болезнями рук, страшных в своей необыкновенной подвижности, уже тянулись к Демидову, дрожали, скрючивались. Кто-то в копошащейся гряде тел молвил:

– Пустите! Пустите! Я первый приполз...

Никита Демидов оглянулся: хожалый и телохранители стояли подле.

– Мосолов! – позвал заводчик приказчика.

– Тут я, сударь! – поклонился Иван Перфильевич.

– Следи отсюда и будь на страже. Знак дам! – многозначительно сказал хозяин.

Прокофий ожил: чуяло сердце – великую потеху затеял дядя. «Обошел старый выдумкой!» Взгляд его упал на Мосолова. Приказчик недовольно повел плечами; лицо его было строго и зло.

– Ты что? – обратился к нему заводчик.

– Боюсь, шибко боюсь, Прокофий Акинфиевич, – торопливо прошептал он. – Как бы беды не вышло.

Хозяин встрепенулся, горделиво вскинул голову:

– Никогда! Кто нам судья? Мы тут боги и цари, нам и судить! – сказал он вызывающе. – Давайте, дядюшка!..

Паралитик передал ковш племяннику. Подойдя к бочонку, Прокофий ковшом загреб серебро и опрокинул его обратно...

Протяжный стон пронесся по площади. Голодные глаза впились в сверкающую струю.

– Нам! Нам! – закричали все разом.

– Дай! Дай! – потянулись руки.

Но Демидов томил, дразнил звоном металла, блеском его. Он разжигал жадность людей. Старый паралитик одобрительно кивал утиной головкой.

– Потомы, потерзай эту погань! – шептал он.

– Батюшка, батюшка, осчастливь! – кричали нищелюбы.

– Ишь ты! – ехидно усмехнулся Никита. – Не робили, а просят!

– Пощади, пожалей, родимый! Имей сердце! – вопили калеки.

Оборотясь к племяннику, Никита крикнул:

– А ну, Прокофий, сыпани в них!..

Тот, как сеятель, взмахнул наполненным ковшом: серебряные полтинники и рублевики, звеня, подпрыгивая, раскатились среди людей. Давя и топча друг друга, забыв о ранах и своих увечьях, убогие и калеки, старушонки, пропахшие ладаном, и убивающие плоть и соблазны юродивые – все, все бросились за сребренниками...

Прокофий вновь зачерпнул ковшом и взмахнул им над толпой. Вой и крики взвились к небесам; еще неистовее, безумнее заматались люди, удушаемые в тесноте.

Глядя на это, Никита Никитич ликовал:

– Прокопка, сыпани, сыпани им!..

Заводчик осыпал площадь серебряным дождем. Раскрасневшийся, возбужденный, он упивался зрелищем.

Слабые, чтобы уберечь добычу, монеты прятали за щеку. Нищевородки, навалившись телом на рублевик, кричали:

– Мое! Мое!

Калек давили, ломали им руки, пальцы, хватили за горло.

С выпученными, страшными глазами на ступеньки высокого крыльца к подножию Демидова вползал юродивый. Его лицо гноилось, смердило; грязные лохмотья волочились в прахе. Тяжелые железные вериги громыхали при движении. Протягивая длинную костлявую руку, он вопил:

– Мне кинь, мне!.. Замолю грехи твои!..

Никита схватил посох и огрел безумца.

– Прочь, звероликий! – закричал он. Но юродивый, издавая вой, лез дальше. Тогда заводчик махнул платком...

Из псарни на площадь ринулся десяток разъяренных волкодавов. Спасая добычу, себя, обезумевшие люди бросились врассыпную. Недавно распахнутые ворота теперь оказались на крепком запоре.

Страшные «зверовые» псы казаков, злые «тазы» – овчарки киргизов, мужицкие сторожухи по свисту демидовских егерей кинулись на людей. Они со всего стремительного бега бросались на человека, опрокидывая своей тяжестью, и мертвой хваткой рвали за горло...

– Вот так потеха! – завертелся в кресле паралитик. – Вот так радость! – Он не утерпел, наклонился вперед и закричал псам, науськивая их: – Ату! Ату сквернавцев!..

Одиночки, сбитые с ног, добирались до крыльца, вползали на ступени и умоляюще протягивали руки:

– Спаси!.. Спаси!..

Никита Никитич весь дрожал от сладострастного беззвучного смеха. Глаза его были хмельные.

Дотянувшись до верхней ступеньки, юродивый пал под тяжестью разъяренного волкодава. Он рвал его лохмотья, тело. Несчастный протягивал руки, кричал иступленно:

– Будь проклят ты!.. Проклят!..

В пустых глазах Прокофия вспыхнул огонек:

– Вот это потеха! Вот это выдумка!..

Но в эту страшную минуту на площадь выбежал высокий бородатый детина с бичом в руках. Он зычно закричал псам:

– Злодей! Лысый! Ратай! Все ко мне!

Рыча, злые псы оставили несчастных, только серый волкодав продолжал терзать поверженного.

Детина ринулся к парадному крыльцу. Не добежав до него, он с огромной силой взмахнул длинным ременным бичом и гневно закричал псу:

– Геть, кровожадина!

Вслед за этим в ясном воздухе прозвучал сочный свист, и узкий ремень хлестко опоясал пса. Волкодав взвыл от боли и покатился по песку.

Ощерив белые крепкие зубы, широкоплечий молодец еще раз за разом щелкнул бичом. Утихомирившие зверюги, трусливо поджав хвосты, сразу присмирели и не сводили настороженных глаз с гневного пса.

Он закричал на всю площадь:

– Живей убирайтесь, бездомники! Расходитесь, перехожие!

Кто-то широко распахнул ворота, и люди торопливо стали убираться с площади...

– Мосолов! – истошно закричал паралитик. – Люди!

Приказчик напролом шел навстречу детине. Он сразу узнал его: только с месяц назад этот русоголовый бравый мужик прибежал с Покровского, графа Шувалова, медного завода и поступил псарем к Демидову. Звали удальца Хлопушей. Сейчас он крепко сжимал в жилистых руках уручину бича – козью ножку, а толстый круглый ремень змеей вился подле его ног. Дитина не опустил упрямых глаз под грозным взглядом приказчика.

– Хлопуша! – прохрипел Иван Перфильевич и осекся...

– Прочь с дороги! – резко выкрикнул он Мосолову и статной походкой, не сгибаясь, прошел вперед, к паралитику.

– Ты кто? Ты кто? – заикаясь, в страхе залепетал тот и оглянулся. Прокофия за креслом не было, струсил и сбежал.

Бородач поднял открытое волевое лицо.

– Не узнал, барин? Пришел усювестить тебя, хватит терзать народ! – просто и смело ответил он.

Демидов ехидно усмехнулся.

– Усювестить! Пошел прочь отсюда, бродяга! Не мешай потехе! Мосолов! – застучал костылем в половицу крыльца Никита Никитич.

– Не смей трогать несчастных! – сильным голосом угрожающе вымолвил мужик и сжал уручину бича. На руках дитины вздулись жилы. – Тронешь, как взмахну наотмашь, так разом твою лысую башку, как сырое яйцо, расхлещу!

– Как ты смеешь! – перехваченным от страха голосом выкрикнул паралитик.

– Все смею! – хладнокровно ответил мужик, и его жгучие глаза пронзили хилого демидовского наследника. – Раз на такое пошел – пеняй на себя! Мстить будешь, в цепи закуешь? За меня красного петуха пустят, и тогда своих костей не соберешь, хозяин!

Паралитик в испуге замахал рукой:

– Уйди, уйди!

Но грозный человек не уходил, шевелил плетью. Псы виновато растянулись у его ног.

– Увезите меня, увезите! – завопил Никита Никитич, и перепуганные за жизнь хозяина слуги потащили возило в покои.

На площадь той порой со всего завода сбежались работные: кто с ломом, кто с молотом, кто с кайлой. Возбужденные и озлобленные, они кричали:

– Веди нас, удалой! Терпенья больше не стало!

Дитина высоко поднял голову и сказал работным:

– Погодите, придет день, и ударит над барином гроза с громом и молнией!

Он торопливо прошел через всю площадь. Ветер развеивал его густую русую бороду. Позади дитины плелись унылые псы. Никто из демидовских полицейщиков и егерей не посмел задержать дерзкого мужика.

Ночью Хлопуша оседлал лучшего каракового бегунка и умчал в горы...

Все осталось сокрытым, как оставались доселе тайными все злодеяния Демидовых. И кто вступится за нищелродов, побирух и бездомных бедных людей, серой хмарой бродящих по российским дорогам? Ворон, когда летит через демидовские владения, и тот замедляет полет. Кто знает, почему: то ли чует добычу – мертвое тело, то ли сам страшится и слабеет от страха при виде человеческой скорби?

Тоска и пустота все равно не покидали Прокофия Демидова.

В один из дней по обыкновению своему заглянул он в покой своей забытой жены Матрены Антиповны. Просунув острый носик в полуоткрытую дверь, он с холодным равнодушием окликнул больную:

– Ку-ку! Ты жива еще, Матреша?

Она не отозвалась: лежала неподвижной.

– Что молчишь? – рассердился Прокофий и переступил порог.

Звонящая тишина наполняла комнату; в углах сгущались тени; в узких стрельчатых окнах догорал закат. Прижав перст к губам, Демидов неслышно, на цыпочках подошел к постели, думая напугать жену внезапным окриком. Он склонился над ложем...

Тусклые, мертвые глаза уставились на него. Лицо было восковое, сморщенное.

Чужая, незнакомая женщина лежала перед ним.

Прокофий вышел из горницы и тихо прикрыл за собой дверь...

Через неделю, захватив с собою дочь Настеньку, он уехал в Москву, передав управление заводами дяде, Никите Никитичу Демидову.

Глава четвертая

1

Высокие густые травы зацвели в уральских долинах, в лесах и на взлобках гор. Тихо стало в лесных дебрях: сидели в гнездовьях птицы, жировав зверь, отгулявший в брачной поре. Палило высокое солнце, накалялись от жара каменные россыпи, а внизу, у рек и горных озер, освежала прохлада. Ночами над Камнем вставало и трепетало в темном небе зарево: на десятки верст горели леса, подожженные башкирами. На Казанской тропе толпа удалых людей напала на русскую деревеньку, разбила, разграбила ее дотла. Увели башкиры русских женщин в недоступные горы, а дома подожгли. Из деревеньки пламя перебросилось в лес и загуляло на просторе.

Никита Акинфиевич Демидов возвращался из Санкт-Петербурга в Тагил – в родовое демидовское гнездо. Был он хмур, зол на брата. Глядя на зарево в небе, он грозил башкирам:

– Погодите, я вас успокою! Я укрошу вашу буйную кровь!

В дороге он ко всему по-хозяйски приглядывался, все высматривал.

– Эх, сколько лесов и земли простирается тут, не зная прилежных рук! – сокрушенно вздыхал заводчик.

Позади остались сенатские ненавистники, отменившие духовное завещание отца. В Москве, в наследственном доме, он поселил занемогшую жену. Ссылаясь на слабость, она отказалась ехать на Каменный Пояс.

Ехал Никита Акинфиевич в карете, а позади тянулся обоз. Везли холопы столичные покупки хозяина: богатые наряды, всякие диковинки и, что было внове, ящики с книгами. Ехали в обозе повара, иноземные мастерки, русские умельцы лить отменные пушки. В особом возке ехала девка – полячка с золотыми косами. Тайно от жены вез ее Демидов в свои горные владения. После многих дней беспокойного пути поздним вечером перед хозяином встали крепкие заплоты Тагильского завода. Ущербная луна огромным красным рогом медленно выплыла из-за леса и, то прячась, то ныряя в синюю глубину неба, неверным светом осветила заводские строения и широкие приземистые домны; над ними искры золотыми пчелами стремились в тьму; багровело небо. Залаяли сторожевые псы, где-то далеко-далеко на лесной опушке им ответил протяжный и унылый волчий вой.

Распахнулись ворота, карета въехала в ограду. Потянулись низкие бревенчатые избы, крытые дерном. Узкие крохотные оконца в них, затянутые воловьими пузырями, светились изнутри. В прорубы над дверью тянулись дымы. После тяжелой работы хозяева топили печи. В домишках гомонил народ, покашливал от едкого дыма.

Вот серебристой скатертью среди копоты и темных кустов развернулся обширный-пре-обширный пруд, а у самой лунной дорожки встал белокаменный дворец.

– Приехали! – крикнул Никита и распахнул дверцу кареты.

Перед ним неуклюже склонился приказчик Яшка Широков – старый поджарый кержак с искося глядевшими желтыми глазами и черной бородой клином.

– Здравствуй, батюшка, здравствуй... заждались мы. Давно поджидали господина нашего! – неожиданно слащавым голосом заговорил он. В жалованном предлинном кафтане до земли, расшитом серебряными галунами, туго подпоясанный синим шелковым кушаком, он скорее походил на столичного ямщика, чем на правителя огромного завода.

Барский дом светился яркими огнями. Было чисто, просторно. На широкой мраморной лестнице постланы мягкие ковры. В прихожей к высоким потолкам тянулись темно-зеленые олеандры. В бронзовых канделябрах потрескивали восковые свечи. И тут же на скамьях сидели

ливрейные лакеи – бравые, рослые молодцы, бесшумно вскочившие при появлении хозяина. Они бросились навстречу Демидову.

Все было так, как в хорошем столичном доме. Никита Акинфиевич с удовлетворением оглядывался и отходил сердцем: «Недурно батюшка с дедом тут обставились!»

И впрямь, Тагильский завод, ставленный позже Невьянского, когда первые Демидовы вошли в силу, был обширнее, значительнее, а палаты хозяйские на славу роскошны.

Приказчик неслышными шагами нагнал хозяина в кабинете и, слегка смущаясь, спросил:

– А куда ее... барыньку золотокосую, прикажете?

– Посели экономку в светелке, там, где тихие переходы! Да смотри за ней, в случае что – бороду вырву! – строго сказал Демидов. Подняв властные глаза на приказчика, он приказал: – Ныне покажешь книги и планы!

Не терпелось молодому заводчику, хотелось поскорее обозреть свое новое хозяйство...

Помывшись с дороги в баньке, Никита Акинфиевич весь день просидел в отцовском кабинете, знакомясь с планами и книгами. Перед ним развернулись обширные владения: леса, шахты, курени и прославленный на весь мир своим железом Тагильский завод.

Демидов отодвинул книги и сказал радостно:

– Что ж, есть где размахнуться! Не беднее братца будем!

– Может, ваша милость оглядит все на месте? – осторожно спросил приказчик.

Хозяин покачал головой:

– Не пришло еще время. Дай дух отведу. Мыслью отгулять на воле. На что же тогда богатство дано в руки, коли не испытать радость? После потехи и за работу возьмусь!..

Дородный, с крупным породистым лицом, в пышном волнистом парике, он походил на знатного вельможу. Глядя на его толстые, мясистые губы, Яков Широков невольно подумал: «Сластолюбец!»

2

При отце, покойном Акинфии Никитиче, сыну доводилось туго. Батюшка скупился на денежные выдачи. Между тем Никита был на возрасте, женат на дворянке, и самому Акинфию льстило, когда сын держался с достоинством, одевался по-барски, в бархат, носил кружева и парик.

«Этот пролезет в знать!» – глядя на сына, мечтал тульский кузнец.

Сдержанный, хитрый Никита ластился к отцу и добился того, что стал любимым сыном. В чайнии наследства сынок жил степенно, держался благонравно. И вот сейчас, почувствовав волю и богатство в своих руках, он решил расквитаться за долгий пост и воздержание.

Яшка Широков сбился с ног, устраивая потехи для господина и девки с золотыми косами. Она была статная и гибкая; без умолку щебетала. Сумрачный кержак – постник и аскет, до беспамятства любивший только завод и деньги, – опасался женщин. Но горячая, вертлявая полька волновала и его своей красотой. «Хороша блудница!» – втайне залюбовался он девкой.

Юлька – так звали экономку – крепко полонила хозяина. Все дни он проводил у нее в светелке. Неистовый, громкоголосый, он становился при полячке покорным, садился у ее ног и часами не сводил глаз с молочно-матового лица красавицы.

В Иванову ночь по наказу хозяина на ближних горах и на островах жгли костры. На елань¹ среди густых елей согнали девок. Сам хозяин, полураздетый и хмельной, восседал у костра подле полячки, одетой в тонкую прозрачную тунику.

Девки плясали у костра, водили хороводы... А в полночь хозяин и Юлька убрели в темный лес искать колдовской цвет папоротника. Так весело для барина проходили многие дни.

¹ Елань – лесная поляна.

Теперь по озеру часто плавали разукрашенные лодки, в воде отражались огни иллюминации. На острове играла роговая музыка. Ее нежные звуки в безветрие далеко разносились по окрестностям.

Юлька придумывала все новые и новые развлечения. Приказчик Яшка Широков, почуяв свободу, хозяйничал себе в пользу – исподтишка, осторожно тащил, что попадалось под руку, и тайно переправлял в раскольничьи скиты. Никита Акинфиевич в своем упоении Юлькой ни о чем не думал.

Полячка любила коней, и хозяин завел тройку вороных. Их привели издалека, из ордынских степей. Конюхом отобрал Никита парня из крепостных – Митьку Перстня. Бежал холопшка от помещика из России, пристал к разбойничьей шайке на Каме, колобродил, да прискучило все и пустился отыскивать вольные земли. Проник вместе с другими бегунами на Камень, а тут демидовские дозоры захватили и приставили к работе. Перстень был легок на ногу, охотник – зимой отыскивал медвежьи берлоги и один на один ходил на зверя с рогатиной. Небольшого роста, проворный, с маленькими глазами, сверкавшими из-под густых нависших бровей, он и сам походил на лесного хозяина. Никто лучше его не мог объезжать коней; он-то и обхаживал тройку вороных бегунов. Он запрягал ее в нарядную упряжь, украшенную серебряным набором, пристегивал валдайские колокольчики и, в красной атласной рубашке, в кучерской шапочке набекрень, садился на облучок.

– Во весь дух, Митенька! – просила Юлька, усаживаясь в легкую колясочку рядом с Никитой.

Перстень умел потешить красавицу, – он и сам любил бешеную скачку. Выехав на дорогу, Митька посвистом горячил коней.

Заслышав знакомый призыв, коренник Игрень-конь, высокий длинноголовый скакун с тонкими сильными ногами, мгновенно оживал, раздувал влажные трепетные ноздри и входил в азарт. Легко и плавно он брал с места, все больше и больше с каждой минутой ускоряя свой бег. Играя, он легко выкидывал тонкие крепкие ноги и мчал, склоняя набок косматую голову и кося злыми фиолетовыми глазами. Пристяжные рвались в стороны и, потряхивая гривами, стлались над дорогой.

Разливались-звенели колокольчики...

Полячка, сбросив кашемировую шаль, сияя золотой головкой, вскакивала с сиденья, кричала:

– Быстрее, Митенька!

Ухватившись за плечо ямщика, она колотила его маленьким крепким кулаком в спину:

– Горячи, Митенька!

Перстень рывкал на весь лес, ярил коней. Желтая пена клочьями падала из горячей пасти Игрень-коня. В ушах свистел ветер, рвал и расхлестывал Юлькины косы. С развевающимися пышными волосами, покрасневшись, она кричала:

– Ах, добже! Ах, добже!..

Оборотясь к Никите, она скалила острые беличьи зубки:

– Пане! Пане, что жмуришься?

От быстрой езды у Демидова кружилась голова. Он крепко держался за сиденье и, разглядывая подружку, восхищенно думал: «И до чего ж хороша девка!»

Так они могли мчаться до тех пор, пока не унималась горячая кровь Юльки. Тогда Перстень сдерживал коней, разудалый звон бубенцов переходил на мелодичный, и хозяева малопомалу приходили в себя.

В один из дней тройка вороных вынесла хозяев на простор.

Стоял тихий предвечерний час, когда сиреневые дали казались прозрачными. Раскаленное солнце медленно погружалось в зеленый океан лесов. Затихали птицы, угасал шум. На

дорогу ложились лиловые тени. Только неугомонный красноголовый поползень где-то выстукивал под зеленым навесом хвои.

Натянув вожжи, Перстень гнал коней.

Казалось, не кони мчались, а кружила, уходила из-под звонких копыт накатанная дорога, бежали мимо лес, кусты, мелькали падуны-ручьи, сверкали озера.

Солнце погрузилось в бор, и разом вспыхнули и озарились багровым пожаром стволы сосен. Чудилось, пылал весь лес, охваченный алым пламенем.

Юлька заворуженно смотрела на игру вечерних красок.

– Как дивно, пане! – ластилась она к Никите. Огромный, румяный от зари, он могуче обнимал ее худенькие плечи.

Кто-то темный, лохматый перебежал дорогу.

«Медведь!» – догадался Демидов, и в этот миг кони рванулись вперед. Из всех сил натянул Митька вожжи, закричал любимому Игрень-коню:

– Тишь-ко! Тишь-ко!..

Но встревоженный коренник, закусив удила, как вихрь мчался вперед. Жарко дыша, вздрагивая всем телом, сбившись с плавного ритма, из стороны в сторону кидались пристяжные.

Коляска подпрыгивала, кренилась от ударов об узловатые корневища. Кони мчались в раскаленный пожар зари.

Впереди мелькнул Аликин-камень, за ним в пропасть низвергался падун-ручей. Здесь дорога круто сворачивала влево. Но черные демоны-кони ничего не хотели знать – неслись к бездне...

– Пан, пан, мы пропали! – по-детски плаксиво закричала Юлька. – Ратуйте, люди добрые!..

Румянец сошел с ее лица, полячка побледнела; беспомощно и жалко дрожала коричневая родинка на вздернутой пухлой губе. Демидов схватил ее за руки и, заглядывая в до смерти перепуганное лицо, спросил насмешливо:

– Ага, умирать-то страшно?

Она вырвала руку и стала креститься всей ладошкой:

– Иезус-Мария... Оборони, Боже...

Аликин-камень грозно вставал на пути все выше и выше.

«Или о скалы разнесет башку, или вниз сверзнет?» – хладнокровно прикидывал Демидов.

Он крепко ухватился за ремни, чтобы не выпасть, и тянул Юльку к себе.

– Ну, замолчи!.. Ну, замолчи, дура!..

– Стой!.. Стой!.. – иступленно закричал Перстень и, оборотясь к Демидову, предупредил: – Держись, хозяин!..

Неумолимо близилась бездна; с каждым мгновением нарастал необузданный рев горного потока. Секунда, другая – и гибель...

Все замерли. Казалось, кровь остановила бег.

Но что это?

Из кустов на дорогу выбежал высокий проворный человек. Он неустрашимо кинулся навстречу взбешенным коням.

«Пропал человек!» – безнадежно подумал Никита и закрыл глаза.

Но чернобородый лохматый молодец на бегу схватил за гриву коренника и повис на удилах...

И как ни отряхивался головой Игрень-конь, не сбросил дерзкого и неумолимого удалыца.

Пробежав еще десяток шагов, Игрень вдруг одумался, умерил бег и стал стихать. За ним одумались пристяжные. Черномазый бродяга что-то выкрикивал, ворчал. И они, чувствуя властную силу, присмирели.

Вороны сдержались на краю бездны.

Демидов с изумлением и восторгом смотрел на цыганистого жилистого молодца, стоявшего на дороге. Черная волнистая борода буйной порослью охватила все его лицо; она взвихрилась, и в синеватой черни ее весело сверкали белые зубы.

– С тебя доводится, барин! – простодушно сказал он заводчику и придвинулся к коляске.

Всплеснув руками, Юлька с криком бросилась к нему на грудь и, внезапно охватив шею, крепко поцеловала бродягу в губы.

– Ух, ты! Вкусно-то как! – прокряхтел он и огладил бороду.

– Отколь ты, леший, брался? – ревниво накинулся на него Митька Перстень.

– Где был, там нет, где ходил, там след! – насмешливо отозвался цыган.

– Кто ты? – спросил Демидов, заглядывая в его бесстыжие глаза.

– Беглый! – нисколько не смущаясь, нагло ответил бродяга.

– Откуда сбег? – дивясь наглому признанию, спросил Никита.

– С Алтая сбег. Бергал² я! – расправил широкую грудь черноглазый.

– Так ты и с горным делом знаком? – удивленно спросил Демидов. – Как звать?

– Ванька Селезень. Заводское дело ведомо мне, да с хозяевами не поладил. Вольных хлебов ищу! – отозвался он и потупился под горячим взглядом Юльки.

– Н-да! – в раздумье промышчал Демидов. – Вот что, беглый, где тебе счастье искать? Приходи на завод – работу дам! Полюбился ты мне, ухарь! Удальцов я люблю.

– Что ж? – охотно отозвался бродяга. – Спешить некуда, женка и малые детки не ждут. Приду к тебе, хозяин... Бывай здорова, барынька! – поклонился он Юльке, сошел с дороги в лес и был таков...

– Силен цыганище? – сплюнул вслед Перстень. – Такие люди с хода свою судьбу хапают...

Демидов промолчал. Тройка свернула влево, экипаж тихо покатился вниз к зеленой елани.

Над понизью, над кустами уже тянулись сырые космы тумана; темнело. За темным бором догорала вечерняя заря...

3

На другой день утром явился бродяга Иван Селезень, и Демидов сказал ему:

– Служи верно и честно мне и никому боле! Запомни и прими для себя: я тебе буду царь и бог. Коли будешь предан, выведу в доверенные люди, приказчиком сделаю. Отныне ты останешься при мне.

Бродяга поклонился, посулил:

– Буду служить те честно и верно. Хватка у меня, хозяин, такая: коли по нраву человек – положу за него душу!

– Любо! – похвалил Демидов.

Яшке Широкову, главному управителю Тагильского завода, пришелец не понравился. Сухой, мрачноватый кержак не любил шумных и жизнерадостных людей, сторонился их.

«Беспокойный больно! По всему видать – разбойник с большой дороги. Гулял с кистенем да на Демидова напоролся, а тот слюни и распустил», – раздумывал он.

Отпустив Селезню, хозяин зазвал приказчика Яшку к себе в кабинет. Кержак долго стоял у порога, ожидая приказаний.

² На Алтае в те времена рудокопов называли бергалами.

Тяжело ступая, Никита Акинфиевич долго ходил из угла в угол. Наконец он остановился перед приказчиком.

– Ну, как дела, Яков? – глухо спросил он.

– Известны: орудует заводошник, льем железо, – пожал плечами Широков.

– Отныне я за дело берусь, буду тут за главного! – твердым голосом сказал Демидов. – Хватит, отгулялся! Нынче за работу! Без хозяина – дом сирота, а заводу и вовсе погибель!

– Оно так! – послушно согласился приказчик.

Никита продолжал:

– Чтобы дело робить, надо знать. А познать ремесло можно опять же делом. Теперь давай мне одежду попроще и веди в литейную. Приставь там к умельцу, дабы всему обучил. Буду за работного пока!..

Приказчик удивленно разглядывал хозяина.

«Уж, чего доброго, не шутит ли? Несбыточное мелет. Может, с пьяных глаз умопомрачение приключилось?»

Но это было не так. Никита Акинфиевич переоделся в рабочую одежду и пошел в литейную. Юлька на целые дни осталась одна. Притихшая, она бродила по демидовскому дворцу; в сердце закрадывалось сомнение: «Неужели так быстро разлюбил веселый пан?»

Демидов от темна до темна проводил в литейной. Приказчик приставил к нему доброго старинного мастерка Голубка. В предавние годы этот мастерко выехал из Тулы, где славился знатным литьем. Никита Демидов, дед, в свое время заметил отменного пушкаря и сманил его на Каменный Пояс. Сейчас Голубок был глубокий старик. Он сгорбился, стал седенький, сухой; только зрение не изменило ему. По-прежнему без очков он хорошо различал все оттенки пламени и по цвету определял, когда бить в домне летку и выпускать расплавленный металл.

Старик преданно любил свое суровое и вместе с тем тонкое мастерство. О нем он говорил тепло, задушевно. Дни и ночи хлопотал у литья.

Демидов, просто одетый, сказал ему:

– Ну, дедко, пришел к тебе учиться!

Старик строго, испытующе поглядел на хозяина, ответил:

– Коли не шутковать вздумал, становись, Акинфич, но то запомни: дело наше мудрое, сурьезное, терпение – ох, какое терпение надо, чтобы постичь его!

– Выдюжаю. Я терпелив, дедко! – улыбнулся Никита.

Уловив легкость в улыбке, Голубок нахмурился:

– Погоди хвалиться. Это еще терпится. Поглядим, как руки и глаза твои покажут!

Мастерко толково пояснял, показывал все, но нетерпеливый ученик часто упускал кой-где мелочишку. Потом эта мелочишка оказывалась самой важной – от нее зависел успех. Разглядывая сделанное Никитой, дедко недовольно поджимал губы:

– Плохой доводчик ты, Акинфич! Мало сробить, надо до тонкости, до синь-блеска довести металл-то...

– Доведу! – уверенно отозвался Демидов.

– Опять похвальба! – сердился старик. – Сробь, сдай, а тогда и хвались! А работенка твоя плохая. Скажем, не гожа. Будь я Демидовым, гнал бы прочь тебя от домны!

Самолюбивому, гордому Никите трудно было сдержаться, чтобы не пугнуть мастерка. Впрочем, старик был не из пугливых. Когда ученик портил дело, он не сдерживался и кричал в сердцах:

– Что робишь, сатана! Кто позволил тебе разор чинить? Губишь металл-то? Прочь, кобылка!..

В заводе нерадивых и неумелых учеников обидно кликали «зеленой кобылкой».

Демидов гоготал над ершистым дедом.

– А ты не гогочи! – грозил мастерко. – Гляди, по рукам хвачу; ну, что опять робишь?..

Демидов был упрям: долго трудился он под началом строгого мастера и дошел до умения.

Когда Никита выдал первое литье, Голубок радовался, как дитя. Он бойким кочетом носился вокруг домны, распустив бородавку.

Глядя на огненную лаву, воскликнул:

– Удалась на славу! Только пушки лить! Ай да кобылка! Дай я тебя расцелую!

Мастерко бросился обнимать Никиту, но тот повернулся к нему спиной и позвал:

– Ну что ж, идем за мной!..

Он повел дедку в хоромы, и там Юлька вынесла на расписном подносе чару хмельного. Мастерко смахнул шапчонку.

– Вот спасибо, угодил, Акинфич, – прижмурился он от удовольствия. – Из таких рук одна радость испить.

Юлька с улыбкой посмотрела на веселого старичка.

– Вот видишь, дедко, все у меня есть и все удастся! – похвастался Никита. – Не роблю я, а каким царством обладаю!

Голубок выпил, поморщился и смело ответил хозяину:

– Годи хвастаться-то! Все у тебя есть: и заводы, и домны, и экие палаты, и красавица-раскрасавица, дай ей, Господи, здоровья! С заводами все же, хозяин, всяко бывает. А вот мое мастерство всегда при мне будет. Вот и выходит, я сильнее тебя, барин!

Демидов побагровел. Слова мастера задели его за живое.

– Это почему же? Что-то недомыслию твоих слов! – сказал он.

– Поднеси еще чару, – попросил старик, – поведаю тебе одно тайное предание.

Ему вновь налили хмельное. Осушив чару, Голубок утер седенькие усы и тихим, размеренным голосом повел рассказ:

– От дедов слышал преданье, а они от прадедов дознались про это. В незапамятные годы русские люди достигли Каменного Пояса и впервые спустились в шахту. И тут свершилось страшное, батюшка. Семь дней и семь ночей непрестанно хлестал огненный дождь. Поднялась буря и погнала из рек и морей сокрушительные валы. И воды смывали вершушки гор и уносили в океаны. Сотрясало все небесное и земное: помрачилось солнце, скрылся золотой месяц. На все навалилась тьма непроглядная, и оттого стало на сердце тошно...

Мастерко перевел дух, взглянул на Демидова и со вздохом продолжал:

– Прост человек, а все же догадался, что неспроста хляби разверзлись и мрак пал на горы. Кому охота идти навстречу своему горю-злосчастью? Отказались холопы спускаться под землю и робить на радость другим. Но сильны хозяева и плетями приневолили людей лезть в крошечную тьму, в недра земные. День и ночь, батюшка, мозолистые руки не знали покоя – все робили и робили. Нет беспрощатнее труда под землей, когда гонят тебя без оглядки, без жалости. Подземелья, глубокие и сырые, узкие, что кротовины, губили людей дешевой смертью: то глыба сорвется на трудягу – и прости-прощай тогда свет белый, то вода зальет, то еще какая другая беда настигнет. Все, милый, к одному концу, к одной напасти... И вот в такой поре среди рудокопщиков появился Аким-богатырь. Эх, и человечество: плечист, молодецкой хватки и своего брата в беде не оставит! И стал он робить, как все кабальные. Известна барская хватка: упустил – плетями засекут, живьем сгноят, вроде как у нас...

Заводчика покорило, он поморщился и сердито перебил Голубка:

– Ты, старый брехун, полегче! Не больно мути словами...

– Э, милый, так сказка сказывается, так песня поется. Из нее слова не выкинешь! – спокойно ответил старик и, не смущаясь, продолжал дальше: – Раз ночью гнал Аким тачку с рудой, а впереди, откуда ни возмись, навстречу огромный черный бык: рога – дуги, глаза – фонари... Уперся бык в тачку с рудой. Попробуй сдвинь такую силищу! У Акима сердце сжалось, растерялся споначу. Еле опомнился. «Страшен ты действительно, – говорит ему. – Но не из пуж-

ливых я, потому что вспоил-вскормил меня простой народ и силы мне свои передал. Оттого в руках моих и в сердце могущества куда больше твоего». – И как двинет тут Аким тачку с рудой, бык и взречь не успел, разом очутился под колесами и там рассыпался на мелкие искорки, и сразу светло и легко стало на душе...

Заводчик пылливо посмотрел на мастера.

– Не пойму, что к чему? – невинно спросил он, но дедко по глазам хозяина понял – лукавит он. А все же осмелел и сказал Демидову:

– Как не понять тут. Разумей: во всяком противстве главное – иметь надо разум да молодецкую хватку, и поборешь тогда любого супостата, хоть и страшен он...

– Но кто ж сей черный бык? – упрямо спросил хозяин.

– А тут уж и мне не сказано и про вас не говорено! – на сей раз уклонился мастер.

Не по душе пришелся Демидову тайный сказ, нахмурился он, поднялся с кресла.

– Ну, иди с богом, дедко, отблагодарю после, – пообещал он литейщику.

На том и разошлись.

Через неделю, когда Голубок хлопотал у домны, его сманили в каменную амбарушку, там повалили и отхлестали ремнями.

Стегал его Ивашка Селезень – цыганистый бродяга, обретший вдруг силу на заводе. Из распахнутого ворота рубахи варнака лезла густая потная шерсть. И весь он был волосатый, сильный. Оскалив зубы, он бил и приговаривал:

– Смирись, батька! Покорись, хлопотун!..

Отстегав, старика поставили на ноги. Селезень крикнул:

– Вали, дедко, да боле не попадайся под мою руку! В другой раз отяжелеет она, не сдюжишь!

Голубок поправил портки, поклонился бродяге и незлобно спросил:

– Милый ты мой, а скажи, за что отстегали меня, по какой нужде?

Селезень откинул ремень и пояснил:

– Первое, стегали тебя за тайный сказ. Умен Никита Акинфиевич и рассудил, что к чему.

Так и сказал: «Не свалить работному Акимову барина – черного быка». Учти это, старик, и прикуси язык! А второе – побили тебя, чтобы не возгордился. Хошь ты и хозяина учил, а свое место знай...

Мастер Голубок опять поклонился:

– Спасибо, милый, за науку! Век не забуду сего денька!

– На том будь здоров! – засмеялся Селезень и вытолкнул старика из амбарушки.

Глава пятая

1

Прошло только полвека с той поры, когда первые Демидовы и другие заводчики появились на Каменном Поясе, но слава уральского железа далеко перешагнула пределы отечества. Еще не так давно Швеция славилась своим железом и была главным поставщиком его в Англию, а сейчас Россия заняла первое место в снабжении Англии металлами. Демидовские заводы широко развернули «заморский отпуск». К зиме 1745 года очередной демидовский караван стал на зимовку в Твери. На сорока семи судах нагружено было 323 545 пудов железа, из которого большая часть предназначалась для Англии. В декабре того же года Никита Акинфиевич заключил с английским купцом Вульфом договор, по которому обязался поставить 200 000 пудов полосового железа, и если «более в оном караване явится все без остатку... Кроме Вульфа, оное железо никому не продавать».

Все больше и больше требовалось железа за границу. Заморские купцы охотно брали добротное демидовское железо. Англичане Аткинс, Ригель и Люзбери заключили с Никитой Акинфиевичем контракт, чтобы ему, Демидову, на своих собственных заводах под клеймом соболя и поставленных пяти литер CCNAD³ 10 разных сортов железа по разным договорным ценам доставить по 75 000 пудов в год. А кроме них, проживающие в Санкт-Петербурге представители английских фирм Томсон, Питерс, Бонир и другие тоже требовали железо с маркой «Старый соболя».

Миллионы пудов русского железа уплывали за море. Не было на свете страны, которая могла бы поспорить с Россией в выплавке чугуна: Франция, Пруссия, Бельгия, Англия и даже Швеция далеко остались позади. День и ночь работали демидовские заводы, горы чугуна и железа по вешней воде сплавом шли с Каменного Пояса к балтийским портам. Спрос расширялся, и это радовало и беспокоило Никиту Акинфиевича. Унаследовал он от деда, тульского оружейника, кипучесть натуры, большую хозяйственную сметливость и широкий размах в деле. Подобно деду, в своем стремлении расширить производство он не щадил крепостных и приписных крестьян и всех, кто попадал в его цепкие сети. Дедовский потомок весь удался в деда: тянуло его строить, жадно прибирать к рукам богатейший край, изобильный рудами, пушниной, лесами и плодородными землями.

Требования на железо «Старый соболя» заставили его заняться строительством новых заводов. Но где их ставить? Взоры заводчика обратились на южноуральские горы.

Там на юг грядами тянулись каменистые хребты, шумели первобытные леса, в понижах расстилались обильные пастбища. В этом краю кочевали простодушные башкиры.

По примеру деда, в 1755 году Никита Акинфиевич в сопровождении приказчика Ивана Селезня отправился в глухие башкирские горы.

В своих странствованиях по скалам, падам и лесным уремам набрел Демидов на благодатный уголок. Среди живописных увалов раскинулись многочисленные привольные озера, окруженные могучими лесами, склонившими густые кроны к зеркалу прозрачных вод.

Всадники поднялись на небольшой сглаженный временем курган, который высился над синими озерами. Бесчисленные сурковые норы темнели в песчаном берегу, попискивали среди камней полевые мыши. По скату цветистым ковром пестрел бело-красноватый степной зверобой. Остатки каменных стен высились в голубом небе. В расселинах руин, в быльняке шумел ветер. Когда-то, в давние-предавние времена, мимо древнего городища в этих местах проле-

³ CCNAD – ССНАД – статский советник Никита Акинфиевич Демидов.

гала великая ордынская дорога. Ею на запад шли воинственные народы – гунны, за ними – монголы; по этой дороге пробирались на Русь сибирские татары пограбить мирных поселян. И казалось Никите, не бор шумит, а раздаётся гул и гомон идущих набегом диких кочующих орд.

Демидов скинул шапку, утер обильный пот на широком лбу.

– Ну и приволье! – восхищенно сказал он. – Какой простор! Быть бы ястребом да кружить мне тут над всей этой благодатью!

Цепко сидя в седле, Селезень покосился на хозяина. «Чего тут! Демидовы похлеще ястреба будут», – озорно подумал он, а вслух одобряюще сказал:

– Эко место! Металл – рядом, воды – океан, лесов для домны – прорва. Вот и ставь, хозяин, тут завод!

– Это верно. Добрый твой глаз! – похвалил приказчика Демидов. – Быть здесь заводу. А другой за озером обладим...

– Как, разом два? – удивился Селезень.

Никите Акинфиевичу исполнилось всего тридцать лет. Широкоплечий, крепкий, в полной силе человек. Упрямые волевые глаза, – даже Селезень не мог выдержать их испытующего пристального взгляда.

«Силен и размахист», – внутренне похвалил он Демидова и, подумав, спросил:

– А народищу где возьмем на стройку, хозяин?

– Хо! – ухмыльнулся Никита. – Было бы болото, а черти найдутся. А мужики на что? То разумеи, Иван, Сибирь лежит нетронутой, а народ там жильный, крепкокостный. Вот и работяги нам!..

«И все-то он знает и ко всему уже примерился, ведун!» – подумал Селезень.

– Поехали! – закричал Никита. – Надо к вечеру за озеро выбраться! – Он тронул повод, кренистый серый конь стал спускаться с кургана.

Демидов молодецки сидел в казачьем седле. На загорелом бритом лице появилась самодовольная улыбка.

– Отныне земли и воды тут мои! – сказал он по-хозяйски уверенно.

Хоть земли осмотренные и не были узаконены, но Селезень всей душой поверил в хозяйское слово. Выглядел Демидов как победитель, покоривший обширные земли...

К закату Никита Акинфиевич и Селезень прибыли в затерянное в горах сельцо Кыштым. Не отдохнув, не покормив коней, они взобрались на высокую гору Егозу. Весь край лежал как на ладони: кругом шиханы, озера, леса – размахнись, сила! На малом пространстве насчитал Никита свыше сотни озер. Какое разнообразие их: были тут глубокие и холодные, светлые и прозрачные, мелкие и теплые, мутные и тинистые. А вон – зарастающие озера-болота!

Долго любовался очарованный заводчик нетронутым краем. Алчный к богатству, он решил не откладывать дела.

– Вот местечко и для другого завода! – решительно сказал Демидов и повел рукой. – Вот оно где, мое новое царство!

– Но под горой сельцо, хозяин, и хлебопашцы там, – заикнулся было приказчик.

– Это добро! – отозвался Демидов. – На первой поре работные людишки будут. Какие это землепашцы? Кто им дозволил тут землю поганить? То самовольщики, беглые с Руси. Погоди, вот мы их приберем к рукам!..

Косые лучи заходящего солнца ложились на долины и леса. В предвечерней тишине внезапно вздрогнул густой упругий воздух – торжественный благовест огласил крохотные нивы и застывшие леса, понесся над зеркалом вод. Демидов встrepенулcя, прислушался.

– Никак и храм Божий устроили, ишь ты! – удивился он. – Стало быть, и попик тут есть! То добро, легче с мужиками будет сговориться, да и церковь не надо ставить. Тронулись, Иван!

Они спустились с горы, добрались до сельца. Старая бабка вынесла им из хибары берестяной корец с квасом да горбушку хлеба.

– Ешьте, родные, – предложила она им. – Откуда путь держите, православные?
Демидов промолчал, уминая горбушку.

– Ты, баушка, скажи, как звать-то тебя? – спросил приказчик.

– Звать-то Оленой, милоч! – словоохотливо отозвалась старушка. – Восьмой десяток пошел, кормилец. Не работница ныне стала...

– А где людишки? – прожевывая кусок, спросил Демидов.

– В храме Божьем, милоч. Ноне день субботний.

– Пахоты чьи? – деловито допытывался Демидов.

– Божьи, батюшка, – поклонилась бабка. – Наезжают башкирцы, мужики одаривают их кой-когда, вот и все тут! И какие это пашни – скудость одна. К пресвятому Покрову в закромах – ни зернышка...

– Ладно, спасибо на том, баушка, – поклонился Селезень.

Бабка покосилась на его черную бородищу, укрыла ладошкой незлобивую улыбку.

– Из цыган, должно быть? – спросила она. – Не сердись, сынок, и цыгане народ добрый.

Демидов встал с завалинки, потянулся.

– Где поповское жило? – спросил он старуху.

– Вон крайний двор!

Держа на поводу коней, Демидов и Селезень побрели к дому священника. Там у плетня они привязали их и зашли в дом. В опрятной горнице пахло вымытым полом, свежими травами, набросанными на широкую скамью.

– Эй, кто тут есть? – закричал Демидов. На его зов никто не откликнулся.

– Должно быть, все на моление ушли, – разглядывая избу, сказал Селезень. – Скромненько попик проживает. Ох, как скромненько! – вздохнул он. Никита улегся на скамью. Приятная усталость сковала члены, ароматом дышали травы; за тусклым оконцем, как красный уголек, погасала вечерняя заря. Демидовым незаметно овладел сон. Селезень распахнул настежь дверь и уселся на порог. Как сыч, неподвижно, неслышно оберегал хозяина...

Заводчик проснулся, когда в избе загудел голос священника. Не выдавая своего пробуждения, он полуоткрыл глаза и незаметно наблюдал за ним. Иерей был высок, жилист, молод лицом и статен. В длинной холщовой рясе, которая болталась на нем, как на колу, он походил на жилистого костистого бурсака. Русые волосы косицами падали ему на плечи, не шли к его остроносому подвижному лицу. Поп расхаживал по горнице и разминал длинные ручищи.

«Силен человек!» – подумал Демидов и открыл глаза. Молодой священник смутился:

– Умаялись, поди, с дороги. Не обессудьте, сударь, подать к столу нечего. По-вдовьи живу.

Сам по дворам хозяйским мытарюсь: ныне день у одного, завтра у другого...

Никита без обиняков спросил у попа:

– Беглый ведь? Что за сельцо, чьи земли?

У священника потемнели глаза, он опустил руки.

– Ставленный, а не беглый я, – тихо отозвался он. – Народом рукоположен. Земли у башкир арендованы.

Несмотря на рослость и могучесть, священник держался тихо. Демидов живо определил, чем можно тут брать. Он по-хозяйски поднял голову и сказал решительно:

– Было так, а ныне земли мои! И леса эти, и озера, и достатки с людишками – все откупил я. Слыхал?

Селезень недоуменно поглядел на хозяина: «Для чего эта ложь?»

Никита, не смущаясь, продолжал:

– Ты, беглый поп, не ерепешься. Почему так худо живешь? Ряса холщовая, лицо простое, среди дворов, как побируха, шатаешься. Негоже так! Служи мне – жизни возрадуешься! – Демидов порылся в кошеле и выложил на стол золотой. – Бери задаток и служи верно!

Священник вскипел от обиды.

– Прочь, проклятое! – решительным движением смахнул он золотой на землю. – Не купишь меня, хоть и беден я!

– Как звать? – настойчиво спросил заводчик.

– Савва, – отозвался священник и взволнованно заходил по избе. – А ты, купец, оставь нас.

– Ты очумел, попик, куда гонишь нас на ночь глядя! – нахмурился Демидов и переглянулся с приказчиком. – Да знаешь ли, кто я? – уставился он в священника.

– Не дано мне знать всех проезжих, – раздраженно отозвался он.

Заводчик встал и вплотную подошел к священнику. Положив на плечи ему руки, он резко сказал:

– Ты, поп, покорись! Против меня ни тебе, ни сельцу не устоять. Будет на озере завод!

– Так ты Демидов! – изумленно воскликнул поп. – Неужто тебе наши крохи понадобятся?

– Ага, признал, кто я такой! – радостно вырвалось у Никиты. – Суди теперь сам, что тут будет!

Священник охнул, тяжело опустился на скамью. Склонив на грудь голову, он глухо, с великой горечью посетовал:

– Трудно будет нам теперь... Горько! Сам Демид пожаловал...

2

На землю легла лютая зима. К этой поре Демидов объехал башкирских тарханов и глухие улусы. Места лежали богатые, а народ пребывал в бедности: не виднелось на пастбищах конских табунов и овечьих отар. Жаловались башкиры:

– Зимой гололедь одолела, все табуны пали от бескормицы!

Никита весело хмыкал:

– То верно, собак по улусам больше, чем коней. По кобыленке на три башкирские семьи.

Заводчик обещал башкирам:

– Отдайте земли, кои у озер полегли, каждому старику будет ежегодно отпущено по красному кафтану, а молодцу по доброму коню. А в праздник вам, слышь-ко, будет выдано каждому мяса не впроорот. Ешь – не хочу! А ныне какие вы тут жители? Мясо-то у вас в коей поре бывает...

Приказчик Селезень неотлучно находился при хозяине. Он поддакивал Демидову.

– Что за жизнь: тут все рыба да рыба, – у нас будет и говядина!..

Два дня Демидов улачивал тархана: угощением и посулами уломал его. Купчую крепость с башкирами заводчик учинил по всей законности российской и обычаям кочевников. Времецко Никите Акинфиевичу выпало для этого удачное.

Башкиров согнали в понизь. Из-за гор рвался злой ветер. Выл буран, и башкиры зябли на стуже. Одежда на кочевниках надета – одна рвань, ветром насквозь пронизывало. Стоят башкиры и зубами стучат: скорее бы со схода уйти!

Демидов знал, чем допечь кочевников.

– Студено, баешь? – ухмылялся он, похлопывая меховыми рукавицами. – Душа вымерзнет так, а ты живей клади тамгу!⁴ да в кош бреди, пока жив.

В теплой собольей шубе, в оленьих унтах, заводчик неуклюже топтался среди народа и поторапливал:

– Живей, живей, чумазые! Ух, какой холод!

Башкиры клали тамгу и отходили...

⁴ Тамга – рукоприкладный знак и тавро татар, башкир, а местами и русских.

Отмахнул Демидов за один присест большой кус: по купчей крепости не сведущие в делах башкиры уступили ему огромные пространства в шестьсот тысяч десятин за двести пятьдесят рублей ассигнациями. Отошли к цепкому заводчику богатые леса, многочисленные горные озера, изобильные рыбой и водоплавающей птицей.

– Вот и свершилось, как я желал! – не удержался и похвастал Никита приказчику, когда разбрелись башкиры.

– То еще не все, хозяин! – усомнился в простоте сделки Селезень. – Купчую эту надо в палате заверить, а как вдруг да жалоба!

– Ну ты, оборотень, не каркай! – рассердился Демидов. – Завидуешь, верно, моей силе да проворству.

– Завидую! – чистосердечно признался приказчик.

И в самом деле одумались башкиры. Кто подучил их, никто не знал об этом. Видели в одном улусе попа, отца Савву. Дознался о том Демидов и сам наехал к нему.

– Пошто башкирцев смущаешь, беглый поп? Гляди, худо будет! – пригрозил заводчик.

Священник кротко поглядел на разгневанного Никиту Акинфиевича.

– По-вашему, уговорить басурмана принять Христову веру – возмущение? – не злобясь, спросил священник.

– Не юли предо мною! – разошелся Демидов, весь наливаясь кровью. – Сквозь землю вижу, что мыслишь ты!

– А коли видишь, действуй! – смело сказал Савва.

– Ты вот мне еще слово брякни, не почту твой сан, плетью отхрюстаю! – распалился гневом заводчик.

– Попробуй! – угрюмо отозвался поп, и глаза его забегали по избе.

Сметил Никита припасенные дрова у печки, а подле них топор. Злые поповские глаза, как палящий огонек, пробежали по нему. Заводчик мгновенно отрезвел и отступил от Саввы.

«Колючий поп!» – похвалил он про себя священника. – Такого батю не худо и к себе примануть!»

В Кыштыме-сельце буянила выюжистая зима. Избенки заметало сугробами, дороги и тропки пропали до вешних дней. Жил Никита Акинфиевич в Тагиле, в больших белокаменных хоромах, окруженный довольством, а думал о горной пустыне среди озер: «Задымят, непременно задымят здесь мои заводишки!»

Хоть Тагильский завод безраздельно отошел к Никите, но ему хотелось, по примеру отца, свои отстроить. «Тагильский ставлен дедом. Эка невидаль, проживать на готовом! Я ж не братец Прокофий!» – непримиримо рассуждал он о невянском владельце.

В один из пригожих зимних дней он зазвал Селезню и настрого приказал ему:

– Возьми тыщу рублей, садись на бегунка и мчи в Екатеринбург, в Горную палату! Дознался я – будет закрепление купчей, да спешат туда бездорожьем башкирцы сорвать мое дело.

Приказчик стоял переминаясь. Демидов посулил:

– Ныне кладу тебе великое испытание: домчишь прежде их, заверишь купчую, – будешь главным на Кыштымском заводе.

– Будет так, как приказал, хозяин! Сейчас скакать?

– Сию минуту! – властно сказал заводчик, открыл железную укладку, добыл кожаный кошель и бросил приказчику: – На, бери, да торопись!

Демидовский слуга вихрем выбежал из хором, ворвался в конюшню и оседлал лохматого башкирского коня.

– Пошли-понесли! – весело закричал Селезень и огрел плетью скакуна.

За околицей бесилась метель, меркнул зимний день. Над заснеженным ельником показался тусклый серпик месяца. Бывалому конокраду метель не метель, ночь не страшна! Одна думка овладела им и погоняла: опередить башкирцев...

И леса позади, и волчий вой стих, а метель, как укрощенный пес, легла покорно у ног и лижет пятки. Домчался с доверенностью хозяина Селезень в Екатеринбург, в Горную палату.

– Верши наше дело, батюшка! – поклонился он горному начальнику.

– Что так не терпится твоему владыке? – лукаво улыбнулся чиновник и, встретясь глазами с пристальным взглядом приказчика, понял – будет нажива.

Сдерживая волнение, Селезень тихо подсунул под бумаги кошель и учтиво поведал:

– Их благородие Никита Акинфиевич отбывают в Санкт-Петербург, а мне наказано по зимнему пути лес рубить да камень для стройки припасти.

– Уважительно, – кивнул чиновник и склонился над бумагами.

Селезень вышел в переднюю и сунул в руку служивого солдата гривну.

– Стань тут у двери, коли башкирцы припрут – не пушай! – попросил он.

Меж тем перо чиновника бегло порхало по бумаге. Купчая уже дописывалась, когда до чутких ушей приказчика долетело тихое покашливание, робкое пререкание.

«Доперли, чумазые! Солдата уламывают», – с тревогой подумал Селезень и устремился к горному начальнику:

– Ваша милость, торопись, хошь с огрехами, зачернить бумагу да печать приставь!

Он весь дрожал от нетерпения, юлил у стола, вертел головой, стремясь хоть этим подзадорить и без того быструю руку чиновника. Между тем шум в передней усилился. Башкиры, выйдя из терпения, оттащили сторожа и приотворили дверь. Бойкий ходок просунул в нее руку с бумагой, закричал:

– Бачка! Бачка, мы тут...

– Ох, идол! – расвирепел солдат, собрал свои силы и всем телом налег на дверь, крепко прижав руку с жалобой. – Ну куда ты прешь, ордынская твоя рожа? Ну чего тебе требуется тут? Уйди!

В эту минуту чиновник размахнулся и сделал жирный росчерк. Без передышки он взял печать и приставил к написанной бумаге.

– Ну, сударь, – торжественно провозгласил он, – можно поздравить Никиту Акинфиевича Демидова – купчая завершена!

– Ух! – шумно выдохнул Селезень и присел на стульчик. – Сразу камень с души свалился. Спасли вы меня, ваша милость.

Тут с великим шумом башкиры, наконец, прорвались в присутствие. Они пали перед чиновником на колени и возопили:

– Обманули нас, бачка, обманули!

Башкирский старшина протянул жалобу:

– Просим не писать за Демидовым земля.

Чиновник оправил парик, сложил на животике пухлые руки и, прихорашиваясь, вкрадчивым, сладким голосом сказал:

– Опоздали, голубчики вы мои, опоздали! Сожалею, но сделка узаконена. И что это вы на колени пали, не икона и не идол я. Вставайте, почтенные...

Башкиры онемели. Нехотя они поднялись с пола, переминались, не знали, что делать. Старшина их подошел к столу; вдруг он резким движением провел ладонью по своему горлу.

– Что наделал, начальник? – закричал он. – Зарезал нас так! Где закон, начальник?

Чиновник улыбнулся и с невозмутимым видом ответил:

– Закон где? Закон на ясной пуговице в сенате!

Давясь смехом, приказчик прыснул в горсть, но, встретив укоряющий взгляд горного чиновника, сейчас же смолк...

Демидов остался весьма доволен Селезнем.

– Быть тебе главным в Кыштыме! – Глаза хозяина внимательно обшарили своего доверенного. – Все отдал? – спросил он.

– Все, – не моргнув глазом, ответил Селезень.

– Зря! Добрый работяга и стащит и хозяина не обидит! – засмеялся Никита. – А сейчас на радостях в баньку...

Банька на этот раз налажена была необычно. Приказал Демидов полы вымыть шампанским, а пару подавать коньяком.

– Какой разор! – ахнул тагильский управитель Яшка Широков. – Дед ваш покойный, кто ноги мылом натирал, ругал того: «Разорители!» А вы изволите заморское вино хлестать на каменку.

– Молчать! – загремел Никита. – Дед был прижимало, а я дворянин. Ступай и делай, что велят.

Никита наслаждался банным теплом. Нежился на полках под мягким веником, вздыхал и шептал блаженно:

– Дух-то какой, больно хорош!..

Селезень услужливо вертелся подле хозяина, намыливал его да парил. Одевая Никиту в предбаннике, приказчик вдруг захохотал.

– Ну что, как черт в бучиле, захохотал? – удивленно уставился в него хозяин.

– Да как же! Ловко-то мы башкирцев обтяпали! – с довольным видом ощерился холоп. – А не грех это?

– Ну, вот еще что надумал! – отозвался Никита. – На том свет стоит: обманом да неправдой купец царствует! – цинично закончил он и, взяв жбан холодного квасу, стал жадно пить.

Глава шестая

1

Первые русские поселенцы появились в Зауралье в семнадцатом веке. Перевалив Каменный Пояс, через нехоженные дремучие леса, предприимчивые сметливые искатели выбрались на широкую сибирскую долину, где среди дубрав, на берегах рек понастроили острожки, селения и монастырские обители. Так возник Далматовский монастырь, возведенный усердием охочих людей над красивой излучиной на левом берегу Исети.

Четко выделяясь на голубом фоне неба, и поныне грозно высятся на высоком юру величавые зубчатые стены каменного кремля, закопченные дымом башни и бастионы.

По глухим горным тропам, по еле приметным лесным дорогам шла сюда бродячая Русь: завсегдатаи монастырей, скитальцы-странники, бездомная голытьба – гулящие люди, беглые холопы. Окрест монастыря по долинам рек появились слободки и деревеньки. Край простирался тут привольный, плодородный, но жилось по соседству с Ордой беспокойно и хлопотливо. Избенки были отстроены из осинника, корявой ели, наскоро покрыты соломой, а то и дерном. Маленькие слепенькие окошечки затянуты пузырем, кой-где слюдой. Люди тут жили тесно, скученно, но сытно и вольно. В скором времени у слободки над Исетью отстроили острожек Шадринск, для обережения его от бродячих орд обнесли деревянным тыном, рогатками и окопали глубоким рвом. За Шадринском возник Маслянский острожек. Вокруг новых городков опять выросли села и деревни, населенные свободными землепашцами. Жили тут мужики, не зная кабалы, отбиваясь от набегов Орды и рачительно распахивая тучные земли.

Задумав строить Кыштымский завод, Никита Акинфиевич Демидов и обратил свои взоры на этот нетронутый край. В зиму 1756 года тагильский заводчик съездил в Санкт-Петербург, добился свидания с царицей и своими прожеками увлек ее. В 1757 году, по указу правительствующего сената, приписано было к новым демидовским заводам еще 7000 душ государственных крестьян, никогда не знавших барского ярма и живших по отдаленным селам Зауралья. В числе других сибирских сел к Кыштымскому заводу приписали и Маслянский острожек с прилегающими к нему селами и деревнями. По сенатскому указу предполагалось, что приписные должны были отработать лишь подушную подать – рубль семь гривен в год. Еще петровским указом была определена подённая плата приписным мужикам за их работу: пешему рабочему за долгий летний день – полгривны, конному – гривенник.

В день Еремея-запрягальника, в страдную пору, когда ленивая соха и та в поле, в Маслянский острог приехали приказный и демидовский приказчик с нарядчиками. В прилегающие села и деревеньки полетели гонцы с повесткой прибыть всем мужикам и выслушать сенатский указ.

После обедни староста согнал крестьян к мирской избе, и приказный объявил им:

– Ну, радуйтесь, ребяташки, больше подать царице платить не будете! За вас Демидов заплатит. А вы должны, братцы, свои подати на демидовском заводе отработать. К заводу, во облегчение вам, и приписываетесь вы, ребяташки!

Не успел приказный рта закрыть, заголосили бабы, недовольные крестьяне закричали:

– Это еще чего захотели: мы землепашцы, привыкли около земли ходить! Нам заводская работа несподручна. Не пойдем на завод!..

Рядом с приказным стоял демидовский приказчик Селезень. Этот крепко скроенный мужик, одетый в суконный кафтан, в добрых козловых сапогах, по-хозяйски рассматривал крестьян. «Ничего – народ сильный, могутный, – прищуренными глазами оценивал он приписываемых. – Свежую силу обрел наш Никита Акинфиевич!»

Приказчик нагло шарил взором: нравилось ему, что мужики обряжены были по-сибирски – в крепкие яловые сапоги, в кафтаны, скроенные из домашнего сукна. «Это не расейские бегуны в лапоточках да в холщовых портках».

Заслышав гул недовольства в толпе и бабий плач, Селезень нахмурился:

– Ну, чего взвыли, будто на каторгу собрались! Эка невидаль, отработать рубль семь гривен!

– Подати мы и без того исправно казне правим, а в холопы не пойдем! Как же так, братцы? В ярмо нас хотят запрячь.

– Не быть тому! Не пойдем на завод, пахота ждет! – закричали в народе.

Селезень вытянул шею и пристально разглядывал толпу. Среди волнующегося народа он заметил коренастого парня с веселыми глазами. Ткнув в него пальцем, приказчик крикнул:

– Эй, малый, поди сюда! Больно ты шебаршишь!

Парень не струсил, не опустил глаз под угрозой. Он протолкался в круг, сдержанно поклонился.

– Ты что ж, милый, народ мутишь? Как звать? – вкрадчиво спросил Селезень.

Улыбка сошла с лица парня, он степенно отозвался:

– Зовут меня Иваном, а по роду Грязнов. А то, что селяне кричат, – справедливо. Суди сам, коренные пахари мы, к заводской работе несвычны.

– Верно байт парень! – загудели в толпе.

– Цыц! – топнул ногой приказчик, и глаза его гневно вспыхнули. – Сам знаю о том, но завод надо ставить, а кто против этого, тот против царицы-матушки.

– Да нешто мы против государыни идем? – высунулся из народа сутулый старик. Опершись на костыль, он сумрачно разглядывал демидовского приказчика. – Да ты не горячись! Мы на своей земле стоим. За нами мир, а ты сам кто? Что коришь нас и обзываешь возмутителями? От века свой хлеб едим. – Жилистые руки задрожали, он огладил седую бороду. – И ты, приказный, много воли ему даешь! – обратился он к чиновнику.

– Мое дело маленькое: прочел вам указ свыше, да и в сторону! – увильнул приказный. – Не послушаетесь, что прописано, солдат нашлют! Глядишь, дороже обойдется! – По его губам прошла ядовитая ухмылочка.

Демидовский приказчик снова обрел осанку, уверенность.

– Завтра на заре собирайтесь в путь да хлеба поболее берите, чать, свои харчи будут. Вот и весь мой сказ... А тебя, голубь, примечу, – повел он глазами в сторону Ивана. – На словах остер, посмотрим, как в деле будешь!

– Теперь, братцы, по домам торопитесь, сборы чтоб короткие! – предложил приказный, вместе с Селезнем прошел среди раздавшегося народа и скрылся в мирской избе.

Грязнов скинул гречушник, встряхнул головой.

– Ну и пес! Ну и варнак! – бросил он вслед приказчику.

Кручинясь о внезапном горе, крестьяне стайками выбирались из острожка и расходились по дорогам. Над обогретыми вешними полями звенели жаворонки, над мочажинами дымком вились комариные толкунчики: земля ждала пахаря.

А пахарь так и не пришел.

В страдную пору демидовские нарядчики оторвали крестьян от пахоты и обозом погнали за многие версты к приписному заводу. С тяжелым сердцем шли мужики сибирским простором, шли через привольные сочные луга и плодородные земли. Ссыхалась пашня под вешним солнцем, ждала хозяина, а хозяин, проклиная долю, тащился на чужую работу.

Голодные, истомленные, приписные крестьяне после долгого пути наконец добрались до завода.

Тут и началась демидовская каторга...

2

Широко размахнулся Никита Акинфиевич на новой земле. Среди гор он одновременно строил два завода: Кыштымский и Каслинский. Огромный богатый край подмял под себя Демидов, закрепил его за собой межеванием, а на лесных перепутьях и дорогах выставил заставы. Башкиры навечно лишились не только земель, но и права лесовать в родных борах, щипать хмель и опускать невод в озера, по берегам которых испокон веков кочевали их отцы. Как только отшумели талые воды и подсохли дороги, прибыли они к Демидову за обещанным. Почтенные старики мечтали о красных кафтанах, а оголодавшие за зиму ждали угощения. Никита Акинфиевич сам встретил кочевников и провел их в обширные кладовые. Там на стенах висели красные халаты, любой из них просился на плечи. Башкиры обрадовались, кинулись к одежде, стали примерять, прикидывать, который покрасивее.

– Добры, добры, бачка, кафтаны! – хвалили их старики и прищелкивали языками.

– Отменные халаты! – Никита, взяв из рук кочевника одежду, тряхнул ею перед глазами. Как пламень, вспыхнул, заиграл красный цвет. Башкиры от восхищения прижмурили глаза. А Демидов продолжал нахваливать: – Гляди, как жар горят! И в цене сходны: по шесть рублей халат.

Старик-башкирин протянул руку за подарком.

– Э, нет! – не согласился Демидов и повесил халат на стенку. – Эта одежда только за наличные.

Ахнуть башкиры не успели, как кафтаны уплыли из рук: демидовские приказчики быстро поотнимали их и попрятали в сундуки.

– Ну как, по душе, что ли, товар? По рукам, хозяин? – ухмыльнулся Никита.

Башкиры подняли крик:

– Посулено нам отпустить по красному кафтану, так надо слово держать!

– Верно, от своих слов не отрекаюсь, – подтвердил Демидов. – Но того я не сулил, что кафтаны задарма. Где это видано, чтоб свое добро зря кидать? Хочешь, бери, мил-дружок, но рублишки на прилавок клади. Небось за свою землю отхватили с меня двести пятьдесят ассигнациями. Шутка!

Башкирский старец, приблизясь к заводчику, поднял к небу глаза:

– Там – Аллах! Побойся, бачка, Бога, покарает за обиду!

Никита положил руку на плечо старика:

– Дряхл ты, батюшка, а то я сказал бы словечко... Что Аллах? Господь Бог не построит завода. В таком деле нужны людишки да рублишки. Берешь, что ли, кафтаны?

Приказчик Селезень лукаво усмехался в бороду: своей купецкой хваткой Никита Акинфиевич отменно потешал холопов. Башкиры выли от обиды, плевались, а приказчики скалили зубы.

Понутив головы, кочевники выбрались из кладовой и побрели по берегу озера. Все родное здесь стало теперь чужим, неприветливым. На башкирской земле прочно вырос завод. В горах взрывали скалы и камень, везли к озеру, где работные мужики возводили прочные стены. В окрестных кыштымских лесах звенели пилы, гремели топоры. В скалах ломали породу, громко о камень била кирка: грохот и шум стояли над землей и лесами.

Перелетная птица – косяки гусей и уток – пролетали мимо, не садясь на озеро.

– Шайтан пришел сюда! – сплюнул старик и махнул своей рукой: – Айда в горы!

Никита засмеялся вслед башкирам.

– Не уйдут, и в горах не укроются, разыщу да в шахту спущу работать! Дай срок окрепнуть, доберусь и до вас...

Кругом кипела работа: ставились первые домны. Кладили из дикого камня, скрепляя белой огнеупорной глиной, облицовывали внутри горным камнем, который привозился издалека, от Точильной горы. Тяжелый труд достался демидовским работникам, согнанным на стройку со всей Руси. Демидовские нарядчики заманили многих из тульских оружейных заводов, где имелись умелые мастера железного литья. Сманивали они умельцев из Москвы богатыми посулами. Из разоренных раскольничьих скитов с реки Керженца, из ветлужских лесов бежали сюда старообрядцы в поисках матери-пустыни. Оседали они в Уральских горах по древним скитам, а отсюда попадали к Демидову и работали горщиками.

Оглядывая просторы, Никита восхищался:

– Эх ты, край мой, край привольный! Одна беда: мало человеку отпущено топтать по земле, коротка жизнь. Торопиться надо, людишек сюда побольше...

В этот час раздумья поднялся хозяин на курган и, всматриваясь в даль, заметил на окоме густые клубы пыли.

– Никак наши приписные из Маслянского острожка идут! – обрадованно вскричал Селезень.

– Слава тебе, господи! – перекрестился Никита. – Дождались, наконец, прибытка в силе. Ну, теперь тряхнем леса и горы!..

3

Длинный обоз, сопровождаемый потными, грязными мужиками, втягивался на заводскую площадку и становился табором. Сибирским крестьянам все тут было в диковинку. Завод был полон дыма и огня. Над домной то и дело вздымались длинные языки пламени. К вершине ее вел крутой земляной накат, крытый бревнами. По накату исхудалый конь, выкатив глаза от натуги, тянул вверх груженную углем телегу. Длинный, отощавший возница, одетый в рваные порты и рубаху, стегал коня ременным бичом, несчастное животное выбивалось из сил.

На вершине домны возок с углем уже поджидали рабочие-засыпки, обутые в лапти с деревянной подошвой. Они торопливо пересыпали подвезенный уголь в тачки и везли его к железной заслонке, закрывавшей жерло домны. От пересыпки угля поднималось черное облако пыли. Потные чумазые работные, как черти, суеились наверху. Вдруг доменный мастер крикнул им что-то, и тогда широкоплечий мужик длинной кочергой сдвинул заслонку. Из жерла домны взметнулись языки пламени, и все, как в преисподней, окуталось зеленым едким дымом.

– Охти, как страшенно! – покосился на домну Ивашка.

– Засыпай калошу! Айда, жарь! – заревел наверху мастер, и на его окрик к огнедышащему пеклу ринулись чумазые с тачками и опрокинули уголь.

– Видал? – окликнул Ивашку заводской мужичонка. – Вот оно, чудо-юдо! Утроба ненасытная, чтоб ее прорвало!

– Преисподняя тут! Эстоль грому и жару!

– Это что! – словоохотливо отозвался мужичонка. – Эта утроба по два десятка телег угля да по десятку руды за раз жрет. Погоди, сибирский, тут горя хватите!.. Ой, никак главный жемон прет! – Заводской ссутулился и юркнул в людскую толчею.

По стану среди приписных проталкивался Селезень.

– А ну, подходи, поглядим, что за людишки! – Он неторопливо снял шапку, вынул лист. – Петр Фляжкин!

Стоявший с Ивашкой козлинобородый мужичонка вздрогнул, выбрался вперед, глаза его беспокойно заморгали.

– Я есть Петр Фляжкин, – тихим голосом отозвался он.

Приказчик окинул его недовольным взглядом, поморщился.

– Был Петр, ныне ты просто Фляжка! – громко отрезал Селезень. – Пойдешь в углежоги!.. Как тебя кличут? – спросил он следующего.

Мужик поднял голову, ответил степенно:

– Яков Плотников.

– Пригож! – оглядел его плечи Селезень. – К домне ставлю! Будешь к огненной работе приучаться... А ты? – перевел он взор на третьего.

– Алексей Колотилов, – спешно отозвался дородный бородач.

– Хорош! На курени жигарем шлю! – расторопно бросил приказчик, и вдруг глаза его заискрились: – А, кого вижу? – слащавым голосом окликнул он Ивашку: – Выходи сюда, милоч!

Широкий, плотный парень плечом проложил дорогу к Селезню. Большие серые глаза его уставились на приказчика. Тронутое золотым пушком лицо парня сияло добродушием.

– Я тут! – бесстрашно отозвался крепыш.

– Вижу! – одернул его Селезень; насупился: – Иван Грязной, тебе в куренях кабанщиком быть! Смотри у меня, язык на цепи держи: с вами сказ короткий!.. Следующий!

До полудня приказчик сбивал рабочие артели жигарей, определял им уроки. В таборе дымили костры, кипело в котлах хлебово, которое варили сибирские мужики. Урчали отошавшие в дороге животы. Но утолить голод не пришлось. В полдень приказчик привел двух стригалей и оповестил народ:

– Подходи, стричь будут!

– Да это что за напасть? – загудели в таборе.

– Тут тебе не деревнюха, не своеволие, делай, что сказывают! – по-хозяйски прикрикнул Селезень; поскрипывая новыми сапогами, он пошел по табору. – Я тут старшой! – кричал приказчик. – Перед Демидовым я в ответе! Стриги, ребята, вполголовы, бегать не будут!

Стригали большими овечьими ножницами стригли крестьянские головы, оставляя правую половину нетронутой.

– Так, подходяще! – одобрил стригалей приказчик. – Вот эта сторона, ошуюю, – бесовская, ее стриги по-каторжному! Эта, одесную, – божья, ее не тронь! Ну как, варнаки, ловко обчекрыжили? Теперь не сбежишь в Сибирь!

– Мы не каторжные, мы вольные землепашцы, – мрачно отозвался мужик, намеченный к работе у домны.

– И не то и не другое вы! – охотно согласился приказчик. – Ныне вы демидовские, приписные. Запомни это, Яшка Плотник!

Мужик не отозвался. Сверкнув белками глаз, он угрюмо зашагал вслед за другими...

На горке высились новые хозяйские хоромы. Никита Акинфиевич стоял у распахнутого окна и хмурился. Выждав, когда разойдутся приписные, он окрикнул приказчика.

– Ты что наробил, супостат? – строго спросил его Демидов. – Зачем каторжный подстриг учинил над людишками? Тут не каторга!

– Ха! – ухмыльнулся в бороду Селезень. – Каторга не каторга, а так вернее, хозяин. Пусть чувствуют силу варнаки!

Заводчик обвел взором леса и горы, вздохнул:

– Хлопот сколько припело! Завтра гони всех на работу да отряди к ним добрых нарядчиков, мастерков, доглядчиков, чтобы работали спешно, радели о хозяйском деле.

Приказчик снял колпак, низко поклонился Демидову:

– Все будет исполнено!

4

Всю зиму лесорубы валили лес, пилили саженные бревна и складывали в поленницы. Летом, когда дерево подсохло, началось жжение угля. Жигари плотно складывали бревна в

кучи, оставляя в середине трубу. «Кабан» покрывался тонким слоем дерна, засыпался землей и зажигался с трубы. Для куренных мастеров начиналась горячая пора: надо было доглядеть, чтобы нигде наружу не прорывался огонь, иначе беда – уголь сгорит. При летнем зное рабочему человеку приходилось все время находиться при «кабане». Тление древесины продолжалось много дней. Судя по дыму, кабанщик знал, когда гасить поленницу и разгружать уголь. Выжженный уголь подолгу лежал в курнях. С открытием санного пути его грузили в большие черные короба и отвозили на завод.

Тяжелая, изнуряющая работа была в курнях. Грязнов с однодеревенцами попал на эту лесную каторгу. Приказчик Селезень привел рабочую артель на делянку и пригрозил:

– Старайся, хлопотуны, угодить хозяину! Работу буду принимать по всей строгости. Худо сработашь, потом наплачешься! А это вам куренной мастер: слушать его и угождать.

Рядом с приказчиком стоял горбатенький человечик с длинными жилистыми руками. Злые глаза его буравили приписных. Губы его были влажны, мастерко поминутно облизывал их.

«Словно удушенник, зенки вылупил», – подумал Иван и сплюнул от брезгливости.

Горбун сердито посмотрел в сторону парня.

В лесу темной хмарой гудели комары: надоедливый гнус терзал тело. Неподалеку простиралось болото, от него тянуло прелью, грибным духом.

Приписные в тот же день обладили шалаши и принялись за работу. Куренной мастерко неслышной походкой пробирался среди рабочих и ко всему настороженно прислушивался.

– Кормов-то много вывезли из Сибири? – допытывался он и, когда мужики уходили в лес, шарил по котомкам. В полдень он примазывался к работягам и вместе с ними брел к артельному котлу. Расталкивая их, он первым принимался за трапезу. Ел мастерко неопрятно, торопливо.

Мужики соорудили ему шалаш на берегу болота, за большим мшистым пнем. Ночью над болотом стлался гиблый туман, по утрам от ветра он напелз на вырубки. И вместе с ним на ранней заре из шалаша выползал мастерко и взбирался на зеленый пенёк. Тогда по лесу раздавался его урчащий крик:

– Варрники, вставай!.. На работу порраа!..

В эту минуту горбун с зеленым истощенным лицом походил на страшное лесное чудовище, которое, сидя на пне, пучило глаза, раздувалось и урчало на все болото.

Грязнов плевался:

– Заурчал леший в бучиле! Жаба!..

– И впрямь жаба! – соглашались мужики.

После побудки мастерко падал на колени, истово крестился и клал поклоны на восток.

– Гляди, Богу молится, нечистик! – удивлялись углежоги.

– Ошибились, братцы! Разве не видишь, водяному кланяется! Беса тешит варнак!

Крестясь на восток, куренной, повернув голову, одновременно кричал через плечо рабочим:

– Прроворней, каторжные!..

На каждый день мастерко Жаба задавал тяжелый урок. Сибиряки покорно трудились: от изнуряющей работы на рубках выступал соленый пот, грязные холсты стояли коробом, однако, несмотря на усердие, рабочие не выполняли уроков. На душе было хмуро. Кругом беспросветная тайга, лесная земля дышала тленом, древесные раскоряки изодрали одежду, исцарапали тело. Мужики надрывались в непосильной работе, а Жаба еще грозил плетью.

К Ильину дню на лесных порубках были выложены «кабаны», и приписные во главе с кабанщиком Ивашкой разожгли их. Работа стала еще хуже. От едкого дыма, копоти и смрада, которые беспрестанно вздымались от тлеющих под дерном дров, у жигарей разболелись глаза, тяжелым и неровным стало дыхание, у многих в груди появилась боль, сильное сердцебиение.

– Чертушки! Духи из преисподней! – горько шутил Ивашка, но от этих шуток и самому становилось тяжело на сердце.

Никогда парень до того не работал жигарем, и все казалось трудным и незнакомым. «Кабаны» часто задыхались, гасли. Днем и ночью Грязнов не сводил глаз с горевшей кучи. По соседству с ним возился Петр Фляжкин – тщедушный мужичонка. Выбиваясь из последних сил, он приготовил «кабан» и запалил его. Огонь то потрескивал в темной куче, выпуская из щели синий дымок, то угасал. И тогда мужичонка взбирался на верх кучи и раскапывал пошире трубу. Дерн под ним разъезжался, Фляжку охватывало дымом. Глаза бедняги слезились, он задыхался.

– Негоже так, Петр, того и гляди в огонь угодишь! – предупредил его Иван.

– А что робить, коли тление гаснет?

Не спавший много ночей углежог сидел, раскачиваясь, не сводя сонных глаз с дымка над «кабаном».

Умаянные мужики улеглись спать, и тут среди ночи произошла беда. В полночь дремавший Фляжкин вдруг открыл глаза и заметил – гаснет «кабан», не дымит сизый дымок.

«Ну, пропал, – ужаснулся он. – Запорет Жаба! Господи, что же делать?» – в страхе подумал углежог и кинулся к куче. Он проворно взобрался на вершину, руками разгреб дерн и стал выбрасывать поленья, уширяя трубу. Взыграло пламя, разом охватило жигаря, он оступился и со страшным криком упал в огонь.

– Братцы, мужик сгиб! – заорал Ивашка и бросился на помощь. Но жадное пламя уже охватило корчившееся тело...

Набежали мужики, раскидали дымящиеся бревна, извлекли бездыханного Петра Фляжку. По лесу потянуло гарью. Налетел ветер, вздул тлеющие поленья и ярким светом озарил вырубку. Угрюмые жигари стояли над останками односельца.

– Эх, ты, горе-то какое, ни за что сгиб человек? – потемнел Ивашка, и внутри его все забушевало.

Разъяренный убытками, горбун накинулся на жигарей с бранью.

– Это кто же дозволил разор хозяину чинить? Под плети, варнаки! – заорал Жаба.

– Ты что ж, не видишь, душа христианская отошла? – сердито перебил кабанщик.

Мужики подняли останки, понесли на елань.

– Бросай где попало! Сам Бог наказал нерадивого... – размахивая плетью, кричал горбун.

– Ну и мохнатик, много ль его есть, а злости прорва! Придавить – и в болото! – возмутился Грязнов, и вся кровь бросилась ему в лицо.

– Отыдь, Жаба! – крикнул кабанщик и схватил кол.

Мастерко не трусил, псом кинулся на приписного. Быть бы тут жестокому бою, но жигари разняли их и развели.

– погоди, я еще напому тебе это! – пригрозил куренной.

Днем томила жара, ночью пронизывала сырость, лезли с болота туманы.

Измученные за долгий летний день, жигари с заходом солнца наскоро утоляли голод и валились на отдых. Сон их был тяжел и беспокоен; как морок, он туманил их сознание. В тяжелом полузабытии они ворочались, скрипели зубами, ругались.

В эту ночь Ивашка лежал с открытыми глазами и прислушивался к неумолчному лесному шуму. В просветы леса виднелось звездное небо, манило оно простором, но с болота наплзали седые космы тумана, клубились и закрывали все. Грязнову казалось, будто лезет из трясин леший и тянет за собой лохматые одежды. Над зыбунами пронзительно заухал филин, и над лесом, над топью прокатился его лешачий хохот. По спине приписного пробежал мороз.

– Фу-ты! Пес тебя возьми! – парень испуганно глянул в темь.

Наутро, не выдержав тяготы, стосковавшись по семье, сбежал дородный богатырь Алексей Колотилов. Недалеко ушел горюн, демидовские заставы перехватили беглого. Приказчик

Селезень с заводскими стражниками пригнал Алеху в курень. Тут его раздели донага и прикрутили к лесине. Тучи комаров налетели на живое тело, жалили, наливались кровью.

Стражники намочили в ржавой воде сыромятные ремни и немилосердно отстегали его.

5

Ивашка Грязнов затаил жгучую ненависть к мастерку. По его вине погибал добрый мужик Алексей Колотилов. После отъезда стражников горбун схватил палку и стал добивать истерзанного. Коваными каблуками он изломал ему грудь. Теперь Алеха лежал у костра и сплевывал кровь. Жигари из жалости ходили за ним. Но всем было понятно: не встать больше Алехе на ноги – угасал мужик.

Все нутро горело у Ивашки. Последние дни бродил он как в тумане. Скрипучий голос мастерка бередил его душу. Незримо крадучись, ходил работный следом за своим ненавистным врагом. Подолгу, затаясь, просиживал он в кустах, подстерегая Жабу. Не раз ночью кабанчик подбирался к его землянке, насторожившись, прислушивался к шорохам; из логова горбуна доносился лишь звучный храп.

«Спит, кровосос! Нешто войти и разом порешить мучителя?» – думал он и весь дрожал от темной мысли.

С болота обдавало гнилой сыростью, туман неслышно тянул сырые мокрые лапы. Кabanчику становилось страшно.

Истомленный душевной борьбой, он медленно отступал от землянки куренного. Глухой полночью на лесосеке кричал зверь, ухал филин на болоте, а Грязнов не спал, лежал, разметавшись на земле, широко раскрыв глаза.

«Так пошто я хожу следом, ежели не поднимается рука на гада?» – спрашивал он себя.

Между тем урочное время подошло к исходу. Отощавшие, измотанные непосильной работой, сибирские приписные пережгли все заготовленные поленицы. Однако долгожданная радость не пришла в курень. Жигарей донельзя истомил голод, вся припасенная домашнина давно иссякла, мужикам приходилось подмешивать к мучице толченую кору, добавлять мягкую глину и этим подпеченным месивом набивать чрево. Не брезгали жигари и палыми конями. От тягот и голода в лесном курене возникли хворости, больные маялись животами. А впереди предстоял дальний путь. «Кто знает, придется ли дотянуть ноги до родного погоста?» – с тревогой думали приписные.

А мастерку Жаба шмыгал по куреню, по-своему озабоченный.

– Погоди, варнаки, радоваться, работенка ведь не сдана! – каркал он. – Может, ни я, ни старшой еще не примем ее. Это как нам поглянется!

Однажды, как всегда, после ужина горбун подошел к кострищу и подсел к старикам. Речи его внезапно изменились: на сей раз он не грозился, а шутками и прибаутками напрашивался на мзду.

– Это верно, что туго вам в лесу доводилось, братцы! – елейным голосом затянул он. – Но то помните, что за битого двух небитых дают. Первая указка, слышь-ко, кулак, а не ласка...

Лето клонилось к ущербу, призадумался лес. Птицы покинули гнездовья, летали стаями – приучались к дальнему пути. Тосковали мужики: «Ушли из дома на Еремея-запрягальника, как там обошлись с пахотой? Знать, осиротевшим лежит поле?» Эти думки, как ножом, половоали сердце. Угрюмые и несловоохотливые, сидели они у огня. Поверху шебаршил гулевой ветер, слетал вниз и упругим крылом бил в костер. От огня сыпались искры, взметались жаркие языки пламени. Под кустом, освещенный огнем, лежал исхудалый Алексей Колотилов, руки его вытянулись, высохли. Задыхаясь от кашля, он тянулся к теплу. Большие страдальческие глаза укоряюще смотрели на Жабу.

– Через тебя гибну! – пожаловался он.

Горбун не отозвался, залебезил перед стариками:

– Эх, горюны вы мои, горюны, о чем призадумались? По дорожке, поди, стосковались, а то забыли, что не подмажешь колеса, не поедешь...

Мастерко прижмурил наглые глаза, усмехнулся.

– А где ее взять, подмазку? – отозвался старик-жигарь, задумчиво глядя в огонь.

– Денежка – молитва, что острая бритва, все грехи сбивает! – гнул свое горбун.

– Уйди! – крикнул Алеха, и на губах его показалась кровавая пена. – Уйди, дьявол, мало тебе наших мук! – Глаза истерзанного лесоруба зло усталились на ненавистного мастерка.

– Ой ли! – не сдался, ехидно ухмыльнулся горбун. – Кто там еще голос подает? Грех в мех, а сам наверх! То разумеи, валет, захочешь добра, посеи серебра...

– Ты вот что! – поднялся из-за костра седобородый степенный жигарь. – Впрямь, уйди от греха подале! У всех уже на сердце великая смута накопилась...

Он не закончил, глаза его злоеще вспыхнули. Чтобы скрыть свое волнение, он отвернулся и пошел прочь. Пораженный страстной ненавистью, горбун отшатнулся.

– Ну и народ! Ироды! – покрутил он головой. – До чего жадные, по алтыну с рыла им жалко. Ишь как!.. – Он юркнул на тропку, укрытую молодыми елями, и засеменял к себе в землянку.

На другой день приехал Селезень с дозорным. На нем была новая поддевка и шапка с малиновым верхом. Налетевший ветерок парусом раздувал его черную бороду. Шел приказчик чуть подавшись вперед животом, за ним топал низкорослый щербатый дозорщик.словно из-под земли перед ним вырос мастерко и засеменял рядом.

– Ну как, покончили жигари с работенкой? – весело спросил его Селезень.

Приблизясь к приказчику, Жаба что-то зашептал ему. Мужики стояли тихие, молчаливые. Селезень окинул их пытливым взглядом.

– Не тани, показывай работу. Кто тут у вас за артельного? – спросил он.

Вперед вышел степенный старик и поклонился приказчику.

– Нет у нас артельного, побили его, батюшка, теперь исходит хворью. Один тут и есть за старшего. Он, батюшка! – приписной показал на мастерка.

– Добро! – обронил Селезень и бодро зашагал вдоль угольных куч.

Кругом простиралась лесная вырубка да мелкие изломанные кусты. У ручья в молодой поросли паслись кони, стояли телеги.

– В дорогу, стало быть, собрались, – усмехнулся приказчик. – А с мастерком разочлись? Кто за вас первый хлопотун тут? Мастерко! – по-хозяйски сказал Селезень. – Кто за вас передо мной в ответе? Мастерко!

Лохматые, оборванные приписные с обнаженными головами тянулись за приказчиком.

– Так, батюшка, мы свое отработали! Вот и уголек выложили, – засуетился старик.

– Уголек выложили! – подделяваясь под тон, сказал приказчик и схватил саженку. – Добро, ой добро, хлопотуны-работнички! Сейчас прикинем, сколь сработали... А это что? Пошто уголь сырой? – взгляделся он в кучи.

– Так мы гасили. Просохнет ноне! – встревожились мужики. – Так и должно быть!

– Сам знаю! – вдруг остервенился приказчик. – Кто вам дозволил? Как на завод ставить эту грязь? – Он ткнул ногой в кучу. – Сказывай, варнаки!

Селезень выхватил из рук мастерка плетень, темной тучей надвинулся на жигарей. За спинами их притаился Грязнов. Кипел он, но сдерживал себя. Плечи парня за лето раздались вширь, лицо окаймляла золотистая бородка. В больших серых глазах погас озорной огонек.

«Покричит, полютует кровосос да угомонится, а там и домой двинем!» – успокаивал себя кабанщик.

Но не тут-то было: Селезень топнул ногой и закричал мастерку:

– Работа не доделана, зря меня встревожили! Кучи не так выложены, притом маломерки. Уголь мокрый, не просушен! Сечь варнаков! Дожить брюхом на пень и сечь! До той поры сечь будем, пока брюхом пня до земли не заглядят! Слыхали, варнаки? – Он свистнул плетью. Однако накинуться на мужиков не посмел, круто повернулся и заторопился к бегункам. Мастерко остался на порубке. Уезжая, приказчик крикнул:

– В поучение пусть корчуют пни! Ныне оборуженных пришлю, порядок тут навести! – Он натянул вожжи и огрел плетью коня. По елани загремели колеса; Селезень умчался в Кыштым.

Встревоженные, растерянные приписные вечером собрались у костра: «Как тут быть? И без корчеванья в могилу ложись и умирай!» Над лесом навалилась тьма, неумно гудел ельник. Опустив головы, хмурые сидели жигари в глубоком раздумье. Костер то вспыхивал, то мерк. Раскаленные угли подергивались синевой.

– Что же делать нам, братцы? – вымолвил, окинув всех взглядом, старик.

Никто не отозвался. Молчал лес, потрескивал огонь. Среди наступившей тишины, оттуда, где всегда лежал Алеха, раздался голос:

– Бежать, братцы, надо!

Жигари оглянулись на говорившего. По желтому истомленному лицу Алехи ползли слезы.

– Богом заклинаю вас, братцы, не покидайте меня тут...

Он поник головой и, замолчав, опустил на лесное ложе.

– Пустое он мелет! Ну куда вам уходить? Аль удумали быть битыми? – раздался вдруг тихий вкрадчивый голос. Из кустов показалась косматая голова мастерка, злые глаза его пристально разглядывали мужиков. – Ну куда вы убежите? – нагло переспросил он. – Кругом дозоры. Я вам сказывал, что будет, а вы не послушали, ась? – Он ящеркой выбрался из кустов и отряхнулся.

– Оборотень! – с презрением крикнул Алеха. – По кустам, кикимора, ползаешь, подслушиваешь!

В эту минуту шумно раздвинулись кусты, из них вышел Ивашка и жилистыми руками сгреб Жабу.

– Ты чего тут, зверюга? – Парень смертной хваткой прижал мастерка к себе.

– Братишки, ратуйте! – заверещал горбун.

– Молчи, поганец! – Сильным махом кабанщик поднял его над головой и кинул в костер: – Гибни, тварь!

С треском взметнулись золотоперые искры. Над лесом взвился дикий вой. К темному небу поднялся яркий пламень; охваченный огнем и гарью, из него выкатился воющий клубок и помчался к болоту.

– Утонет, окаянный! Что ты наделал, парень! – укоряюще посмотрели односельцы на Грязнова.

– Туда ему и дорога! – переводя дыхание, отозвался Ивашка и заторопил народ: – Живо, братцы, собирайтесь в дорогу! Уходить надо!..

6

В непроглядную темень по глухой лесной дороге тронулся мужицкий обоз из демидовского куреня. Торопились приписные уйти от напасти. Еле тащились истомленные кони. Как ни скрытно уходили жигари, однако на реке Кыштымке у брода встретила их демидовская вооруженная ватага. Крестьяне двигались мрачные, решительные, держа наготове топоры и дреколье. Заводские дозорщики легли за рекой и перегородили дорогу. То ли они устрашились грозной мужицкой силы, то ли от Демидова приказ был дан не дразнить первых сибир-

ских приписных, но только они вступили с ними в затяжные переговоры. Сами же той порой послали гонца с вестью в Кыштым.

– Куда побегли, родимые? – закричал из-за реки чубатый казак, старшой дозора. – Вертайтесь лучше, пока всех не перестреляли!

– А у нас топоры и дубье, только суньтесь! – откликнулся Грязнов.

– Демидов сюда драгун пришлет, порубят вас! – грозил казак.

– Лучше смерть, чем демидовская каторга! – огрызнулся Ивашка. – Сторонись, лапотник, дай дорогу!

– Чалдоны! Пимокаты! – надрывался чубатый.

– Чалдоны, да ядрены! – не унывая, кричал кабанщик. – А ты кто? Отец твой онуча, мать тряпица, а ты что за птица?

Над лесом поднялось солнце, засверкали росистые травы. Над рекой растаял легкий туман. Демидовская стража поглядывала в сторону завода, ждала вестей. Приписные раскинулись табором у реки. Исхудалый остроносый Алеха лежал на возу и задумчиво смотрел в синюю даль. Над головой раскинулся безоблачный простор; по земле пробежал теплый ветер, покружил над рекой, взрыбил воду и пронесся дальше...

«Кабы домой, на родную Исеть!» – с тоской подумал Алеха и поглядел на дорогу. Там в клубах пыли скакал всадник.

– Братцы, из Кыштыма мчит! – крикнул Алеха.

Мужики повскакивали на возы. У всех была одна думка:

«Что-то теперь будет?»

Затаив дыхание, они следили за быстрым конником. Вскочили и дозорщики, нетерпеливо поджидая своего.

Спорым, широким махом неся башкирский конь. Проворный всадник с разгона молодецки осадил коня на крутом яру. Скинув с мокрого лба шапку, он закричал мужикам:

– Братцы, жалует вас Никита Акинфиевич дорогой! Просит только в обережение покоя выслать старшого. А как вышлете, тогда идите с богом, мы не помеха!

В крестьянском таборе шумной волной прокатилось оживление. Алеха умиленно поглядел на вестника, глубоко вздохнул:

– Слава те, господи, доберусь до родных мест! – Он обежал табор глазами, обронил: – Кого ж слать к Демидову, как не Ивашку, смел, упрям и умен он!

Всем по душам пришлась эта мысль. Хоть и жалко было парня, но степенные бородатые сибиряки поклонились Грязнову:

– Знаем, что просим тебя на горесть, не верим мы заводчику, но как быть, если беда за горло хватает? Пострадай за мир, парень!

Тяжело было землякам расставаться с проворным и смелым парнем, но тянулось сердце к родному дому, к милому полю, к привычной голубой речонке. Понял Ивашка, что творится у приписных на душе, вздохнул и поклонился, миру:

– Быть по-вашему, отцы! Один-одинешенек живу я, как трава при дороге, никто по мне не заплачет. Не забудьте и вы меня в случае беды!

Приписные сняли шапки и долго глядели, как он переходил вброд речонку, как отдался демидовским холопам. Те усадили его на коня и повезли в Кыштым.

Демидов сдержал слово: за уходящими приписными не было погони. Позади лежала пустая темень, ненавистный завод, и оттуда все глуше и глуше доносился сторожевой собачий лай.

Связанного кабанщика заводские приказчики приволокли к Демидову. Парень был высок, силен. Оглядывая его решительное лицо, золотистую бороду, Никита, нахмутив черные брови, спросил:

– Это ты поднял народ?

- Я! – бесстрашно ответил Ивашка.
- Храбрый больно! – недобро усмехнулся хозяин. – До сей поры рогом землю роешь!
- Пошто сверх положенного срока пахарей держишь? Свои нивы осиротели, поджидают трудяг! – Парень не опустил смелых глаз перед Демидовым.
- Никита взглядом подозвал Селезня.
- Сего молодца убрать на шахту! – указал он на Ивашку. – В силе холоп, только руду ему и ломать!
- Не смеешь! – рванулся к заводчику Грязнов, но крепкие руки приказчиков удержали его.
- Хозяин уперся в бока.
- Демидовы все смеют! – сказал он холодно. – Отвести его на рудник!
- На другой день побитый, притихший Ивашка попал в шахту.

Глава седьмая

1

Люди проклинали это место: кругом взгромоздились голые скалы, в каменистых трещинах нашли себе приют лишь плакучие березки да горькие осины. Под угрюмой скалой – нора, по ней каждый день, ссутулясь, пробирались рудокопы к своим забоям. Среди нависших красно-бурых глыб кажется Ивашке, что его навеки схоронили живьем глубоко в черную бездну и ему никогда-никогда не выбраться из нее. Трепетный свет лучины слабо освещает уголок каменной гробницы; неровные стены, изъеденные бугры, по которым неслышно сочится подземная вода. Кабальному стало страшно, в тоске сжалось сердце.

– Гляди, как вода камень точит! – сказал он старику-рудокопщику. – Отколь только она взялась тут?

– Это мать сыра земля по нас плачется. Томимся мы тут на работе непосильной, голодуем, холодуем, она, сердешная, и жалится. За нас ей скорбно. Слезы точит она, точит...

Горщик смолк, пристраиваясь в забое. На мгновение наступила гнетущая тишина, в густой тьме, отмечая вечность, одна за другой со звоном монотонно падали капли в невидимую лужицу. Старик положил рядом кайло и спросил Ивашку:

– Ты, парень, видать, впервые под землей? Ничего, привыкай, ко всему привыкай: к горю, к кручине, к слезам земным! Бывает, что и людей заливают тут... Как звать-то?

– Иваном.

– Хорошее имечко. А меня кличут Данилкой. Чуешь, парень?

– Чую, – отозвался Ивашка, согнулся и полез в забой.

Весь день он ожесточенно бил кайлом в кремнистую породу, бил неотступно, упрямо, словно хотел пробить себе дорогу из могилы. Скинул намокшую от едкого пота рубаху. Но и жаркая работа и глухой стук кайла не могли отвлечь его от мрачных дум. Слишком грозен и душен мрак. Крохотный глазок огня сиротливо томился среди каменных громад, предвещающая беду. Железными острыми изломами поблескивала растущая груда руды. Кто-то черный, невидимый, с хриплым дыханием бросал ее в тачку и отвозил. Время тянулось медленно. «И когда наступит конец этому проклятому колдовству? И выберусь ли когда-нибудь на волю?» – думал Ивашка.

Усталость, как яд, разливалась в натруженных членах, в крови. Оцепенение леденило тело. Изломанный, ослабевший забойщик к концу дня выбрался из шахты. Он бросил наземь кайло и упал на траву. Грудь не вмещала хлынувшего могучего потока свежего воздуха: рудокопщик задышал часто-часто, закружилась голова, а глаза не могли оторваться и наглядеться на мир, на заходящее солнце, на широкую зеленую понизь, на которой стрижи с веселым писком чертили вечернее небо.

– Ну, вставай, парень, пора! – раздался над ним знакомый голос старого горщика.

Черные, угрюмые, рудокопы тронулись друг за дружкой к поселку. Ивашка пошел следом. Впереди и позади кабальных шли рудничные мастерки.

В темнеющем небе зажглись первые звезды. Над казармой редкими витками тянулся дымок – готовили ужин. Где-то поблизости в чахлах кустах в сумеречной тишине прозвучало ботало, одинокая буренка неторопливо брела к человеческому жилью.

– Эх, и жизнь горькая! – вырвалось у старика Данилки, и плечи его опустились еще ниже...

День за днем потянулась маета подневольного рудокопщика Ивашки Грязнова. И каждый раз перед спуском под землю тоскливое чувство сжимало сердце горщика; из черного

зева шахты всегда тянуло леденящим холодом. В эту темную сырую пропасть нехотя уходили люди. Ивашка огрубел, мускулы стали словно литыми; в лицо въелась порода, только борода гуще закурчавилась да на лбу пролегли глубокие морщинки от дум. Ночами в тесной рабочей казарме в спертom воздухе рудокопы на короткое время забывались в тревожном сне. Многие бредили, и во сне не покидали их муки, тяжелый кашель колыхал грудь.

Ивашка приглядывался к горщику Даниле. Благообразен, терпелив старик. Он, как пенёк, оброс мохом, могучими узловатыми руками вцепился в землю.

– Откуда ты? – любопытствовал молодой рудокоп.

– С Расеи беглый. Убийца, свою женку порешил и сюда на Камень хорониться прибег. Вот и ухоронился в демидовской могиле. Горюном стал! – охотно поделился с Ивашкой старик. Речь его была спокойна, незлобива, а глаза ясные, как небо в закат.

– За что ж ты ее? – помолчав, спросил парень.

– Бабу? За измену, не стерпело сердце, пролил кровь внапрасне!

И то дивно было Ивашке, что, неся расплату за кровь женки, никогда Данилка не клял женщин, не ронял про них грязных слов.

– Женщина велика сердцем, а мужик перед ней слабодушен. Каждого человека мать родила. Разве можно хаять родную мать? Неуместно, парень, дурное слово про родимую плешь... Бывает и так – добрая баба и телесной силой мужика превышает... Скажу тебе один сказ...

Старик приподнялся на жестком ложе.

– Уральскую бабу не возьмешь ни силой, ни страхом. Ее вода не берет и зверь обходит. На Камне баба прошла великое горе и стала крепкой, особых статей человек. Когда-либо слышал про камскую Фелисату? Нет? Эх, жалость! Великая атаманша была, слухом наполнила горы...

Горщик примолк, нахмурился, приводя в порядок мысли, и продолжал свою быль:

– Давным-давно на лесном Усолье жил один поп, было то назад лет сто, а может, и поболее. Женился этот поп на своей работнице, из Орла-городка пошла она к нему в услужение. Девка была кремень, красивая, глазастая, а силы такой, что раз переоделась парнем да на бой с солдарами вышла. Тогда в Усолье по праздникам кулачные бои бывали. Пристала она к партии, которая послабей, и всех покрушила. Увидел это поп и прилип, женился на ней. Человеку все мало, бес его на ссору толкает, часто поп забижал женку. Только терпела-терпела Фелисата, да размахнулась и ушибла попику, уgomонила навек. Ну, похоронили попу с честью, хотели было Фелисату взять, не далась, кто с такой силищей справится? Тут стрельцов пригнали, сонную забрали, посадили... Что ты думаешь? Она, слышь-ко, в ту же ночь высадила ворота в остроге, сама ушла и всех колодников за собой увела. Вот тебе и баба!..

Данилка закопошился в своем тряпье, на стене качнулась его огромная лохматая тень. В оконный проруб заглянула робкая звездочка. Ивашка торопил:

– А дале что?

– Потерпи, дай помыслить. – И снова зажурчала неторопливая речь горщика: – В ту пору на Каме у самого Усолья стояла большая строгановская ладья. Села Фелисата с колодниками в ладью, отвезла их в Орел-город и отпустила на все четыре стороны. «Идите, братцы, промышляйте гулящим делом. Кладу вам завет: воевод и купцов хоть в Каме топите, а мужика не трогать! А кто мужика тронет, того не помилю!..» Сказала и ушла. А в Орле-городке подманила она двух сестер своих, девки могутные, в красе орлицы, перерядились парнями, раздобыли доброго оружия и стали по всей Каме-реке плавать... А где, слышь-ко, узнает, что есть сильная баба или отважная девка, сейчас Фелисата к себе сманит. Так и собрала она большую да грозную шайку, баб с полсотни у ней было. Нашли они себе пещеры потайные, изукрасили персидскими коврами да дорогой утварью и положили промежду себя зарок, чтобы добычу делить поровну и в стан свой мужиков не пускать, жить без соблазну. Э, вон как!.. Что-то бок ломит, недужится мне, – вздохнул старик и заворочался в своем логове.

Огонек в каганце то вспыхивал, то погасал. Робкая звездочка заметно отошла от оконного проруба. Ивашка сидел на жестких нарах, повесив голову.

– Ну что загорюнился, бедун? Слушай дале! – ободряюще сказал горщик и продолжал свою бывальщину: – А в той поре, слышь-ко, из Сибири караван с царским золотом по Каме шел. Проведала о нем Фелисата и на легких стругах кинулась по следу. Под Оханском нагнала, перебила всех стрельцов, что с караваном шли. Из Оханска поспешила царским слугам помощь, Фелисата помощь отогнала, а оханского воеводу на берегу повесила. Забрала награбленное и ушла в свои потайные пещеры... Пять годков бушевала Фелисата, ни купцу, ни царскому приставу ходу на Каме не было. Ежели кого начальство либо хозяева обижали, сейчас к ней шли. Она уж разбирала спор по всей правде. Одного князя как-то за обиду крестьянскую высекла розгами, а кунгурского купца, так того вверх ногами повесила. В Сарапуле вершил всем воевода один, ладился поймать ее. Все своим служакам, приказной строке, похвалялся: «Настигну да запру ее в клетку железную!»

Прослышала Фелисата похвальбишку воеводы и сама среди темной ночи наехала к нему. «Ну, запирай, – говорит, – посмотрю я, как ты с бабой один на один совладаешь».

А у воеводы от страха язык отнялся. Только потому, слышь-ко, она его и помиловала. Раз узнала она, что на Чусовой проявился лихой разбойник и себя за ее выдает. А разбойник-злодей этот больно простой народ обижал. Не стерпело ретивое, послала она к нему свою подручную: «Ой, уймись, лих человек, пока сердце мое злобой не зашлось». А подручная-то на беду была, слышь-ко, красавица писаная, пышная да синеокая. Разбойник не пожалел – обидел девку. Тут и поднялась сама Фелисата, повела за собой бабью вольницу и вызвала его на открытый бой. На Чусовой они и дрались. Два дня крепко бились, вода заалела от крови; на третий день одолела она злодея. Тогда собрала на берегу всех крестьянишек, кому разбойник обиду нанес, велела принести на широкий луг большой чугунный котел, связала поганца и живьем сварила его в том котле. И стали все ее бояться и уважать. И я там, слышь-ко, у ней был, мед пил, по усам текло и в рот перепало! – неожиданно оборвал свою байку старик и улыбнулся глазами. – Чур, меня ко сну клонит, старые кости гудят...

– Стой, погоди! – схватил за руку горщика Ивашка. – Не увиливай, скажи, что стало с Фелисатой-девкой?

– Что, хороша баба? – ухмыльнулся Данилка и огладил бороду. – Людская молва рассказывает, под старость покаялась девка, в Беловодье ушла, там монастырь поставила и сама игуменьей стала. Другие гуторят, на Волгу ушла, Кама тесной ей показалась. А кто знает, что с ней? Может, и сейчас жива, такие могутные, слышь-ко, по многу веков живут... Ага! – кивнул старик. – Ишь ты, сверчок заиграл!..

Он улегся, укрылся тряпьем и быстро отошел ко сну, а Ивашка все сидел, думал, на сердце его кипела неумная ненависть к Демидовым, искала выхода. Огонек мигнул и угас, в подполице заскребласьмышь, а думки, как тучки, бежали одна за другой, тревожили сердце. Полночь. На заводе ударили в чугунное било. Звук, как тяжелый камень, упал во тьму, и от края до края ее побежали круги... За оконным прорубом задернулся синий полог неба. Из темных углов казармы вылезли неясные тени. Горщик отвалился на спину и уснул...

2

Горюн Данилка занемог, старость да каторжная работа сломили крепкую, неподатливую кость. Горщик слег, не вышел на работу. Приказчик Селезень доложил о том Никите Акинфиевичу. Демидов нахмурился, сам наехал в рабочий закуток. Горщиков выстроил в ряд. Хозяин пытливо оглядел их.

– Притащить Данилку!

Два досмотрщика приволокли старика. Горщик опустил перед хозяином на колени.

– Почему на работу не вышел? – грозно спросил Никита.

Старик покорно склонил голову, прошептал запекшимися от жара губами:

– Хворь одолела, хозяин. Из сил выбился, видно, ostatние отошли... Ох, смертушка...

– Не притворяйся, старый оборотень! – прикрикнул заводчик. – Ката сюда!

Данилка прошептал:

– Бога побойся, хозяин! Хвор я и немощен... – Глаза старика были печальны, вид – скорбный.

Демидов не отозвался. Заложив руки за спину, он не спеша прошелся перед фрунтом работных.

– Построить улицей, да по вице каждому! – кивнул Никита Селезню.

Ивашка стиснул зубы, однако вместе с горщиками построился в «улицу». Во двор въехала телега, нагруженная доверху лозняком. Рядом с ней шествовал заводский кат – плечистый варнак с дикими глазами. В недавнюю пору привез его Демидов из отцовской вотчины Тагила.

«Пусть привыкают к демидовским обычаям, – рассудил Никита Акинфиевич. – Холоп да беглый только боя и страшится!»

Глядя на ката, молодой горщик весь затрепетал. Рудокоп, сосед по забою, незаметно сжал Ивашке руку, шепнул:

– Ты, парень, не трепещи. Обычай! Против силы не супротивься. А будешь идти поперек – ребра поломают! – Он угрюмо поглядел на Ивашку, на его чумазом лице блеснули белки глаз.

– Не буду я бить! – тихо, но решительно отозвался молодой горщик. – Пусть лучше убьют, а псом не буду!

– Ну и убьют. А ты тише!.. – предупредил рудокопщик.

Кат схватил Данилку за шиворот и одним махом сорвал ветхую, рваную рубаху; он легко вскинул старика себе на плечи и подошел к хозяину.

Рудокопам дали по лозе. Селезень, вручая вицу, поучал:

– Бей наотмашь от всей силы! Недобитое сам примешь на свою спину.

– Начинай! – нетерпеливо крикнул Никита и захлопал в ладоши: – Раз-два... раз-два...

Медленно ступая, кат пошел по живой улице. Угрюмо опустив глаза, горщики друг за дружкой наотмашь опускали вицы на костлявую спину старика. Она мгновенно очертилась белыми рубцами; они бухли, наливались кровью.

Старый Данилка незлобиво крикнул товарищам:

– Умираю, братки, не выдержу!..

Никто не отозвался. Безмолвствовал и Грязнов. Только сердце его гулко билось в тишине, словно рвалось на волю. Чем ближе размеренный шаг ката, тем сильнее стучит сердце.

Рядом послышалось сопение, медленный шаг ката оборвался подле Ивашки. Кат злобно глянул горщику в лицо:

– Ну, что не бьешь? Не задерживай!

– Не буду! Пошто над стариком издеваетесь? – истошно закричал парень и бросил вицу под ноги кату.

Полуобнаженный старик с поникшей головой вдруг ожил и простонал:

– Бей, Иванушка! Мне все едино, а тебя жаль...

На лбу у молодого горщика выступил пот. Не помня себя, он рванулся вперед, но тут дюжие приказчики схватили его за руки.

– Пусти, пусти! – кричал Ивашка. – Все равно не дамся!

Демидов подошел к нему и, не повышая голоса, сказал:

– Не даешься, супостат? Петухом запоешь! Двести всыпать!..

Схваченный, зажатый в сильных руках, горщик задыхался от переполнявшей его злобы к хозяину. Он рвался из крепких рук; сильный горщик тянул за собой приказчиков...

Между тем стоны старика становились все глуше и глуше. Когда кат вернулся тем же медленным, степенным шагом обратно по живой улице, Данилка лежал на его спине – неподвижный, молчаливый.

Палач положил тело у ног заводчика.

– Никак не выдюжил! – удивился тот. – Отошел, ишь ты! – покрутил головой Никита и перекрестился: – Прости, Господи, его тяжкое ослушание... А парня проучить хлеще. Я из него вольный дух вышибу...

Ивашку вскинули на спину ката и повязали руки-ноги. Дюжие приказчики придерживали его.

Не от боли, от жгучей обиды зашло сердце горщика: свои работные хлещут. Он вспомнил бывшие Данилкины наказания: «Тут, братик, слышь-ко, за каждую противность бьют, – поучал старик. – Ежели доведется тебе, распусти тогда тело. Пусть дряблится, как кисель...»

Провели раз по живой улице – Ивашка помнил все. Второй пошли – вокруг заволокло туманом. В третий – парень обомлел. Бесчувственного, его бросили на истоптанную землю.

– Водой отлить! – скомандовал Демидов. – Этот еще молод, оберечь надо, для шахты надобен...

Приказчики отлили Ивашку, привели в чувство. Никита пригрозил рудокопщикам:

– Вот куда болезнь влечет! У меня чтобы хвори не было!

Горщик Грязнов после боя на третий день поднялся и по приказу Селезня спустился в шахту. К телесной боли прибавилась и душевная. Узнал рудокопщик: замученного Данилку кат сволок за ноги в перелесок и зарыл без домовины, без креста в землю.

– Ровно пса! – сокрушался Ивашка.

В темные ночи тайком он сладил восьмиконечный крест и водрузил его на могиле друга. Горщик поклонился праху Данилки и затаил еще пуще злобу на хозяина.

3

Однажды к Ивашке в забой перевели рослого парня.

– Робь, да сторожо! – предупредил его он.

Парень молча бил породу. Ни слов, ни песен у обоих не находилось. Так прошла неделя, горщик стал привыкать к молчаливому парню... И тут стряслась напасть: тюкнул сосед в породу – под кайлом зашумело, оторвалась грузная глыба и осела рядом с горщиком, чуть не придавила его. Обозленный Ивашка поднялся, крепко зажал в руке кайло, подполз к неосторожному рудокопу.

– Ты что ж, удумал захоронить меня тут? – в его голосе кипело раздражение. Он подобрался к рудной осыпи. Из-за нее высунулась лохматая голова, на густо вымазанном землей лице блеснули большие глаза.

– Ахти, грех какой! – тонко выкрикнул парень.

– Эй, берегись, ожгу! – сердито закричал Ивашка и сгреб парня за грудь. Кровь ударила в лицо горщика: «Девка! – ахнул рудокоп и присел на глыбу. – Как же так?» Он во все глаза с изумлением глядел на молодку. Как только он на заметил раньше! Лицо у молодки круглое, волосы светлые, перемазанные рудой, плечи широкие. Крупна и красива девка.

– Да как ты тут появилась? Уж не оборотень ли? – нахмурился горщик.

– Ну что я теперь делать буду? Куда укроюсь? – загорюнилась девка, и по ее щекам показались крупные слезы.

Ивашка присел рядом с ней, заглянул в ее большие глаза, угадал тревогу. Сердце его отошло. Он положил ей на плечо руку и задушевно сказал:

– Ты, девка, не бойся! Поведай, кто ты? Уж не Фелисата ли?

Рудокоп впился взором в сероглазую и вдруг поверил в сказку: «Уж не про нее ли сказывал старый горщик Данилка?»

– Нет, не Фелисата. Аниска я!

– Так! – тяжело вздохнул горщик, но волнение не покидало его. – Что за горе-беда загнали тебя под землю, в темь кромешную?

– Ох, не спрашивай про мое горюшко! – Девка притихла, утерла слезы. – Известно, бабья доля! Сирота я, а дядя житья не давали, понуждали замуж за старого. Порешила я лучше живой в могилу, чем со слюнявым век вековать!

Как червоточинка, в сердце Ивашки просочилась внезапная ревность.

– Аль дружка заимела? – волнуясь, спросил он.

– Ой, что ты! Никого в целом свете! – с жаром отозвалась она и придвинулась ближе. – Христом молю тебя, не губи меня! Никто тут не догадывается, кто я!

– Не бойсь! – уверенно сказал Ивашка. – В обиду не дам и про все смолчу.

Огонек погас, и они долго сидели во мраке, вспоминая зеленый лес и вольную жизнь.

С этой поры у них началась тайная дружба, работали они в забое вдвоем спорко. Нередко после работы они вылезали нагору и ложились на камни, любясь лесами, понизью, среди которой прихотливо вилась Кыштымка. От дневного жара камень был еще теплый, и воздух ласкал лицо. За дальними озерами в тайгу погружалось солнце, небо пылало пожаром. Устремив взор в безбрежную даль, они жадно дышали и не могли насытиться живительным запахом полевых трав и цветов. Никто не мог бы и помыслить, как жарко бились их сердца. По-иному теперь смотрела в прорубь окна темно-синяя ночь. Знакомая яркая звездочка в обычный час проплывала мимо, струилась голубым светом, проникала до самого дна человеческой души. И лес стал иным, дышал ароматом в окно.

Через каждые полчаса у заводских ворот караульщик отбивал время в чугунную доску, и теперь Ивашка ждал с нетерпением часа, чтобы побыть вместе с Аниской.

Над землей пролетел знойный июль, среди жмурого леса на елани пышным ковром цвели мятлик, медунка, багульник, звери хлопотливо бродили с выводками. Над долинами струился золотистый свет. Все радовалось жизни; радость, скупая и робкая, проникала даже под землю. Аниска часто вздыхала и задумывалась.

Кайло глубже врезалось в землю, а капли звучали чаще, обильнее. Тяжелые пласты сочились спорким дождем. Под ногами хлюпала стылая вода. Горщики копали отводы, но вода не спадала. Она накапливалась в глубоких выбоинах, журчала по стенам шахты, часто низвергалась потоком из невидимой щели.

Аниска в тревоге говорила горщику:

– А как да хлынет в шахту, сгинем тогда?

– Я то ж чую, что идет беда! – согласился Ивашка и, припав плечом к девке, зашептал жарко: – Быть потопу, но нам это на пользу надо оборотить! Как хлынет, суматоха будет, тогда мы и уйдем в горы, слышь-ко, Аниска...

– Милый ты мой! – жарко прошептала она и, сами того не ожидая, оба крепко обнялись.

Когда оторвался Ивашка от радостной ласки, улыбнулся:

– Их, зелено! Даже в могилке, слышь-ко, любить можно крепко.

Аниска укрыла лицо рукавом, только большие чистые глаза горели, как огоньки...

4

В один из дней невидимые коварные воды промыли ход и с шумом устремились в шахту. Злобясь на тесноту и темь, воды яростно кидались на стены и развороченные пласты, швыряли на пути людей, губили их, заливая и перегрызая дорогу к спасению.

Страшные крики огласили земные недра:

– Братцы, ратуйте! Погибаем!..

Теряя рассудок, рудокопщики мчались по темным норам, а буйная кипень настигала их. Схватившись за руки, Ивашка и Аниска устремились к выходу. Они первыми выбрались из проклятой топи. К шахтам бежали встревоженные люди, были бабы.

Горщик с подругой укрылись за камни, проползли в кусты и там просидели дотемна. Над заводом беспрерывно били в колокол, суетились люди. Из шахты выбрались отдельные горщики, многие тут же пали на землю. В ушах Аниски все еще стоял зловещий шум воды, полные предсмертной тоски крики людей. Она прижалась к любимому:

– Ой, как страшно, Иванушка!

Он бережно обнял ее:

– Страшно, а думать о том некогда. Надо выбиться нам в горы, Аниска. Люди подумают – утопи, и сыска не будет...

– С тобой хоть на край света!

С гор шли вечерние тучи, угасал закат, и над землей сгустились серые тени. Близилась ночь. За плотиной, за черными рощами вспыхнул огонек в хорамах Демидова.

Когда тьма окутала горы, завод, поселок, Ивашка встал, потянулся и сказал девке:

– Ты поджидай, я скоро вернусь!

Аниска осталась одна; каждый хруст ветки, внезапный шорох тревожили ее. От озер плыла прохлада. Лось – семизвездье – золотыми копытцами взбирался в синеву неба. Может, и часа не прошло, – в густой тьме в Кыштыме вспыхнуло и зацвело жаркими цветами пламя.

«Пожар!» – испуганно подумала Аниска, и страх охватил ее.

Во мраке зловеще поплыли тяжелые удары набата. По тому, в какой стороне прыгали и бесновались остренькие красные язычки пламени, Аниска догадалась – горят демидовские хоромы.

«Что с ним? Не приключилось бы напасти!» – с тревогой подумала она об Иванушке.

На каменистой тропе, бегущей от завода, послышался невнятный конский топот. Он нарастал с каждым мгновением. Всадник скакал в горы, близко зацокали подковы.

«Гонец мчит с завода!» – догадалась Аниска и припала за куст.

Стук копыт оборвался рядом, всадник свистнул, и по кустам прошелестел еле слышный зов:

– Аниска!..

Она выбралась на тропу, горщик подхватил ее и усадил позади. Девка прижалась к широкой его спине, обняла его крепче и затихла.

Заглушая топот, в лесу шумел ветер. Крепким смолистым духом дышала тайга. Вверху среди звезд по темно-синему небу катился золотой месяц. А внизу, на глухой тропке, в неизвестность уходили беглецы.

Днем среди скал, где в тишине зеленых мхов бормотал падун-ручей, они сделали привал.

Солнце кружило над лесом, звенела мошकारа. Надо было угадать, куда держать путь...

Они были голодны, но полны счастья.

– Ушли от демидовской каторги. Утроба пусть немного потоскует, зато воля!.. – радовался Ивашка.

Не знал, не гадал он, что за ним следят зоркие глаза. Где-то вдаль несколько раз болезненно-скорбным криком прокричал кулик, над мхами с глухим шумом пронеслась утиная стайка...

Среди леса внезапно раздался пронзительный свист, загикали десятки могучих глоток. От конского топота задрожала земля, проснулся тихий лес... На Ивашку кинулись скуластые молодцы и стали вязать руки.

«Башкирцы!» – ожгла догадка беглого.

Рядом, под развесистой сосной, остервенело, как волчица, отбивалась Аниска. Скуластый богатырь старался схватить ее. «Эх, разбойники!» – закипела у беглого кровь. Завидя подругу в беде, он рванулся и раскидал нападавших.

– Мухамет! Мухамет! – закричали башкиры.

Ивашка ударом кулака свалил косоглазого крепыша, проворно подобрал выпавшую из его рук кривую сабельку. Злые, разгоряченные лица окружали его, градом сыпались удары, но, припав спиной к лесине, горщик крушил врагов. Оставив Аниску, удалцы кинулись на Ивашку.

– Беги! На коня! – закричал он ей, но в этот миг меткий удар сабельки обрушился на его голову.

– Эх!.. – успел только промолвить горщик, и земля закружилась под ним. В голове беглого зашумело, невыносимая боль сдавила темя и отозвалась во всем теле. Он сделал два шага к своему противнику, но почувствовал, что силы оставляют его. Теплая струя крови застлала глаза. Он упал.

И не слышал Ивашка, как башкиры сволокли его под большой выворотень и бросили на сырую обнаженную землю. В разорванной рубахе, с медным староверческим крестом на орошенной кровью груди, лежал горщик, раскинув руки...

5

Когда Ивашка очнулся и пришел в себя, он увидел, что лежит на куче хвороста. Страшная боль терзала тело.

Вспомнив все, беглец застонал. Под ветром шумел лес, в просветы виднелось синее небо. Изнывая от боли, со стоном парень приполз к ручью и припал лицом к студеной воде.

Кругом безмолвие. Только неизвестно откуда залетевший ворон-ведун сидел на сухом суку и зловеще каркал.

«Сбегла или башкиры пленили?» – подумал горщик про Аниску и опять потерял сознание.

На ранней заре беглый открыл глаза. Он лежал на пригорке; кругом неторопливо, заливая кусты и кочки, расползлись холодные пряди тумана. Вершины сосен, озолоченные восходом, раскачивались над этими зыбкими белесыми волнами. И вдруг, словно из пучины, показалась страшная взлохмаченная голова. Седые растрепанные космы ее сливались с туманом, серое морщинистое лицо, запавший рот. Горщик задрожал. «Нечистое место!» – со страхом подумал он и мысленно стал ограждать себя молитвой.

С дальних гор сорвался холодный ветер, взволновал туман и погнал прочь.

Страшный призрак вновь окунулся с головой в белесую муть. Ивашка облегченно вздохнул: «Слава тебе, господи, отогнал!»

Но в эту самую минуту из уходящего тумана выбрела маленькая сгорбленная старушонка с подслеповатыми глазами. Она шла, опираясь на клюшку, бормоча что-то под нос.

«Ведьма!» – решил Ивашка. Откуда только и сила взялась! Крестьясь и отползая прочь, он закричал:

– Уйди! Уйди!..

Старуха вздрогнула, огляделась и заметила беглого. Нисколько не страшась его, она подошла к пригорку. Подол ее платья был подоткнут, а в нем виднелись травы. Ноги старухи были босы. Она степенно оправила волосы, засунув их под платок.

– Кто ты? – спросила старуха горщика и, нагнувшись, оглядела его. – Ай-ай, горюшко какое!..

На горщика глядели добрые старушечьи глаза. Он притих, прошептал чуть слышно:

– Беглый я, демидовский. Отхожу тут... Аль по мою душу пришла? – опять охватило его сомнение.

Старуха внимательно осмотрела раненую голову Ивашки.

– Не бойся, милый! Не тужи!.. Оленка я – христианская душа. Кабы не пришла, сгиб бы ты, а теперь жить будешь...

Непрестанно бормоча, она просеменила к ручью, принесла воды, отмыла раны.

– Ты не вертись, собирайся с силушкой! Тут балаганчик есть, косцы откосились, сена много. Доберешься?

– Нет, не добраться мне, баушка! – поник головой Ивашка.

– А ты потужись! Надо добраться, там и укроешься, а я тебя травками, травками всю хворь облегчу...

Речь ее звучала усыпляюще-размеренно, как глухое бормотание падун-ручья.

Она схватила его под мышки и поволокла. Беглый, облегчая ей усилия, цеплялся руками, двигал ногами и полз вперед...

В шалаше среди сухой елани было тепло, приятно. Беглый зарылся в сено. Старуха подала ему горбушку хлеба. Он жадно съел и запил водой.

– А теперь, сынок, спи, набирайся сил. Я приду! – говорила старуха.

Олена сдержала свое слово: пришла и на другой и на третий день. Она принесла навар из лесных трав, омыла рану, перевязала чистой тряпицей и накормила беглого.

– Терпи, милый, не сдавайся. Выбирайся из хвори! – бормотала она и творила молитву.

Боли утихли, взор горщика стал ясен, разумен...

Старехонька Олена, а лесными травами выходила беглого. В скором времени он поднялся. Бродил по лесу травленным зверем, неслышно, крадучись. Однажды набрел на глубокое голубое озеро. У тихих вод встали изумрудные сосны с медными корнями, раскиданными по теплому песку. Сосны глядели в озеро, а там в глуби отражались другие, опрокинутые. И так сладостно-тихо было созерцать эту тишину. Долгие часы горщик сидел над озером, поджидая Аниску.

Но девка не шла; как звезда, мелькнула в жизни и упала далеко.

Ночью над заброшенным балаганом катился месяц, струясь зеленоватым светом, а на елань выбрался волк; сев на задние лапы, он поднял кверху острую морду и протяжно-тоскливо завыл на луну...

«Уходить надо!» – решил Ивашка. На другой день горщик поклонился бабке Олене, обнял ее, как мать. У старой потекли слезы. Утирая их, она присоветовала:

– Беги на восход, все по ручью выйдешь на речку, иди по ней день-два, увидишь ты горы, дремучий лес. Тут и быть пустыньке, скитам. Там нашей древлей веры людишки и укроют тебя...

Он взял от Олены узелок и ушел в тайгу. Темный ельник скрыл его, а старуха все стояла и глядела добрыми глазами в ту сторону, где исчез беглый...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.